

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

11

Н О Я Б Р Ъ

О Г И З * 1 9 3 5
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

СОДЕРЖАНИЕ № 11*Стр.*

Да здравствует восемнадцатая годовщина пролетарской революции в СССР	1
В. Тадевосян — Борьба с преступлениями несовершеннолетних	4
С. Митричев — Отмена квартальной системы и борьба со спекуляцией	9
А. С. Тагер — Кассационные заметки	12
Н. Александрович — Добиться перелома в информационной работе	19
А. Баталин — Новый этап в борьбе за правильные измерительные приборы	22
В. Малко — О кассационных заседаниях военных трибуналов	25
О. А. Зубков — Больше внимания гражданским делам	27
А. М. Либрман — По поводу „отирывающего забрала“	28
И. Плотников — На защиту женщины от издевательств	29
П. Ш. — Об оформлении и хранении судебного дела	31
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	32
По союзным республикам	62
Библиография	59
Сводная важнейших постановлений	63

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

НОЯБРЬ 11
1935 г.

Редакция:

Москва, Б. Дмитровка, д. 15

ДА ЗДРАВСТВУЕТ

ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГОДОВЩИНА ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СССР:

Восемнадцатую годовщину Октября СССР встречает в полном расцвете своих творческих сил. Восемнадцатая годовщина Великой Октябрьской революции застаёт нашу родину на высоком подъёме ее социалистического строительства, вписавшего в историю всемирной борьбы трудящихся за свое освобождение не одну блестящую страницу грандиозных успехов и побед.

Социализм в нашей стране победил окончательно и навсегда. Наша страна творческими усилиями рабочего класса в союзе с трудящимися массами крестьянства, под руководством нашей великой коммунистической партии и ее гениальных вождей Ленина и Сталина превращена в мощную страну социалистической промышленности, в грозный оплот борьбы за мир во всем мире, в крепость международного движения за коммунизм, в знамя международной коммунистической революции.

Восемнадцатая годовщина Октября застаёт нашу промышленность бьющей ключом. Наша промышленность к восемнадцатому году пролетарской революции сумела занять по выпуску продукции второе место в мире после США и первое место в Европе. Она занимает первое место среди всех европейских государств по нефти, чугуну, стали, машиностроению, тракторостроению, производству грузовых машин. Производство нашей металлообрабатывающей

промышленности уже в прошлом году превзошло уровень 1913 г. более чем в 12 раз, машиностроение СССР превысило довоенное в 16 раз, электроэнергии мы производим в 12 раз больше, чем до войны, а общий уровень производства средств производства в 1934 г. превосходил уровень 1913 г. в 7 раз. Мы создали мировые гиганты с самой передовой техникой во всех отраслях народного хозяйства.

Блестяще осуществляется лозунг партии Ленина — Сталина — «догнать и перегнать» в кратчайший срок передовые в техническом отношении капиталистические страны.

В ряде отраслей промышленности эта задача уже решена, в ряде — наша промышленность накануне полного разрешения этой задачи.

Сельское хозяйство представляет собою невиданную в мире организацию хозяйства на новых социалистических началах. 350 тысяч тракторов и 50 тысяч комбайнов, брошенных нами в деревню в этом году, одержали знаменательную победу. Эта победа украшает и наши колхозы и наши совхозы.

Миллионные массы колхозников, опирающихся в своей хозяйственной работе на новую социалистическую технику, охваченные новым энтузиазмом, дают замечательные образцы героической борьбы за высокий урожай, за подъем животноводства, за превращение наших

колхозов в большевистские, а колхозников в зажиточных, претворяя в жизнь на каждом шагу своей деятельности великий лозунг т. Сталина, формулирующий новые требования в деле колхозного строительства.

Победа сталинского устава сельскохозяйственной артели, сочетающего общественные интересы колхозов с личными интересами каждого колхозника, привела к высокому качеству, скорости и организованности колхозной работы при проведении сева, уборки урожая и при выполнении лежащих на колхозах перед государством обязательств.

Переворот, произведенный на нашем транспорте партией, поставившей во главе этого труднейшего участка нашего народного хозяйства испытанного и лучшего соратника т. Сталина — Лазаря Моисеевича Кагановича, привел к гигантским успехам погрузки, являющимся наиболее ярким показателем переживаемого нашим транспортом небывалого подъема.

Опрокинуты и вдребезги разгромлены контрреволюционные теории «пределцев», засевавших на отдельных участках нашего транспорта, срывающих план железнодорожных перевозок и всячески боровшихся против его большевистского выполнения.

Небывалый рост культурно-материального благополучия масс, рост новой социалистической культуры, выдвинувшей целые отряды энтузиастов социалистического труда и социалистической дисциплины, этих замечательных вожатых массового движения, за новую организацию, за более высокую и подлинно социалистическую производительность труда, — Стаханова, Бусыгина, Виноградовых, Кривоноса и многие тысячи и десятки тысяч их друзей и соратников, пятисотниц Демченко, Гнатенко, Ганну Кашеву, Нину Шипук, Христию Байдыч, Катерину Андрощук и еще многие тысячи незаметных, скромных, но замечательных всем своим общественным обликом новых людей, рожденных Великим Октябрем и воспитанных всей нашей замечательной эпохой, — открывает новые яркие страницы истории этих восемнадцати лет Пролетарской революции, с каждым годом своей жизни поднимающей нашу страну на новые и новые высоты хозяйственного, культурного и политического могущества, обеспечивающего и

дальнейшие еще более блестящие победы социализма.

На основе этих успехов, опирающихся на мощный фундамент новой социалистической экономики — общественную социалистическую собственность, — еще крепче и непоколебимее стоит союз рабочего класса и колхозного крестьянства, под знаменем пролетарской диктатуры борющихся за построение бесклассового социалистического общества.

Пролетарская диктатура в восемнадцатый раз празднует свою победу на одной шестой части мира над своими классовыми врагами, разгромленными и пушенными великой революцией трудящихся ко дну. Самый отвратительный и подлый из всех эксплуататорских классов — кулачество — окончательно разгромлено и ликвидировано как класс.

Колхозы охватывают сейчас около 85% крестьянских хозяйств и вместе с совхозами дают советской стране свыше 90% всего хлеба.

В городе добиваются последние остатки эксплуататорских классов.

На основе этих успехов поставлена задача окончательной ликвидации классов вообще, искоренения последних остатков старого эксплуататорского общества из экономики и сознания людей, построения бесклассового социалистического общества.

На этой основе шире разворачивается борьба в зарубежных странах наших братьев по классу, изнывающих под игом капитализма.

Исторические решения VII конгресса Коминтерна о единстве действий в борьбе пролетариев всех стран еще крепче сплачивают трудящиеся массы для борьбы против кровавого фашизма и поджигателей новой империалистической бойни, для борьбы в защиту СССР, за победу социалистической революции во всем мире.

Таковы великие итоги восемнадцати лет Пролетарской революции. Эти итоги являются прямым результатом торжества генеральной линии нашей партии, великой партии Ленина — Сталина, торжества ленинизма, торжества сталинского руководства социалистическим строительством.

Таков путь восемнадцати лет Пролетарской революции.

Этот путь был достаточно труден. Он требовал упорных, систематических и

самоотверженных усилий, чтобы сокрушить сопротивление гибнущего классового врага и его агентуры, чтобы преодолеть все трудности социалистического наступления.

Под гениальным руководством т. Сталина блестяще были преодолены трудности, связанные с ожесточенной борьбой против партии и дела рабочего класса различных контрреволюционных элементов, особенно контрреволюционных троцкистов и зиновьевцев, не остановившихся перед убийством лучшего друга и сподвижника т. Сталина, руководителя ленинградских большевиков Сергея Мироновича Кирова.

Наша партия, под руководством своего ЦК во главе с т. Сталиным, беспощадно разгромила правых и «левых» оппортунистов, вредителей, белогвардейских диверсантов и контрреволюционные троцкистские и зиновьевские подонки.

Но логика классовой борьбы капиталистических элементов против социализма, логика их классового сопротивления толкает последние еще уцелевшие остатки враждебных делу социализма сил на дальнейшую и порой еще более ожесточенную борьбу против расцветающего социалистического общества.

В этой борьбе на долю органов советской юстиции — детища Великого Октября — выпадает громадная ответственность и серьезные исторические обязанности. Перед органами советской юстиции во весь рост стоит задача — окончательно добить остатки враждебных нам преступных элементов.

Задача последовательной, политически заостренной, мужественной борьбы против преступных заговорщиков и подрывников нового советского строя и сейчас стоит во всей своей остроте, ибо классовый враг не сдаётся и продолжает свою озлобленную звериную борьбу.

Вот почему и на девятнадцатом году пролетарской революции органы суда и прокуратуры являются столь же необходимым и важным орудием пролетарского государства, как и в прошлые годы.

Ни на минуту не ослаблять нашей революционной бдительности, ни на минуту не притуплять острия нашего оружия революционного правосудия, быть по-прежнему беспощадными к врагам пролетарского государства, к врагам нашей

социалистической родины, — вот основная заповедь в нашей работе.

Наша задача, однако, не исчерпывается беспощадным подавлением преступных посягательств со стороны враждебных делу социализма элементов.

Задачи органов суда и прокуратуры шире. Они заключаются в широкой массово-воспитательной работе, в воспитательно-принудительном воздействии на сознание неустойчивых элементов из среды самих трудящихся, в систематической переделке их сознания, отравленного пережитками и предрассудками старого капиталистического общества, в укреплении новой пролетарской дисциплины, в воспитании нового социалистического правосознания.

Восемнадцать лет назад, на другой день после низвержения власти временного правительства и установления советской власти, декретом № 1 о суде была уничтожена буржуазно-помещичья юстиция и были провозглашены новые задачи советской юстиции.

За эти восемнадцать лет органы советской юстиции своей беззаветной и мужественной борьбой сумели, правильно разрешая свои задачи, правильно развертывая на основе указаний нашей партии и правительства борьбу против врагов советского строя, нанести этим врагам не один сокрушительный удар, одержать над врагами не одну блестящую победу.

За эти годы советская юстиция окрепла и возмужала, являясь верным и преданным стражем интересов пролетарского государства и всех трудящихся, верным стражем социалистического правопорядка, социалистической законности, общественной социалистической собственности.

Вступая в девятнадцатый год пролетарской революции, органы советской юстиции, советский суд и советская прокуратура будут и впредь верно служить рабочему классу, беззаветно борясь за благо и славу пролетарского государства, за интересы трудящихся, осуществляя во всей своей практической деятельности указания великого вождя нашей партии и трудящихся всего мира, великого вдохновителя и организатора блестящих побед социализма в нашей стране, товарища, друга и учителя — Сталина.

Борьба с преступлениями несовершеннолетних

Прошло уже восемь месяцев с момента издания одного из важнейших законов нашего времени — постановления ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г. о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, историческое значение которого, вопреки клеветническим измышлениям фашистских борзоницев, с особенной ясностью раскрывается после опубликования другого важнейшего постановления партии и правительства 31 мая 1935 г. о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. Поставленная перед всеми нашими органами, перед всей нашей общественностью возможная только в социалистической стране задача окончательной ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, а вместе с тем и детской преступности в буквальном смысле слова всколыхнула всю нашу страну, подняла нашу общественность и органы власти на решительную и энергичную борьбу с этими позорными остатками прошлого капиталистического строя.

Судебно-прокурорские органы, очень мало занимавшиеся вопросами борьбы с преступлениями несовершеннолетних, после издания закона 7 апреля 1935 г. в большинстве мест проявили особую энергию и инициативу для того, чтобы при помощи массово-разъяснительной работы создать вокруг поставленных правительством вопросов такую атмосферу, которая путем мобилизации усилий родителей, педагогов и всей советской общественности облегчила бы скорейшую и наилучшую реализацию задачи ликвидации преступности среди несовершеннолетних.

Большое число выступлений работников юстиции на родительских собраниях, на совещаниях, созванных на предпринятиях, в органах наркомпросов, выступления в колхозах, в печати содействовали популяризации и внедрению в массы решения правительства, с одной стороны, и, с другой стороны, выявлению тех трудностей и недочетов, которые имеются в борьбе с этим видом преступлений. Кроме того работникам юстиции удалось наметить и совместно с другими органами порекомендовать целый ряд профилактических мероприятий в этой области.

Созданная, таким образом, атмосфера резко нетерпимого отношения к детской преступности, атмосфера негодования к тем, которые создают, поощряют или допускают возникновение этой преступности в нашей стране, является исключительно благоприятной обстановкой в деле скорейшего осуществления директив партии и правительства о ликвидации детской беспризорности, безнадзорности и вместе с этими детской преступности.

Первые же месяцы проведения в жизнь указанных постановлений наглядно показали всю политическую актуальность и своевременность такого жесткого постановления, как ст. 2 закона 7 апреля 1935 г., согласно которому лица, уличенные в подстрекательстве или в привлечении несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а также в понуждении несовершеннолетних к занятию спекуля-

цией, проституцией, нищенством и т. п., подлежат тюремному заключению на срок не ниже пяти лет.

Далеко не все работники юстиции усвоили положение, вытекающее из закона 7 апреля 1935 г., что в целях успешного и скорейшего осуществления директивы о ликвидации детской преступности в стране абсолютно необходимо вырвать во что бы то ни стало детей из-под пагубного влияния на них классово враждебных и преступных элементов.

Недостаток нашей работы заключается в том именно, что расследование и выявление этих тайных, действующих тихой сапой, классово враждебных преступных элементов осуществляется очень плохо. Понятно, конечно, что трудно искать и найти скрывающегося преступника, чем уговорить малолетнего правонарушителя чистосердечно сознаться. Между тем гораздо важнее выявление одного организатора детских воровских шаек, чем осуществляемое самотеком вылавливание на базарах, вокзалах и других местах десятками мелких воршишек, чаще всего посылаемых на это «дело» организатором преступлений детей, который, оставшись невыявленным, продолжает вербовать других детей.

Задача наша состоит в том, чтобы коренным образом перестроить расследование дел о несовершеннолетних, перевесть его на рельсы тщательного выяснения всей обстановки совершения преступления, влияния окружающей среды на несовершеннолетних правонарушителей, роли семьи и школы и т. д. Методы работы комиссий по борьбе с несовершеннолетними правонарушителями (комонес) сплошь и рядом явно негодные потому, что они в основном сводились к бесконечным изучением социально-бытовой обстановки и к беззубому увещиванию детей и родителей, все же давали в своей практике не мало примеров умелого подхода к детям при расследовании совершенных ими преступлений. Необходимо использовать весь положительный опыт этих комонесов, лучшие из которых никогда не ограничивались в своей работе констатацией преступления и установлением личности совершившего это преступление, а тщательно изучали все обстоятельства, причины и условия, приведшие к преступлению, всех лиц, виновных в этом, и т. д. и только после этого решали вопрос о мерах воздействия или исправления.

Надо прямо сказать, что основным нашим недочетом в этом вопросе является расследование дел. Предварительное расследование, проводимое с теми же в общем недочетами, что и по делам взрослых, имеет крайне отрицательные последствия по делам несовершеннолетних. Достаточно сказать, что количество прекращенных прокурором или судом дел, количество направленных ими же на следствие, а также количество дел, по которым привлеченные в качестве обвиняемых несовершеннолетние были оправданы судом, доходит в некоторых местах до 50%. Эта недопустимая цифра является, главным образом, показателем плохой работы органов расследования.

Ошибки органов расследования, т. е. в основном милиции, заключаются, помимо указанного выше, в том, что к уголовной ответственности привлекают детей и подростков за преступления, не предусмотренные законом 7 апреля 1935 г., не устанавливая точно и документально возраст привлекаемого к ответственности, в результате чего нередко только в суде выясняется, что обвиняемому меньше 12 лет. В то же время, работая по графариету, некоторые работники милиции доходят до смешных и бессмысленных «деталей в своем расследовании», устанавливая, например, что 13—14-летний обвиняемый беспартийный, холост, имущества не имеет, несовершеннолетний.

Для устранения всех этих недочетов необходимо выделить расследовательскую работу по делам несовершеннолетних. Этим делом должны заниматься наиболее квалифицированные работники. Не обязательно все, как думают многие, чтобы это были педагоги или педологи, многие из которых своим либеральным подходом к делам комонесов явно дискредитировали борьбу с преступностью среди несовершеннолетних. Надо, чтобы специализировавшийся в этой работе работник милиции или следователь организовал вокруг себя актив из тех же педагогов, а что особенно важно, из комсомольцев, которые близко знают детскую среду и могли бы сильно помочь делу борьбы с детской преступностью. При помощи такого общественного актива можно будет не только детально изучить обстановку, в которой воспитывался и жил совершивший преступление, но и тех лиц, которые подстрекали детей на преступления. Это обстоятельство очень важно для нас, ибо не следует забывать, что каковы бы ни были условия допроса в милиции или у следователя, все же они не таковы, чтобы 12—15-летний мальчик, даже рецидивист, смело и откровенно рассказал о всех совершенных им преступлениях и о лицах, участвовавших вместе с ним и направлявших его на эти преступления, в то время как эти же факты при умелой организации могут быть легко установлены при помощи групп содействия и соцсовместителей из комсомольцев и педагогов.

При расследовании дел о несовершеннолетних некоторые работники считают излишним придерживаться норм УПК, полагая, что эти дела настолько просты, а сами несовершеннолетние настолько мало понимают в делах и терминах, что явно нецелесообразно соблюдение формальных правил процесса. Для игнорирования процессуальных норм эти люди находят всякие доводы, указывая, например, на то, что составление обвинительного заключения не нужно по этим делам, так как многие несовершеннолетние правонарушители малограмотны, ничего не понимают в них, юридические термины, неизбежно употребляемые в этих актах, им недоступны; говорят также, что излишне последнее слово обвиняемых по этим делам, так как оно ничего не дает и т. д. Мы считаем обязательным соблюдение норм УПК по делам несовершеннолетних, ибо только при этом условии может быть обеспечено правильное разрешение этих дел. Напрасно некоторые думают, что так как дела несовершеннолетних просты, не следует придерживаться норм УПК или следует эти дела рассматривать в дежурных камерах. Дела эти

кажутся простыми только тем, кто, игнорируя правила процесса, ограничивается констатацией факта преступления и не выявляет всего того, о чем мы говорили выше. Но те, которые ведут борьбу таким образом, нередко вредят борьбе с преступлениями несовершеннолетних своими неправильными, упрощенскими действиями. Помимо того, что составление и вручение обвинительных заключений может дать возможность несовершеннолетнему и его защитнику, родителю, обосновать свои возражения, добываясь истины вместе с остальными участниками процесса, оно должно суммировать нередко хаотически собранные обвинительные данные, оно должно обязать работника расследования более серьезно относиться к своему делу, трижды проверить то, что он записывает как доказанный факт. Не будь всего этого, мы превратили бы суды для несовершеннолетних в дежурные камеры со всеми их недостатками. Наконец, странно, что некоторых упрощенцев стесняет такая процессуальная норма, как последнее слово обвиняемого несовершеннолетнего. Правда, бывают такие случаи, когда у некоторых судей, обвиняемые несовершеннолетние ничего не говорят в последнем слове или плачут. Но, ведь, это именно и есть результат нарушения судом процессуальных норм, результат неумения правильно организовать судебный процесс. Чуткий и понимающий судья поймет из последнего слова несовершеннолетнего, в какой мере действовал на него процесс и сделает отсюда свои выводы.

В отношении недочетов расследования интересно отметить и такие факты, когда вследствие непонимания специфики дела о несовершеннолетних дело возбуждается и расследуется на основании голословных заявлений отдельных лиц, а чаще всего родителей, которые часто рады как-нибудь избавиться от своих трудновоспитуемых детей. На основании таких заявлений, детей, которых в крайнем случае надо было бы поместить в школы Наркомпросов для трудновоспитуемых за счет родителей, направляют в суд для несовершеннолетних и судят как преступников. В подобных делах органам расследования необходимо разоблачать действия родителей, направленные лишь к собственному мелкобуржуазному благополучию и ущерб интересам детей. Не обязательно во всех подобных случаях, как думают некоторые наши работники, привлекать родителей к уголовной ответственности. В наших советских условиях методов воздействия и помощи родителям, не желающим или не умеющим воспитывать своих трудновоспитуемых детей, очень много. Надо суметь использовать все эти методы и средства, одним из которых является указанная в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) 31 мая 1935 г. обязанность органов наркомпросов и милиции доводить до сведения общественных организаций по месту работы родителей об отсутствии надзора со стороны родителей за поведением детей. В начале 1935 г. под влиянием поднятой печатью кампании общественного воздействия на родителей, плохо воспитывающих своих детей, по всей стране прокатилась очень ценная и важная волна отчетов и докладов родителей на общих собраниях, заседаниях парткомов, профессиональных комитетов и т. д. Однако это была лишь проходящая волна, которая хотя

и дала много положительного, но явно недостаточно. Необходимо, чтобы органы расследования каждодневно направляли материал в эти общественные организации и тем самым систематически концентрировали их внимание на вопросах борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью до полной ликвидации детской преступности, а не в отдельные периоды, кампанейски.

Это же постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) предусматривает обязанность органов Наркомпроса в подобных случаях, когда родители не обеспечивают надлежащего присмотра за поведением ребенка, возбуждать вопрос перед судебными органами об изъятии ребенка от родителей и о помещении его в детский дом за счет родителей.

Преступления несовершеннолетних чрезвычайно разнохарактерны. Следуя примеру взрослых, которые, как мы знаем, часто непосредственно вовлекают их в преступления, дети совершают те же преступления. Чаще всего, т. е. почти 80% всех их преступлений, составляют всякого рода кражи; кроме того не мало случаев хулиганства, нанесения телесных повреждений, ножевых ранений и т. п. Остальные виды преступлений среди несовершеннолетних встречаются чрезвычайно редко. И вот, сталкиваясь с ними, работники расследования и суда часто ставят вопрос о том, как должна вестись борьба с ними, т. е. в каких пределах применять закон 7 апреля 1935 г. и как быть с тем, что постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР 31 мая 1935 г. ликвидированы комонесы, которые ранее занимались правонарушениями несовершеннолетних.

Каковы эти преступления? К ним относятся изнасилования, поджоги, мошенничества, хулиганство, драки, контрреволюционные выкрики или поступки, иногда совершаемые отдельными несовершеннолетними в школах, в общественных местах и т. д. Здесь необходимо остановиться вкратце на двух противоположного характера ошибках, которые имели место на практике. С одной стороны, имеются работники, до сих пор еще упорно твердящие заученные ими либеральные «истины» о том, что детей нельзя наказывать. Вслащски пытаются они внести в указанные выше законы свои собственные поправки. Формально истолковывая закон 7 апреля, некоторые из них додумываются до того, например, что предлагают считать возможным судить несовершеннолетних только за кражи, но не хищения социалистической собственности, за грабежи и бандизм. Большие споры в их среде возникли и по вопросу о возможности привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности за мошенничество. Либерализм в вопросах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних явно сказывается во многих случаях и при применении мер репрессий. Как же наказывать детей? думают эти судьи. Надо внушить им, что они поступают плохо и путем убеждения добиться своего. Поэтому они применяют краткосрочное или условное лишение свободы в широких масштабах и тем самым дискредитируют суд, возрождают практику комонесов, оказывают, наконец, медвежий услугу детям, которых они жалеют, так как этим самым они отдают их вновь во власть улицы, на новые преступления, вместо того чтобы своим решением добиться их исправления.

Характерным примером с точки зрения оказанного либералами сопротивления требованиям закона является вопрос о применении ст. 50 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик по делам о несовершеннолетних. Известно, что законом 7 апреля 1935 г. отменена ст. 8 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, в соответствии с чем судебным органам было разъяснено, что ст. 50 УК РСФСР (и соответствующие статьи УК других союзных республик) применению не подлежат, т. е. обязательное снижение несовершеннолетним определяемой им судом меры наказания в силу того лишь, что приговор выносится в отношении несовершеннолетнего, отпало. Значение этого постановления точно так же, как и серьезное наказание (согласно статье первой закона 7 апреля) несовершеннолетних правонарушителей, ранее оставшихся безнаказанными, вопреки мнению либеральных, оппортунистических «защитников» детей, весьма существенно. Мы имеем не мало примеров того, как бывшие преступники — беспризорные и другие несовершеннолетние, узнав тем или иным путем о том, что с комонесовской практикой покончено (после издания закона 7 апреля) и что их будут наказывать за преступления как взрослых, группами являлись в местные органы наробразов с просьбой устроить их куда-нибудь на работу, обещая прекратить свою преступную деятельность.

Не считаясь и с этой стороной вопроса, некоторые судьи до сих пор еще продолжают снижать меру наказания несовершеннолетним на одну треть и на половину. А в НКЮ одной из союзных республик нашлись люди, которые с пеной у рта «принципиально» спорили о том, следует ли ст. 50 УК, которую к несовершеннолетним правонарушителям в возрасте от 12 до 16 лет применять не следует, не применять также и к несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет.

Неправильно делают и те, которые не придают практического значения мягкой судебной политике, ссылаясь на то, что все равно, каков бы ни был приговор суда, несовершеннолетний, будучи помещен в трудовую колонию, не будет выпущен согласно ст. 42 ИТК, пока руководящие делом перевоспитания несовершеннолетнего лица и органы (в пределах трехгодичного срока) не придут к заключению, что результаты перевоспитания налично и его можно выпустить из колонии. Ссылаясь на это, безусловно очень существенное положение в нашем исправительно-трудовом законодательстве, некоторые прокурорские работники не опротестовывают чрезвычайно мягких приговоров судов по серьезным преступлениям несовершеннолетних. Неправильно указанное выше рассуждения вытекает из непонимания того, что помимо целей перевоспитания преступника задачей наказания является общепредупредительное воздействие на окружающую среду. Последняя же цель слабо достигается или вовсе не достигается подобной судебной политикой.

В другую крайность впадают и также вредят делу борьбы с преступностью среди несовершеннолетних те, которые, переоценивая значение репрессивных мер в борьбе с этими преступлениями, распространительно толкуют и применяют закон 7 апреля, привлекая в неко-

торых местах к уголовной ответственности детей в возрасте до 12 лет, а также привлекая несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет за такие преступления, которые законом не предусмотрены. Один из прокуроров на Дальнем Востоке, крайне упрощив, очевидно, стоящие перед ним задачи, пишет в своем отчете, что всех беспризорных, кроме девяти, которые выбыли из города в неизвестном направлении, он привлек к уголовной ответственности.

Такое понимание задач, стоящих перед прокуратурой, не имеет ничего общего с теми, которые поставлены партией и правительством двумя последними важнейшими законами.

Пресекая существующую ранее недооценку репрессии в деле борьбы с преступлениями несовершеннолетних и почти полную их безнаказанность (лиц в возрасте до 16 лет), законы эти в борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью отнюдь не отводят первого места репрессии.

Ведь не случайно в борьбе с детской преступностью мерами уголовного суда закон 7 апреля указывает только на часть преступлений несовершеннолетних, либо наиболее распространенных, либо же наиболее опасных. Все остальные преступления должны быть ликвидированы, главным образом, методами воспитательного воздействия школы, комсомола, самих родителей.

Как совершенно очевидно, к числу краж, борьба с которыми согласно закону 7 апреля должна вестись всеми мерами уголовного наказания, относятся не только преступления, предусмотренные ст. 162 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, но и другие виды преступного завладения чужим имуществом. Иначе говоря, — хищения социалистической собственности, грабежи, разбой, совершаемые несовершеннолетними, несомненно, принадлежат к числу тех преступлений, которые законом 7 апреля объединены под общим наименованием «кражи», за которые эти несовершеннолетние подлежат уголовному наказанию. Некоторые товарищи, однако, до сих пор еще утверждают, что мошенничество (ст. 69 УК РСФСР и соответствующие статьи других союзных республик) законом 7 апреля не предусмотрено. В результате получается у них так, что украшенные из магазина несколько бутылок вина или несколько кусков мыла подлежат уголовной ответственности, а получившие тот же товар или еще большую ценность по поддельному кассовому чеку судебной ответственности не подлежат. Это, конечно, неправильно и противоречит закону, ибо даже с формальной точки зрения получение мошенническим путем чужого имущества — есть не что иное, как разновидность кражи. На этот путь очень часто направляются несовершеннолетние организаторами преступлений их, и с этими преступлениями борьба должна вестись не менее решительно, чем со всеми другими.

Неосновательным является и сомнение некоторых товарищей в том, подлежат ли уголовной ответственности совершаемые мальчиками от 12 до 15 лет изнасилования, так как и из самого названия преступления явствует, что речь идет о применении насилия, которое само по себе влечет уголовную ответственность согласно закону 7 апреля. По существу

же это преступление, нередко встречающееся в среде несовершеннолетних, иногда принимает весьма опасную форму группового изнасилования, за которое, как известно, мы привлекаем взрослых как за бандитизм.

Особо надо остановиться на хулиганстве несовершеннолетних, не осложненном насилием. Закон 7 апреля 1935 г. об этих преступлениях не говорит, следовательно, борьба с ними должна вестись иными методами. Каковы же эти методы? Прежде всего, надо заметить, что хулиганство в числе преступлений несовершеннолетних по своему количеству занимает второе место (после краж), причем значительная масса этих преступлений — явно незначительные детские выходки, драки и мелкие хулиганства, являющиеся результатом полной безнадзорности этих детей. Само собой понятно, что хулиганские действия несовершеннолетних, сопряженные с преступлениями, указанными в перечне закона 7 апреля (насилие, телесное повреждение), влекут за собой уголовную ответственность. Во всех же остальных случаях нет оснований для применения уголовной репрессии к несовершеннолетним в возрасте до 16 лет.

Точно так же в целом ряде других случаев преступлений несовершеннолетних уголовное наказание к ним не может быть применяемо. Так, например, даже в случаях контрреволюционных с их стороны выходок и выкриков, которые, несомненно, являются результатом неосознанности, дурного влияния окружающих их кулацких и контрреволюционных элементов, не может быть возбуждено уголовное преследование против этих несовершеннолетних, а должны быть тщательно выявлены и строго наказаны те лица, под влиянием которых среди нашей молодежи встречаются еще такие, которые допускают эти выходки.

Распространительно, а, следовательно, неправильно применяют закон 7 апреля и тогда, когда к уголовной ответственности привлекают за обычные детские драки, за незначительные, совершенные впервые, мелкие кражи, которые хотя формально законом и предусмотрены, но явно не представляют собою уголовного преступления не только по своей незначительности, но и по всей обстановке, сопровождающей эти явления. Нельзя упускать из виду, что нередко такие кражи совершаются из озорства, баловства, ухарства и т. п. побуждений. При решении вопроса о применении закона 7 апреля необходимо учитывать и эти обстоятельства.

Из сказанного уже ясно, что борьба со всеми подобными действиями несовершеннолетних, неподлежащих рассмотрению в судебном порядке, должна вестись теми же методами. До ликвидации комсомола эту борьбу вели они. Теперь борьба, вернее воспитательная работа в связи с этими проступками несовершеннолетних, должна вестись теми же методами, что и вся школьно-воспитательная работа. Задача органов наробразов состоит в том, чтобы организовать эту работу, поднять всю общественность на помощь этому трудному делу, помочь семье стать на более высокую культурную ступень в деле воспитания детей.

Закон 31 мая 1935 г. дал целый ряд ясных указаний об организации этой работы. В этом законе мы имеем конкретные указания, дающие ответ на вопросы о том, как вести борьбу

бу с хулиганством детей и подростков. Практика ряда крупных городов, где милиция в соответствии с этим законом штрафует родителей за хулиганские и озорные действия их детей на улицах и других общественных местах, показала, что это мероприятие содействовало сокращению как детской безнадзорности, так и, следовательно, детского хулиганства.

Закон в борьбе с указанными выше правонарушениями несовершеннолетних дает ряд средств, использование которых должно привести к реальным результатам. Так, например, помимо того, что привлечению к уголовной ответственности за подстрекательство к совершению поджога подлежат взрослые, к материальной ответственности за причиненный вред должны быть привлекаемы родители и опекуны (ст. 9 пост. ЦК ВКП(б) и СНК СССР 31 мая 1935 г.); помимо этого, во всех случаях, когда надлежащее воспитание указанных детей со стороны родителей не обеспечено, дети должны быть помещены в детский дом с оплатой стоимости их содержания за счет родителей (ст. 22 указанного постановления). Надо отметить, однако, что эти существенные меры борьбы с детской преступностью пока еще очень мало применяются на практике.

Что касается судебной политики по делам о несовершеннолетних, прежде всего бросается в глаза большой процент применения судами лишения свободы: в среднем 60—70% всех мер наказания составляет лишение свободы, в то время как в отношении взрослых преступников такой процент составляет среди прочих мер наказания исправительно-трудовые работы. Некоторые товарищи на этом основании бьют тревогу. Надо, однако, сказать, что такой вывод кажется правильным лишь на основании формальных умозаключений: несовершеннолетние должны наказываться более мягко, чем взрослые; в качестве мягких мер наше уголовное законодательство знает исправительно-трудовые работы, которые применяются в отношении взрослых в среднем в 60—70%; следовательно, к несовершеннолетним эта мера должна применяться в гораздо большем количестве случаев; раз этого нет, а пропорция получается обратная, следовательно, карательная политика неправильна. В ужас приводит некоторых товарищей и то, что судьи стали применять к несовершеннолетним краткосрочное лишение свободы.

Такие взгляды на карательную политику судов являются результатом поверхностного знакомства с делом. Прежде всего надо сказать,

что наше законодательство еще задолго до закона 7 апреля, установило такой порядок, когда, в отличие от взрослых преступников, несовершеннолетние могли быть, даже независимо от срока приговора, оставлены в местах лишения свободы для них на более длительный срок. Так, например, ст. 42 исправительно-трудового кодекса РСФСР устанавливала, что «если срок приговора несовершеннолетнего оканчивается ранее окончания обучения в школе и если нет возможности обеспечить его дальнейшего обучения, педагогический совет может установить обязательный срок обучения, независимо от срока приговора с тем, однако, чтобы все время обучения не превышало трех лет». В соответствии с этим краткосрочное лишение свободы, которое суды вынуждены применять к несовершеннолетним по таким преступлениям, как кражи, может и должно быть корректируемо руководителями, смотря по тому, как идет процесс перевоспитания в трудовой колонии. Широкое же применение лишения свободы объясняется тем, что задача перевоспитания несовершеннолетних лучше всего может быть осуществлена в трудовых колониях для несовершеннолетних. Исправительно-трудовые же работы, которые, как известно, весьма скверно организованы для взрослых, почти совершенно не организованы для несовершеннолетних. Да и вообще смешно было бы определять в качестве меры наказания несовершеннолетним правонарушителям, значительное число которых является беспризорными или бездомными, в широких размерах исправительные работы без лишения свободы. Нельзя также упускать из виду особый характер учреждений лишения свободы для несовершеннолетних правонарушителей, являющихся скорее школами закрытого типа, чем местом заключения.

Практика показывает, что в ряде мест довольно большой процент мер наказаний по делам несовершеннолетних составляет условное лишение свободы. Эта мера может быть полезной лишь при условии последующей проверки того, исправился ли совершивший ранее правонарушение, ведет ли надзор за ним предупрежденный судом родитель его и т. д. В противном случае, да притом еще при массовом применении условных наказаний судом (в некоторых местах процент этих мер доходит до 20) может оказаться, что суд пошел в борьбе с преступностью среди несовершеннолетних по тому же пути либеральной безрукости, по которому шли и провалили дело ликвидированные комонесы.

Отмена карточной системы и борьба со спекуляцией

Отмена карточной системы не только не снимает вопроса борьбы со спекуляцией, но, наоборот, обязывает судебные и прокурорские органы усилить эту борьбу. Отмена карточной системы, подсекая спекуляцию, суживая поле деятельности спекулянтов, еще раз этим подчеркивает, что советская торговля должна развиваться без спекулянтов больших и малых.

Спекуляция всегда была опасным для пролетарского государства преступлением. Поэтому борьбе со спекуляцией уделялось серьезное внимание на всех этапах пролетарской диктатуры. Еще большего внимания эта борьба требует теперь, в период развернутого строительства бесклассового социалистического общества. Современная советская торговля качественно и количественно отличается от того, что было несколько лет назад. В нашей торговле сейчас господствует социалистический сектор. Огромное значение советской торговли было подчеркнуто решением XVII партсъезда. В докладе т. Сталина прямо сказано: «Чтобы экономическая жизнь страны могла забить ключом, а промышленность и сельское хозяйство имели стимул к дальнейшему росту своей продукции, надо иметь еще одно условие, а именно: развернутый товарооборот между городом и деревней, между районами и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства. Необходимо, чтобы страна была покрыта богатой сетью торговых баз, магазинов, лавок. Необходимо, чтобы по каналам этих баз, магазинов, лавок, безостановочно циркулировала торговля от мест производства к потребителю. Необходимо, чтобы в это дело были вовлечены и государственная торговая сеть, и кооперативная торговая сеть, и местная промышленность, и колхозы, и единоличное крестьянство. Это и называется у нас развернутой советской торговлей, торговлей без капиталистов, торговлей без спекулянтов». В условиях, когда капиталистическое хозяйство в СССР уже ликвидировано, а единоличный крестьянский сектор в деревне оттеснен на второстепенную позицию, спекуляция играет совершенно иную роль, чем в первый период нэпа. Спекуляция приобрела сейчас новые качества и имеет иное общественно-политическое значение. Спекуляция теснейшим образом связана с хищениями социалистической собственности и является так же, как и последняя, одной из форм ожесточенной борьбы классового врага против наступающего социализма.

Вот почему вслед за декретом 7 августа 1932 г. и в тесной связи с ним был издан декрет 22 августа 1932 г. о борьбе со спекуляцией.

Классовый враг, выбитый из всех своих позиций, пытается сейчас использовать каждую возможность, каждый случай, чтобы нанести вред пролетарскому государству. Упорная борьба, развернувшаяся на фронте советской торговли, была и остается попыткой классового врага сорвать последние постановления партии в этой области. Кулак пытается сорвать колхозную торговлю в своих интересах, стремясь на этом ответственном участке союза ра-

бочего класса с крестьянством нанести удар пролетарскому государству.

Современная советская торговля развертывается на иной основе, чем это было в первый период нэпа. Спекуляция питается сейчас из иных источников, имеет другую базу, нежели в первый период нэпа, ибо в современном товарообороте не допускаются капиталистические элементы. В первый период нэпа мы ставили перед собой задачу борьбы со спекуляцией путем организации государственного контроля над частной торговлей. Первые декреты нэпа, как, например, «Об ответственности за нарушение декрета о натуральном налоге и об обмене» понимали под спекуляцией злостное повышение цен на товары, или, как определяла понятие спекуляции ст. 137 (редакция 1923 г.), «говор торговцев для злостного поднятия цен». Эта же редакция статьи осталась и в УК 1926 г. Ст. 107 старой редакции говорит о том же злостном повышении цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок. Характерно, что Уголовный кодекс первой редакции слово «спекуляция» не употребляет совсем. Многие горе-теоретики того времени считали, что советская власть, разрешив свободную торговлю, отказалась от борьбы со спекуляцией. Но это, конечно, было совершенно неверно. Разрешая свободную торговлю, мы знали, что даем возможность некоторому развитию капиталистических элементов. Но объявляя свободную торговлю, мы объявили наказуемым «всякое хищение и всякое уклонение, прямое или косвенное, открытое или прикрытое от государственного контроля, надзора, учета». Ленин, давая характеристику понятию торговли в этот период говорил, что это есть особая свободная торговля. Вопрос о борьбе со спекуляцией не только не снимался, но, наоборот, к спекулянту, нарушителю советских законов, должна применяться самая суровая репрессия.

Конец восстановительного и начало реконструктивного периода вызвали, как это отмечено XV партсъездом, дальнейшее обострение классовой борьбы. Это обострение классовой борьбы сказалось и на формах спекуляции этого периода. Затруднения при хлебозаготовках, спекуляция хлебом означали в этот период не что иное, как попытку кулака дать бой пролетарскому государству. Наряду с прочими методами борьбы кулацкий саботаж при хлебозаготовках 1927—1928 гг. означал, что классовый враг переходит к новым формам классовой борьбы. Пролетарское государство сурово расправляется с кулаками, укрывателями хлеба и спекулянтами, и ст. 107 УК в этот период приобретает особое значение. Но уже в середине 1932 г., в связи с успешным развитием советской торговли, ясно стало, что старая редакция статьи уже не отвечала новым требованиям борьбы со спекуляцией. Новым было то, что советская торговля начала развиваться как торговля без спекулянтов малых и больших. Нужно было твердо сказать об этом и в соответствующей статье УК. Только

новая редакция ст. 107, принятая в ноябре 1932 г., точно и определенно указала, что нужно считать спекуляцией. На основе этой статьи спекуляцией считается всякая покупка и перепродажа частными лицами с целью наживы продуктов сельского хозяйства и продуктов массового потребления. Такое понятие спекуляции вытекает из тех новых форм классовой борьбы, из той политической и экономической обстановки, которые дает нам наступление социализма по всему фронту.

22 августа 1935 г. исполнилось 3 года со времени издания декрета правительства о борьбе со спекуляцией. За этот период судебные и прокурорские органы проделали, несомненно, большую работу. Но наряду с многими положительными моментами в их работе имеются до сего времени такие недостатки, о которых нужно еще раз сказать. Это прежде всего относится к непомерно высокому проценту привлеченных за спекуляцию рабочих, колхозников и трудящихся крестьян-единоличников. Данные по РСФСР за 1 и 2-е полугодия 1934 г. в этом отношении показывают следующее:

Осужденные по классовому положению распределялись:

кулацко-зажиточные	— 8,3%	9,4%
средняки-единоличники	— 20,9%	22 %
бедняки-единоличники	— 6,3%	6,8%
колхозники	— 11,4%	12,6%
рабочие	— 17,1%	15,9%
служащие	— 6,5%	6,4%
деклассированные	— 10,8%	8,7%
прочие и неизвестные	— 19,7%	17 %

Правда, небольшой процент осужденных классово враждебных элементов еще не говорит о его действительной роли в этого рода преступлениях. Организующая роль классово враждебных элементов в этих преступлениях ярко вскрывается конкретным материалом. Например, в Енакиеве (Донбасс) на местном рынке быстро поднялись цены на мясо. Колхозники продавали мясо на рынке по явно спекулятивным ценам. Выяснилось, что здесь не обошлось без спекулянта-кулака, ловко укрывшегося за спиной колхозника. К колхознику, продающему корову, подходит кулак и предлагает такую комбинацию: «За корову ты просишь 1800 руб., я тебе даю 1900 руб., но только на таких условиях: я буду «рубщиком» мяса, а ты будешь продавать как колхозник по цене, которую я тебе установлю». Выявить этих организаторов и по ним ударить со всей суровостью — задача, конечно, достаточно трудная.

Начиная со II полугодия 1932 г., количество осужденных росло из года в год. Так, если мы возьмем I полугодие 1932 г. за 100%, то будем

иметь во II полугодии 1932 г.	— 149,4%
I полугодии 1933 г.	— 216,6%
II полугодии 1933 г.	— 156,4%
I полугодии 1934 г.	— 140,8%

Как видим, только со II полугодия 1933 г. мы имеем некоторое снижение количества осужденных, но это снижение отстает от общего снижения осужденных за эти годы. Так, если мы возьмем процент осужденных за спекуляцию в общей массе осужденных, то относительный рост осужденных за спекуляцию будет еще видней:

в I полугодии 1932 г.	— 1,6%
II полугодии 1932 г.	— 2,6%
I полугодии 1933 г.	— 2,8%
II полугодии 1933 г.	— 2,2%
I полугодии 1933 г.	— 2,3%
II полугодии 1934 г.	— 2,3%
I полугодии 1935 г.	— 2,1%

Общее количество осужденных за спекуляцию остается почти стабильным. Казалось бы, что внимание органов юстиции к борьбе со спекуляцией не ослабло, но если обратиться к характеру этих дел, то бросится в глаза, что многие важнейшие участки этой борьбы остались необеспеченными. Это относится в первую очередь к борьбе со спекуляцией хлебом. Если взять, например, хлебозаготовки 1934 г. и отчасти 1935 г., то в целом, ряде районов и областей не была проведена предварительная общественно-политическая и профилактическая работа. В результате во многих местностях с начала хлебозаготовок имело место оживление спекуляции хлебом. Установлено, что районы, наиболее отставшие в хлебозаготовке, являлись особо засоренными спекулянтами хлебом. В этих районах уже с первых дней уборки на рынках шла бойкая торговля хлебом. Хлебом торговали открыто и скрыто, под видом различных отходов. Незыблемый закон о зернопоставках для многих районов оказался законом, который можно нарушать.

Вторым большим недостатком в практике судебных органов последних лет по борьбе со спекуляцией является некоторое ослабление репрессии за спекуляцию. Так, если за I полугодие 1933 г. лишение свободы занимало 73,2% в общей сумме примененных мер наказаний, то в I полугодии 1934 г. уже 45,2%. Закон 22 августа и ст. 107 знают в качестве меры наказания только лишение свободы. Но судебные органы, привлекая за спекуляцию, почему-то находят нужным давать наказания ниже низших пределов, установленных статьей 107. На это как раз указывает специальный циркуляр Прокуратуры Союза 10 июня 1935 г. Прокуратура обращает внимание на то, что, несмотря на категорическое указание закона 22 августа 1932 г. о всемерной борьбе со спекуляцией, лица, избалованные в систематической злостной спекуляции хлебом, фуражом и другими продуктами, приговариваются к лишению свободы на срок ниже 5 лет и к исправительно-трудовым работам. Злостные спекулянты иногда получают наказание явно несоответствующее тяжести совершенного ими преступления. Так, один из нарсудов Молдавской АССР в начале января 1935 г. осудил к 2 годам лишения свободы некоего Доеико за систематическую спекуляцию хлебом. В Днепронетровской области УССР в январе—феврале 1935 г. за спекуляцию хлебом было осуждено 27 человек. В Днепронетровской области как раз с развертыванием свободной торговли хлебом особенно сильно развилась спекуляция хлебом. И, несмотря на это, из 27 человек, осужденных за систематическую спекуляцию хлебом к лишению свободы на 5 и выше лет, было осуждено только 9 человек, а остальные к лишению свободы ниже низшего предела или к исправительно-трудовым работам. В то же время в практике этих судов есть случаи осуждения по закону 22 августа к 5 годам лишения свободы, когда сам факт спекуляции не был установлен и перед

судом стоял колхозник или единоличник, задержанный при продаже продуктов своего производства или личных вещей. Тифлисский нарсуд в начале 1935 г. осудил к 5 годам лишения свободы служащего Константына за продажу на рынке одной пары галош. Факт спекуляции не был установлен. Наоборот, суд установил, что благодаря тяжелому материальному положению Константыян вынужден был продать свои личные вещи.

Ошибки, которые мы встречаем в работе некоторых судебных органов, имеют, зачастую своим основанием, главным образом, недостаточное внимание к выявлению истинного классового лица обвиняемого. Необходимо еще раз подчеркнуть важность выявления истинного лица обвиняемого. Уменье выявить классового врага — это значит уметь поймать его, а это есть самое главное. «Решительности у нас довольно, — говорит т. Ленин, а нет уменье поймать достаточно быстро достаточно количество спекулянтов, мородеров, капиталистов — нарушителей советских мероприятий». Это в первую очередь относится к стадии расследования. Уменье поймать, разоблачить, раскрыть, собрать для суда полный материал как раз иногда нехватает нашим следственным работникам. Следователь и органы дознания должны выявлять классовое лицо обвиняемого. Пожалуй, ни по одной категории дел нет такого упрощенства, такой неполноты расследования, как по делам о спекуляции.

Почти по всем делам, как правило, мы наблюдаем следующие дефекты:

1. Поверхностное, небрежное оформление следственного материала.
2. Процессуальное упрощенство: непредъявление обвинения и следственного материала, неполнота и необоснованность обвинительного заключения, невызов в суд свидетелей.
3. Медлительность расследования.
4. Непривлечение в помощь следственным органам общественности.

Прокуратура должна доказать факт спекуляции, подтвердить свидетелями документально, что обвиняемый скупал и перепродавал с целью наживы. Конечно, факт скупки становится установленным, если у лица, подозреваемого в спекуляции, обнаружено такое количество товаров, которое уже по своим размерам говорит, что эти товары не предназначены для собственного потребления и не являются продуктом своего производства.

Ст. 107 УК в новой редакции преследует за спекуляцию, под которой закон подразумевает скупку и продажу с целью наживы.

Нужно непременно установить факт перепродажи с целью наживы или иные доказательства, свидетельствующие, что здесь имеет место попытка наживы.

Неполнота расследования ведет к явному нарушению революционной законности. Имеются нередко случаи, когда, несмотря на прекращение дела, неосновательность подозрения в спекуляции, все же имущество, отобранное при задержании, подвергается конфискации или просто не возвращается. В Онехово-Звеве был задержан рабочий электро-монтер Новиков за спекуляцию мясом. В деле имеется резолюция следователя: «Дело прекратить, мясо и деньги возвратить». Между тем расписки Новикова в получении отобранного у него нет, а есть лишь квитан-

ция кооператива, о принятии 11½ кг мяса. Иногда и сам суд допускает неправомерность. Так, нарсуд Актюбинского р-на вынес такой приговор: «Обвинение К. по ст. 107 УК считать недоказанным... Приговорили: К. считать по суду оправданным и дело на основании п. 5 ст. 4 УПК производством прекратить. Деньги в сумме 53 руб. возвратить, а конфискованную мануфактуру (20 м белой материи, 5 м сатина и шелка 2½ м) конфисковать в доход государства». Это дело говорит о том, что многие суды требования УПК абсолютно не выполняют. Предметы, не являющиеся орудием преступления и не добытые преступным путем, изъятию не подлежат. И, несмотря на то, что суд оправдал человека, он конфискует у него неправильно отобранные предметы. И в определениях кассационных коллегий, как правило, не имеется указаний о возврате неправильно отобранных вещей.

Наряду с этими нарушениями наблюдаются и случаи неправомерной квалификации по ст. 107. В Ростове милиция задержала в разное время и на разных рынках несколько лиц, подозреваемых в спекуляции мясом. Лица эти между собой ничего общего не имели. Все же на всех них было заведено одно дело и им было предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 107 УК.

Актюбинским нарсудом был осужден по ст. 107 УК некто Ф. за то, что он покупал в магазине Центроспирта водку и перепродавал ее на рынке стаканами. Преступление это должно было квалифицироваться по ст. 101 УК, а не по ст. 107.

Только серьезное отношение к делам о спекуляции, только полное расследование, всестороннее выявление личности обвиняемого и наличие твердых доказательств виновности дают гарантию, что удар по спекулянтам будет нанесен быстро и метко.

Характерно еще одно явление в работе прокуратуры, которое нельзя не отметить. Протесты многих районных прокуроров в большой массе приносятся по мотивам мягкости приговора — это, конечно, правильно, но зато случаи неосновательного привлечения трудящихся в большинстве случаев проходят мимо райпрокуроров.

Данные о судебно-прокурорской работе за I полугодие 1935 г. показывают, что в связи с отменой карточной системы спекуляция принимает иные формы и спекулянт пытается перестроиться и найти для себя место в новой обстановке. Данные эти говорят, что классовый враг с первых же дней свободной торговли хлебом начал развертывать свою вредительскую работу, ставя своей целью сорвать свободную продажу хлеба и нарушить нормальное снабжение трудящихся. Спекулянтами, классово враждебными элементами распускались различные контрреволюционные слухи.

Харьковские судебные органы рассмотрели ряд дел, свидетельствующих о том, что классово враждебные элементы всячески пытались подорвать и дискредитировать широкую продажу хлеба. Кулаки Арбузов, Костиков и Маховиков систематически скупали большие партии хлеба и перепродавали их. Спекулянты приговорены к 5 годам лишения свободы. В феврале 1935 г. нарсуд г. Сталина (Донбасс) разбирал в показательном порядке дело спекулянта Примакова. Судебным следствием Примаков был разоблачен как ярый классовый

враг. Будучи раскулаченным, он бежал из села и, подделав документы, устроился на заводе. Во время обыска у Примакова были обнаружены чистые бланки со штампами и печатями ряда учреждений. Примаков с отменой карточной системы начал закупать огромное количество хлеба, крупы и муки и с закупленным отправлялся в район для продажи.

Спекуляция хлебом, в связи с отменой карточной системы, в связи с изменившимися условиями снабжения населения хлебом естественно принимает иные формы. Пользуясь иногда ненадежностью торговли, спекулянты развивали спекуляцию в широком размахе. В некоторых районах Киевской области белый хлеб продавался только при условии покупки черного; в Донецкой же области в магазине № 4 Луганского завода черный хлеб отпускали с обязательной покупкой белого хлеба. В Чистяковском районе зав. отделом орс Малышев издал даже официальное распоряжение по торговой сети, что отпускать черный хлеб можно только с обязательной нагрузкой белого хлеба. Этим пользовались спекулянты.

Многие руководители вместо действительной борьбы со спекулянтами начали видеть в каждом покупателе больше 2 кг хлеба спекулянта. Президиум Харьковского облисполкома

издал, например, обязательное постановление от 2 февраля 1935 г., на основании которого — лица, которые покупали хлеба больше 2 кг в одни руки, подлежат в административном порядке штрафу до 100 руб. или принудительным работам до 1 мес., а при повторных нарушениях привлечению к уголовной ответственности по ст. 127 УК УССР. Подобные постановления были изданы многими исполкомами. Административный зуд не давал покоя этим горе-руководителям, у которых под носом расцветала спекуляция, и они не могли организовать действительной с ней борьбы.

На новом базаре в Ростове, например, инспектор милиции Кольчугин по поводу борьбы со спекуляцией имеет особое мнение. Он глубококомысленно поучает, «что спекуляция не опасна, лишь бы не было грабежей».

Все эти факты показывают, что отмена карточной системы не только не снимает всей серьезности борьбы со спекуляцией, но, наоборот, требует особой четкости в работе судебных органов. Политическая четкость, меткость, целеустремленной репрессии — вот что прежде всего требуется от карательной политики по делам о спекуляции. Выполнение этих требований сделает суд могучим орудием в укреплении советской торговли.

А. С. ТАГЕР

Кассационные заметки

(О кассационных определениях)

Конкретное руководство работой судов первой инстанции со стороны кассационных судов осуществляется в основе посредством кассационных определений, выносимых по конкретным судебным делам.

Поэтому качество кассационного руководства определяется качеством кассационных определений. Вопрос о надлежащем построении кассационных определений, об их содержании, об их объеме, об их редакции — это поэтому вопрос, имеющий первостепенное и первоочередное значение для всей судебной практики. Ни в какой мере нельзя преуменьшать значения этого вопроса.

Высказываясь о качестве кассационного руководства и его значении для судебной практики, А. Н. Винокуров формулировал положение в том смысле, что «организационное руководство отстает от политического руководства» («За социалистическую законность» № 7 1934 г., стр. 11). Эта формулировка совершенно правильна.

Пожелания о поднятии кассационной практики, т. е. другими словами кассационных определений на большую высоту, высказывались не раз. Всякая организованная работа имеет свою технику, недостаток внимания к которой неминуемо сказывается и на самом содержании работы, на ее продуктивности и на ее качестве. Это целиком относится и к организации кассационного руководства, повышение качества которого является в значительной мере проблемой процессуальной техники.

Дальнейшее изложение настоящей статьи и посвящено тем предложениям, которые могут быть сделаны с точки зрения процессуальной техники для повышения эффективности кассационной практики.

На первом месте должно быть со всей решительностью поставлено требование об **обязательной мотивировке** как приговоров первой инстанции, так и самих кассационных определений.

Это предложение не раз делалось уже. За 13 лет, которые истекли с момента издания советских кодексов, вопрос о мотивировке судебных приговоров и определений ставился не раз, но в разное время решался по-разному.

Уголовно-процессуальный кодекс в первом своем издании 1922 г. заключал в себе прямое требование мотивировки для приговоров, выносимых судами первой инстанции (ст. 338: «... в описательной части приговора должны быть изложены добытые судебным следствием данные, положение судом в основу выносимого приговора»).

Что же касается кассационных определений, то для них такого прямого требования мотивировки Уголовно-процессуальный кодекс не содержал.

Следующее издание Уголовно-процессуального кодекса 1923 г. отказалось и от обязательного требования мотивировки для приговоров суда первой инстанции (ст. 334 действующей редакции УПК).

Таким образом действующее законодательство не требует обязательной мотивировки ни от приговоров суда первой инстанции, ни от кассационных определений.

Это несомненный дефект действующего Уголовно-процессуального кодекса, на который не раз обращалось внимание.

Уже через год после того, как Уголовно-процессуальный кодекс отказался от требований мотивировки приговоров первой инстанции на V всероссийском съезде деятелей советской юстиции — в 1924 г. вновь был поставлен и продискутирован вопрос о необходимости мотивировки как для приговоров суда первой инстанции, так и для кассационных определений (V всероссийский съезд деятелей советской юстиции. Тезисы. Стенографический отчет. Резолюции. См. тезисы Н. В. Крыленко, стр. 13, доклад его и резолюцию по докладу). Никаких определенных и обязательных решений по этому вопросу принято не было.

Через несколько лет сам докладчик, предложивший мотивировку судебных приговоров для повышения качества судебной работы, уже не настаивал на своем предложении. («С точки зрения построения судебного процесса, как такового, мы категорически считаем необходимым заявить, что не видим никакой нужды для такой мотивировки» — Н. В. Крыленко, Суд и право в СССР, ч. 2, 1928 г., стр. 121).

Подавно не ставил Н. В. Крыленко в это время проблемы о мотивировке кассационных определений.

Период с 1928 по 1933 г. прошел при отрицательном отношении к принципу мотивировки как судебных приговоров первой инстанции, так и кассационных определений.

И весьма решительно этот вопрос вновь поставлен в 1934 г. на I всесоюзном совещании работников советской юстиции, затем на пленуме Верховного суда СССР. На этот раз центр внимания был перенесен с приговоров судов первой инстанции на кассационные определения.

«Мы требуем,—заявлял А. Я. Вышинский,— чтобы каждое кассационное определение было мотивировано. Отклоняется ли кассационный протест или жалоба, или оставляется в силе приговор — это должно быть мотивировано. Это конечно тяжело, но это необходимо» («За социалистическую законность» № 11 1934 г., стр. 12—13).

По докладу А. Я. Вышинского съезд признал, что необходимо «в целях повышения ответственности кассационной инстанции за выносимые ею определения установить обязательность мотивировки отмены приговора, так же как и оставления кассационной жалобы или кассационного протеста без последствий» («За социалистическую законность» № 5 1934 г., стр. 37).

Первый же пленум Верховного суда Союза ССР, собравшийся после совещания, также принял подробное постановление в том же смысле, категорически требуя мотивировки кассационных определений и резко порицая практику кассационных и надзорных инстанций, в которой «крепко привилась система ограничиваться сухими, безмотивными, краткими определениями, фиксирующими то или иное изменение приговора, оставление его в силе, или отмену без объяснения и точного указания в чем была допущена неправильность или ошиб-

ка судом первой инстанции, почему вносится именно такое-то изменение в приговор, между тем как эти определения являются одним из основных моментов конкретного руководства деятельностью судов первой инстанции» («За социалистическую законность» № 8 1934 г., стр. 33 и 34).

Наконец, недавно выработанный проект Уголовно-процессуального кодекса СССР содержит в себе как требование мотивировки приговоров судов первой инстанции, так и категорическое требование мотивировки кассационных определений (п. «д» ст. 129 и ст. 147 проекта).

Надо признать, что эти категорические требования мотивировки как приговоров первой инстанции, так и кассационных определений очень далеки от выполнения их судебной практикой.

Между тем вопрос о наличности мотивировки судебного решения должен быть поставлен и должен быть рассмотрен не только с точки зрения повышения внутреннего качества самого судебного решения. Не потому только важны мотивы, что мотивированное решение имеет больше гарантий правильности и обдуманности. Мотивировка кассационных определений весьма существенна для обеспечения влияния кассационной практики на работу судов первой инстанции. Это, с одной стороны. С другой стороны, мотивировка кассационных определений чрезвычайно важна для построения и работы надзорных инстанций. Ваконец, и мотивировка приговоров судов первой инстанции весьма важна для работы кассационных судов. На эту мысль обратил в свое время внимание и Н. В. Крыленко. Даже отрицая необходимость мотивировки приговора с точки зрения интересов самого приговора, он интересовался ею «с точки зрения возможности и удобства для кассационных коллегий проверки судебных решений» (там же).

Для того чтобы придать мотивировке кассационных определений то значение, которого она заслуживает, для того чтобы обеспечить действительное выполнение этого требования кассационными судами, надзорная практика, как нам кажется, должна была бы провозгласить решительно и категорически, что *ни одно кассационное определение, лишенное мотивов т. е. не объясненное кассационным судом, не может быть оставлено в силе*. Отсутствие мотивов в кассационном определении должно быть сделано абсолютным поводом к отмене этих определений в надзорном порядке и возвращению дела для повторного рассмотрения в кассационной инстанции.

**

Оставляя в настоящей статье в стороне вопрос о значении мотивировки приговора суда первой инстанции с точки зрения повышения качества самого приговора, мы должны остановиться на том значении, которое такая мотивировка имеет для работы кассационных судов.

Несколько слов о том, что следует понимать под мотивировкой приговора суда первой инстанции. Нам приходилось встречаться с мнением, согласно которому под мотивировкой приговора понимается указание тех конкретных фактов, которые суд признал доказанными или недоказанными. Это мнение, конечно, ошибочно. Если суду ставится требование указать

мотивы своего приговора, то это значит, что он не только должен указать, что именно с фактической стороны он признал доказанным или недоказанным, но должен также указать, почему именно он пришел к тому или другому фактическому выводу. Это значит, что суд в своем приговоре должен указать, на основании каких именно доказательств он сделал тот или иной свой судебный вывод, какие доказательства он принял и какие отверг, почему именно то или иное обстоятельство он счел установленным, а другое обстоятельство опровергнутым. Так построенный приговор, будет приговором мотивированным. Проект УИК СССР так требует, чтобы приговор был обязательно мотивирован, т. е. содержал в себе «доказательства, положенные судом в основу приговора».

Обязательное введение подобной мотивировки приговоров суда первой инстанции будет иметь весьма большое значение для работы кассационных инстанций при проверке этих приговоров.

Если проанализировать господствующую сейчас кассационную практику, то можно безошибочно сказать, что подавляющее большинство кассационных решений занято по существу проверкой предполагаемого хода мыслей суда первой инстанции по установлению фактических обстоятельств дела.

Может случиться, что во время рассмотрения дела в суде первой инстанции проявлено чрезвычайно большое внимание к отдельным доказательствам, свидетельским показаниям, документам и т. д. Лишенный мотивов приговор не дает никаких указаний на то, поверил или не поверил суд тому или иному свидетелю, обсудил или не обсудил тот или иной документ и т. д.

Все это для кассационного суда остается неизвестным, а затем в кассационном определении появляется указание, что приговор не может быть оставлен в силе, потому что суд прошел мимо показания такого-то свидетеля или не обратил достаточного внимания на такой-то документ.

Если приговор суда первой инстанции не мотивирован, то, конечно, такие предположения в целом ряде случаев будут понятны. Но все же надо признать, что это не что иное как гадания и предположения кассационного суда о том, что мог иметь в виду или имел в виду суд первой инстанции.

Если бы приговоры заключали в себе хотя бы краткую мотивировку, т. е. хотя бы краткое указание на доказательства, обусловившие те или иные фактические выводы приговора, то не нужно было бы в кассационном порядке гадать, обратил ли суд внимание на то или иное свидетельское показание или не обратил, остановился на том или ином документе или не остановился.

Если в приговоре суда будет точно и добросовестно указано, что свой вывод суд сделал на основании показаний свидетелей А, Б, В и Г, что противоречащее этим показаниям—показание свидетеля Д он отвергает по таким-то и таким-то соображениям и что такой-то документ окончательно разрешает колебания суда при оценке различных свидетельских показаний, то совершенно беспредметным занятием в кассационной инстанции будет раздумье над вопросом о том, обратил ли суд внимание на показание свидетеля Д или не обратил.

Можно с полной уверенностью сказать, что введение мотивировки, т. е. оценки доказательств в приговор суда первой инстанции, в значительной степени облегчит и уточнит работу кассационных судов.

Кассационным определениям нечего будет повторять по письменным материалам ту работу, которая в ходе судебного следствия проделана судом первой инстанции.

Поскольку доказательственные проблемы конкретного дела будут поставлены в мотивировке самого приговора, для кассационной инстанции будет значительно облегчена задача проверки соответствия приговора фактическим обстоятельствам дела.

* * *

Лишенное мотивов кассационное определение может удовлетворительно выполнить узко практическую задачу по конкретному судебному делу, т. е. утвердить, отменить или изменить приговор первой инстанции. Но за пределами этого конкретного результата по конкретному делу и поданно за пределами соответственного суда первой инстанции немотивированное кассационное определение никакой функции руководства работой судов первой инстанции осуществить не может. С этой точки зрения вынесение немотивированных кассационных определений лишает работу кассационных судов возможности выполнить основное свое принципиальное назначение по руководству работой первых инстанций, повышению квалификации кадров судебных работников и качества самой судебной работы.

В течение периода с 1924 по 1926 гг. публиковались сборники кассационных определений Верховного суда РСФСР. В опубликованных текстах решений заключалось подробное изложение дела, указание на стоящие по делу кассационные проблемы и аргументация в отношении сделанных Верховным судом выводов.

Подлиннее же кассационные определения по этим делам сплошь и рядом не заключали в себе такого обилия содержания: изложения обстоятельств дела в них не было, так же, как и постановки кассационных проблем. Чувствуя, и притом правильно чувствуя, что одни выводы без тех посылок, из которых они сделаны, не могут быть достаточно убедительны при публикации решения, составители этих сборников снабжали каждое публикуемое решение включением в него вводной части, с изложением дела и постановкой проблемы.

Для того чтобы кассационная практика имела максимально эффективное значение, вся подобная работа должна быть сделана при самом составлении кассационного решения судьями, выносящими определение.

Могут сказать, что это потребует увеличения труда со стороны кассационных судей и тем самым увеличения штатов кассационных судов. Да, совершенно бесспорно, что написать мотивированное кассационное определение и труднее и дольше, чем немотивированное. Но совершенно также бесспорно, что коэффициент полезного действия так построенной кассационной работы намного выше коэффициента дополнительного труда по сравнению с вынесением кассационных определений, лишенных какой бы то ни было мотивировки.

Таким образом, поскольку ставится серьезно вопрос о реальном руководстве работой судов

первой инстанции при помощи кассационных определений, непременно должен быть поставлен и разрешен в положительном смысле не только вопрос о непереносимом вынесении мотивированных кассационных определений, но также и о публикации таковых. Мотивированное кассационное определение может стать руководством за пределами конкретного дела, к которому оно относится — в противоположность немотивированному. Публикация мотивированных решений дает возможность придать эффективность кассационным определениям за пределами тех судов, к которым каждое отдельное определение относится.

Только при осуществлении этих предпосылок можно требовать от судей первой инстанции знакомства с кассационной практикой, проработки ее и руководства ею.

Можно думать, что повышение качества приговоров первой инстанции, при этих условиях, будет связано с уменьшением случаев обжалования.

Количество труда кассационных судей, возросшее на улучшении качества их собственной работы, будет компенсировано уменьшением количества случаев обжалования, связанным с повышением качества работы первой инстанции.

**

*

Кассационное определение должно исчерпывать все вопросы, которые с кассационной точки зрения, в конкретном судебном деле могут возникнуть. Принцип исчерпанности кассационного определения является весьма существенным для качества конкретного руководства судебной работой. К сожалению, в действительности это требование не только не соблюдается, но даже как следует, т. е. достаточно точно и отчетливо, перед кассационными инстанциями и не поставлено. Благодаря этому типичное, т. е. обычное, положение по кассационным делам таково.

Кассационная жалоба, допустим, указывает на ряд допущенных судом нарушений в доказательство необходимости отмены приговора. По своему смыслу каждое такое указание есть сигнализация о допущенных судом первой инстанции ошибках. Эта сигнализация в свою очередь может быть правильной, но может быть и ошибочной.

По общему правилу, почти не знающему исключений, кассационные суды поступают в подобных случаях так: если одно или некоторые из сделанных в кассационной жалобе указаний признаются существенными и достаточными для отмены приговора и направления дела для вторичного рассмотрения, то указание на них и составляет единственное содержание кассационного определения, отменяющего приговор. На других указаниях кассационной жалобы кассационное определение в подобных случаях вовсе не считает нужным останавливаться. При таком решении суд первой инстанции получает для повторного рассмотрения дело с единственным указанием на те существенные нарушения, допущенные при первом слушании дела, которые сами по себе признаны достаточными для отмены приговоров. Что же касается всех остальных указаний на другие нарушения, которые могут быть также очень существенны, то по поводу них суд первой инстанции никаких указаний в этих слу-

чаях не получает и находится поэтому в неведении: считает ли кассационный суд те процессуальные действия, которые обжалованы, но о которых ничего в кассационном определении не сказано, правильными или нет, можно ли и следует ли их повторять в том же виде, как при первом слушании дела, или по другим делам, или нет и т. д.

Между тем отношение кассационного суда к различным указаниям кассационной жалобы может быть неодинаково; с одними указаниями он может согласиться, признав наличие существенных нарушений, обязывающих к отмене приговора, а с другими нарушениями может не согласиться и признать в противоположность кассатору, обжалованные действия правильными или содержащими в себе нарушения незначительные и не могущие обосновать отмену приговора. Все это должно быть указано суду первой инстанции для того, чтобы он при повторном слушании того же дела мог избежать повторения уже допущенных ошибок, внести исправления в неправильные действия, допущенные при первом слушании, не повторять тех же ошибок в других процессах и т. д.

В виду того, что наш процесс является не процессом чистой кассации, а процессом кассационно-реvisionsным, нужно признать, что кассационный суд в своем определении должен высказаться не только по поводу всех тех нарушений, которые указаны в кассационных жалобах, но также и о всех тех нарушениях, которые он сам в порядке своей ревизионной инициативы в деле обнаружит.

К каким нежелательным последствиям может привести несоблюдение этого требования исчерпанности кассационного определения, можно указать на ряде судебных примеров, один из которых мы позволяем себе привести.

Приговор одного из линейных судов был отменен кассационной инстанцией по единственному мотиву: в подлинном приговоре суда значительная часть текста была вписана иным почерком и иными чернилами, чем весь основной текст приговора, причем никакой оговорки по поводу вписанных частей не было сделано. Конечно, это нарушение было совершенно достаточно для отмены приговора. Оно и было положено в кассационном определении в основу отмены приговора, как единственное указание, сделанное суду первой инстанции. Отменяя приговор при наличии этого нарушения, кассационный суд не считал нужным ни в кассационном, ни в ревизионном порядке остановиться на каких-либо других нарушениях.

После того, как дело было вторично рассмотрено, оно повторно по кассационным жалобам поступило в кассационную инстанцию, причем основным вопросом вторичного кассационного рассмотрения явилась совершенно неправильная организация экспертизы на предварительном следствии; неправильность эта никак не была исправлена ни при первом, ни при втором слушании дела по существу. Это нарушение было известно при первом рассмотрении дела в кассационной инстанции. Если бы оно было указано в кассационном определении наряду с указанием на нарушения, содержащиеся в самом тексте приговора, то все погрешности экспертизы могли бы быть исправлены при вторичном слушании дела в

первой инстанции. Благодаря тому, что кассационная инстанция не сочла нужным исчерпать в своем первом определении все допущенные в первой инстанции нарушения, эти последние оказались неисправленными при вторичном слушании дела в первой инстанции, потребовалось вторичное обжалование, вторичная отмена приговора и в третий раз слушание дела по существу.

Таким образом соблюдение принципа исчерпанности кассационного определения является одинаково существенным как с точки зрения эффективности кассационного руководства судебной практикой, так и с точки зрения экономики судебного труда и судебного бюджета.

Принцип исчерпанности кассационного определения должен быть соблюдаем как при отмене приговоров, так и при утверждении их и отказе в кассационных жалобах.

При применении принципа исчерпанности кассационного определения на практике могут встретиться различные случаи, которые требуют к себе очень большого внимания, в особенности если приговор одновременно обжалован осужденным и опротестован прокуратурой.

Могут быть смешанные случаи, когда имеются в деле и существенные и несущественные нарушения: в кассационном определении должно быть указано отношение кассационного суда и к тем и к другим.

Если кассационный суд считает правильными те процессуальные действия, в которых кассатор усматривает нарушение, то и это должно быть указано в кассационном определении.

Лишь ограниченные размеры журнальной статьи лишают возможности более подробно остановиться на различных вариантах, которые могут иметь место при осуществлении на практике принципа исчерпанности кассационных определений.

Весьма значительное распространение в работе кассационных судов получили так называемые **частные определения**, в которых кассационный суд дает те или иные указания суду первой инстанции.

Эти частные определения выносятся одновременно с вынесением кассационных определений и большей частью при утверждении обжалованных приговоров и оставлении кассационных жалоб без последствий. При такой комбинации наряду с кассационным определением, обычно немотивированным («оставить приговор в силе»), появляется краткое и сжатое, но все же мотивированное частное определение, указывающее на те или иные нарушения, допущенные при слушании дела в первой инстанции.

Поскольку существует практика параллельного вынесения кассационным судом кассационных и частных определений по одному и тому же делу, постольку необходимо поставить по меньшей мере одно совершенно элементарное требование: между содержанием кассационного определения и содержанием частного определения должно быть никаких противоречий. Недопустимо такое положение, когда бы в частном определении содержались такие утверждения, которые отрицались бы в кассационном определении, и наоборот. Недопустимо, например, такое положение, когда бы в частном определении указывалось на наличие в деле

тех или иных существенных нарушений, а в кассационном определении по тому же делу указывалось бы на утверждение приговора за отсутствием существенных нарушений. Это выдвигаемое нами требование имеет, казалось бы, совершенно аксиоматический характер и настолько очевидно, что с первого взгляда может показаться даже ненужным его доказывать. Судебная практика показывает, однако, обратное. Мы приводим один из недавних примеров, с которым за последнее время пришлось столкнуться.

При рассмотрении в кассационном порядке дела одного из водно-транспортных судов было установлено совершенно безобразное ведение протокола судебного заседания. Вместо того, чтобы указывать содержание задаваемых вопросов и даваемых на них ответов, в протоколе суда значилось: «слово для задавания вопросов предоставлено», «вопрос задан», «ответ дан».

Из такого протокола естественно нельзя узнать ни того, о чем спрашивали свидетелей и обвиняемых, ни того, что они отвечали. Другими словами, нельзя было составить никакого представления о содержании доказательств, исследованных на суде. А так как приговор суда должен быть вынесен на основании совокупности материалов предварительного и судебного следствия, то при невозможности проверить, насколько приговор соответствует данным судебного следствия, нельзя было разрешить и общую задачу о соответствии приговора совокупности материалов вообще.

Это и признала кассационная инстанция, постановившая: «Указать суду на недопустимость столь небрежного составления протокола судебного заседания, как это имело место по настоящему делу. В протоколе на некоторые вопросы ответы не записаны, а сказано, что «обвиняемый ответ дал». Подобного рода запись лишает кассационную коллегию возможности проверить правильность вынесенного приговора».

Но все это было указано в частном определении, вынесенном одновременно с кассационным определением. А кассационное определение кратко решало: «Приговор оставить в силе».

Утверждая приговор, кассационная инстанция тем самым признала его правильность, указав одновременно в частном определении, что она лишена возможности эту правильность проверить. Так было вынесено одновременно два определения, взаимно друг друга исключаящих.

Пример этот далеко не единичный. Если бы было установлено, что все указания на допущенные в первой инстанции нарушения как влекущие за собой отмену приговора, так и не влекущие непременно должны содержаться в кассационном определении, то можно было бы вовсе обойтись без частных определений по процессуальным вопросам.

Если бы на практике со всей строгостью выполнялось требование о мотивировке кассационных определений и при утверждении приговоров, то такие противоречия между кассационными и частными определениями были бы невозможны. Подобные противоречия весьма облегчены самым фактом отсутствия мотивировки в кассационных определениях.

Должна быть отмечена и еще одна ненормальность, допускаемая применительно к частным определениям: некоторые суды считают частные определения не подлежащими ознакомлению ни со стороны обвиняемого, ни со стороны защиты. Если бы частные определения относились исключительно к вопросам административным и дисциплинарным в отношении судей, это можно было бы еще понять. Но поскольку они относятся к вопросам процессуальным, непонятно, чем подобный взгляд может быть аргументирован. Достаточно сказать, что если бы вышеприведенное частное определение было скрыто от защиты, то окзалось бы невозможным принесение жалобы в порядке надзора, которая привела к опротестованию и отмене приговора.

Из сопоставления частных определений с кассационными можно сделать вывод, предлагающий поставить вопрос вообще об упразднении практики вынесения процессуальных частных определений параллельно с кассационными определениями и об обязанности кассационных судов все указания, которые они считают нужным сделать при рассмотрении кассационного дела, включать в текст кассационного определения. Существенное нарушение повлечет за собой вывод об отмене приговора. Допущенные первой инстанцией несущественные нарушения будут указаны суду первой инстанции с пояснением, почему они недопустимы, с одной стороны, но не повлекли за собой отмены приговора в данном конкретном случае, с другой стороны.

При таком построении кассационных определений вынесение одновременно с ними частных определений станет ненужным. А качество кассационных определений от этого только выиграет.

Новый проект УПК СССР никаких указаний на вынесение частных определений одновременно с кассационными определениями в себе не заключает.

Помимо непосредственно процессуальных задач по разрешению конкретного судебного дела на советском суде лежит еще более широкая задача: пользуясь материалами конкретного судебного дела, своевременно сигнализировать о тех или иных неполадках, обнаруженных в различных областях народного хозяйства и государственного управления и о необходимых организационных мероприятиях для устранения этих неполадок. Формы частных определений, выносимых одновременно с кассационными определениями, весьма пригодна для осуществления именно этой судебной функции. Поэтому мы считали бы правильным перенесение центра тяжести частных определений с процессуальных вопросов на общеорганизационные.

Одним из самых значительных процессуальных отличий советского кассационного процесса от так называемой чистой кассации является право кассационного суда на изменение приговора первой инстанции, без направления дела в последнюю для повторного слушания.

И теоретически и практически право изменения приговоров является наиболее сложным и трудным делом в области кассационного процесса. Наибольшее количество спорных проблем возникает именно в этой области. Именно здесь кроется опасность превращения кассационного процесса в апелляционный.

Изменения приговора первой инстанции распространяются на самые различные вопросы: меняется репрессия, меняется юридическая квалификация, меняется совокупность фактических признаков, признаваемых доказанными.

Не останавливаясь в настоящей статье на всей совокупности вопросов, связанных с проблемой изменения в кассационном порядке приговоров, мы ограничимся лишь двумя вопросами: один из них терминологический, другой — технический.

Не отменяя приговора и не направляя дела для повторного рассмотрения, а ограничиваясь внесением в приговор тех или иных изменений, кассационные суды обычно указывают в своих кассационных определениях, что приговор оставляется в силе с такими-то изменениями. Эта формулировка об оставлении приговора в силе иногда становится совершенно бессодержательной. Можно указать целый ряд решений, которыми приговор первой инстанции изменен в части фактического состава и в части квалификации, и в части репрессии. Как часты случаи, когда суд первой инстанции, например, осуждает за корыстное хищение, квалифицирует это преступление по закону 7 августа или ст.ст. 162 или 116 УК, приговаривает к многолетнему лишению свободы. После кассационной проверки, в кассационном определении указывается, что обвинение в корыстном хищении материалами дела не подтверждается, что речь может идти лишь о халатности или небрежности, что в связи с этим обвинение следует переквалифицировать на ст.ст. 111 или 112 и назначить наказание в виде исправительно-трудовых работ. В кассационных определениях это звучит так: «Приговор оставить в силе, исключить применение закона 7 августа, квалифицировать обвинение по ст. 111, назначить 1 год и-т. работ» вместо 10 лет по закону 7 августа. Спрашивается, что в подобных случаях «осталось в силе» от приговора первой инстанции? Эту терминологию надо решительно изменить. Своевременно вообще поставить общую проблему о четкости и чистоте судебного языка и, в частности, языка кассационных определений. С точки зрения построения процесса термин «оставление приговора в силе» для кассационного процесса вообще не подходит, ибо до кассационного рассмотрения приговор суда законной силы не имеет, а задачей кассационного определения и является разрешение вопроса не о том, следует ли приговор оставить в силе, которой он еще не имеет, а в том, следует ли эту законную силу приговору придать. Формула же об оставлении приговора в силе в точности подходит для надзорного процесса, ибо при рассмотрении дела в порядке надзора стоит вопрос как раз об оставлении приговора в силе, которую он уже приобрел в момент его утверждения в кассационном порядке. Для кассационного же процесса следует избрать другую терминологию: здесь правильно говорить об утверждении приговора.

Практика изменений приговоров в кассационном порядке ставит на очередь очень существенный вопрос, который в основе является техническим, но для осужденных такими изменениями приговорами весьма существенным.

Дело в том, что, изменяя квалификацию обвинения, формулированного в приговоре первой инстанции, и указывая в кассационном

определении на необходимость видоизменить фактическую сторону обвинения, кассационные суды никогда не включают в свои определения формулировку обвинения в том новом виде, какой оно должно иметь по мнению кассационного суда. Можно взять тот же пример, которым мы пользовались выше. Подсудимый осужден в первой инстанции за корыстное хищение и приговорен к 10 годам лишения свободы по закону 7 августа. В приговоре дана фактическая формулировка обвинению, с указанием всех тех фактических признаков места и времени, какими они представлялись суду первой инстанции. Кассационная инстанция не находит оснований для осуждения по закону 7 августа. По ее мнению, налицо лишь халатность или небрежность, предусмотренная ст. III. Сплошь и рядом кассационные определения таким общим указанием и ограничиваются, не давая в своем тексте новой формулировки обвинения.

При таком исходе дела процесс заканчивается двумя связанными между собой документами — приговором первой инстанции и кассационным определением. И при необходимости проверить и установить, за что именно в конце концов осужден человек, что ему поставлено в вину и к чему он приговорен, из суда выдаются копии двух документов: приговора первой инстанции и кассационного определения второй инстанции. Если осужденному надо доказать, что он оказался виноватым лишь в простом недосмотре и приговорен к общественному порицанию, то он поставлен в необходимость сначала показать, что он был осужден за расхищение социалистической собственности, приговорен к 10 годам лишения свободы и что лишь затем и квалификация его действий и репрессия были изменены кассационным судом, однако с «оставлением приговора в силе».

Это и с моральной стороны и с общественной точки зрения весьма тяжелая для осужденного процедура.

К тому же при сопоставлении приговора и кассационного определения и технически не всегда легко и не всегда просто установить, какие именно фактические обстоятельства продолжают считаться доказанными и после кассационного рассмотрения и какие части приговора первой инстанции должны считаться отпавшими. Кто является судьей в этом вопросе, кто в конкретном случае будет толковать приговор и кассационное определение для того, чтобы решить, что же именно в конечном счете с фактической стороны поставлено в вину осужденному.

Поэтому целесообразно поставить вопрос о большем редакционном уточнении кассационных определений, вносящих изменения в приговор первой инстанции. Кассационный суд должен прямо и точно указать, какие фразы и слова из приговора первой инстанции подлежат исключению. Если изменения настолько глубоки, что меняется очертание всего обвинения в целом, то кассационное определение должно дать в своем тексте фактическую формулу обвинения, которая полностью могла бы заменить описательную часть приговора, отвергнутую в кассационном порядке.

А затем может быть поставлен на обсуждение вопрос о том, чтобы кассационные определения, изменяющие приговор, редактирова-

лись таким образом, чтобы они и технически и формально целиком заменяли бы приговор первой инстанции. При этих условиях кассационное определение могло бы служить единственным документом, заканчивающим процесс и устанавливающим все последствия этого процесса для осужденного.

Эти вопросы намечены здесь лишь схематически для дискуссии. Теоретически они связаны с анализом вопроса о том, в каких пределах для кассационной инстанции в советском процессе возможно проникновение в существо дела и где та граница, переход которой извратил бы кассационный характер процесса, превратив его в процесс апелляционный. К этому вопросу следует подойти особо и в специальном изложении.

Подобно тому, как введение мотивировки приговоров первой инстанции имело бы весьма существенное значение для кассационной их проверки, т. е. для кассационного процесса, так требование мотивировки кассационных определений имело бы весьма существенное значение для дальнейшей их проверки в порядке надзора. Это касается, главным образом, тех кассационных определений, которые без всякой мотивировки постановляют «оставить приговор в силе».

При обжаловании приговоров в этих случаях в порядке надзора работа надзорных органов должна повторить собою полностью и целиком всю ту работу, которую проделала кассационная инстанция, так, как будто этой кассационной работы и не было вовсе. Все вопросы должны быть заново исследованы полностью и целиком, так как они должны были быть исследованы в кассационной инстанции.

Между тем, если бы кассационное определение содержало в себе точные мотивы, по которым приговор оставлен в силе или отменен, или изменен, если бы в кассационном определении был дан точный ответ на все заявления кассационной жалобы, превращенной затем в надзорную жалобу, то совершенно ясно, насколько облегчена была бы работа надзорных органов. Все спорные вопросы были бы ясно сформулированы. Аргументация противоположных решений (жалобы и кассационного определения) была бы также совершенно ясна. Надзорная инстанция, проверяющая заявления жалобы, имела бы перед собой и ход мыслей кассационной инстанции.

Совершенно ясно, что проверить правильность кассационного определения при этих условиях несравненно легче и требует значительно меньшего труда.

Так и здесь правильно построенная техника приведет и к повышению продуктивности и качества работы и к уменьшению количества труда самих работников.

В заключение могут быть сделаны еще два предложения, из которых одно направлено к повышению качества работы самих кассационных судов, другое — на рационализацию влияния кассационной практики на работу судов первой инстанции.

Нельзя не обратить внимания на следующее положение, которое может не вызывать против себя возражений, лишь при совершенно

Формалистическом взгляде на кассационную работу. Когда кассационная инстанция отменяет приговор и направляет дело для повторного рассмотрения, то оно поступает вновь в суд первой инстанции и либо вносится в судебное заседание для нового слушания, либо направляется следственным органам для дополнительного расследования, после которого и определяется дальнейшее направление дела. Такое судебное дело, по которому приговор кассирован, попадает вновь в поле зрения кассационного суда лишь в случае повторного кассационного обжалования. Если повторное обжалование места иметь не будет, то дело от кассационного суда оторвалось окончательно.

Полезной ли оказалась кассация или бесполезной, были ли указания кассационной инстанции даны в правильном направлении или неправильно, были ли эти указания достаточно полны или в них оказались пробелы, насколько правильно, наконец, эти указания выполнены — все это оказывается совершенно неизвестным. Никакого организованного контроля за дальнейшей судьбой кассационных указаний нет.

При таких условиях кассационные суды лишают себя значительных возможностей, облегчающих проверку правильности своей собственной работы, изучение своих ошибок и совершенствование своей практики, т. е. развитие одних особенностей своей работы и сжатие других.

Для примера было бы весьма интересно взять совокупность тех судебных дел, которые при кассации приговоров направлены для доследования, и посмотреть, к чему такое исследование приводило, насколько эффективным и практически нужным такое исследование оказалось и т. д. Или другой пример: было бы также весьма интересно взять, скажем, дела, приговоры по которым отменены вследствие несоответствия репрессии (по суровости или, наоборот, за мягкостью), и посмотреть, как применяются указания кассационной инстанции и насколько сочетаются эти указания с доказательственным материалом при повторном рассмотрении.

Если самый кассационный надзор над судами первой инстанции является в судебной области своеобразным контролем исполнения, то он будет явно неполным без введения такой проверки эффективности кассационных отмен. Введение же этой проверки, несомненно, будет способствовать как повышению качества ра-

боты кассационных инстанций, так и качества работы судов первой инстанции.

Второе наше предложение ставит на очередь организацию систематического изучения кассационной практики судами первых инстанций.

Если кассационная практика имеет своею целью осуществить конкретное руководство судами первых инстанций, то для реального осуществления такого руководства необходимо по крайней мере одна неременная предпосылка: суды первой инстанции должны хорошо знать кассационную практику. Кассационные решения, которых суды первой инстанции не знают, не могут осуществлять функции руководства работой этих судов.

Для того чтобы кассационная практика в целом могла быть полностью использована как орудие конкретного руководства судами первой инстанции, необходимо, чтобы каждое кассационное решение могло быть использовано за пределами того индивидуального судебного дела, к которому оно относится, и за пределами того суда первой инстанции, приговора которого оно касается.

Все кассационные определения со всем их разнообразием и со всеми их оттенками при общей единой принципиальной линии и должны быть известны и должны быть использованы и проработаны всеми судами первой инстанции и всеми судебными работниками. В развитом виде это требование одинаково относится к кассационным определениям всех кассационных судов, т. е. как к верховным судам, так и к краевым, областным и главным судам.

Поэтому должен быть поставлен на очередь вопрос о систематической и широкой публикации мотивированной кассационной практики.

При этих условиях может быть осуществлена и другая, большая и назревшая задача — теоретическое изучение советской судебной практики.

Примечание. Помещенная выше статья ни в какой мере не претендует исчерпать хотя бы в беглом изложении все без исключения проблемы, связанные с кассационными определениями. Уже после сдачи в печать настоящей статьи автору ее стало известно весьма существенное директивное письмо Верховного Суда СССР № 41 от 17 августа 1935 г., посвященное вопросу об улучшении качества работы кассационных и надзорных инстанций. В нем поставлены некоторые не затронутые в нашей статье вопросы, заслуживающие самого внимательного и подробного рассмотрения.

Н. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

Добиться перелома в информационной работе

Информации в работе органов прокуратуры отведено широкое место. Полное освещение всех разносторонних вопросов прокурорского надзора, своевременное и быстрое уведомление вышестоящих партийных и правительственных органов о преступлениях и нарушениях революционной законности не может быть осуществимо без правильно организованной информации.

Благодаря громадным требованиям, предъявляемым информации в органах прокуратуры, последняя должна быть систематической, плановой, своевременной и актуальной. Вот главные условия информационной работы, без которых она не даст положительных результатов.

Вопросам информационной работы в органах прокуратуры, Прокуратура Союза уделяет

большое внимание. В феврале текущего года на широком совещании работников учета и информации были всесторонне обсуждены вопросы учета и информации в органах прокуратуры. На основе решения совещания 25 апреля 1935 г. был разработан и дан местам приказ Прокуратуры Союза о перестройке информационной работы в органах прокуратуры. Новым приказом были введены схемы ежемесячных квартальных и полугодовых докладов органов прокуратуры. Существовавшая ранее система представления информационных докладов была громоздка. Места были сильно перегружены составлением большого количества всевозможных докладов. Новый порядок представления в вышестоящие органы прокуратуры информационных докладов, твердо определяя перечень вопросов работы органов прокуратуры, входящих в доклады. Изменить этот перечень вопросов или дополнить доклад другой темой можно было при новой системе только с разрешения прокурора Союза. Новая система сильно сокращала количество представляемых ранее районными, областными и краевыми прокуратурами докладов и вводила твердую систему внешней информации.

Вторым мероприятием громадной важности было введение в практику оперативной работы представления специальных донесений о всех наиболее крупных преступлениях и нарушениях революционной законности.

В целях немедленного развертывания информационной и статистической работы по новой системе прокурорам союзных республик, краев и областей было предложено выделить специальных работников для этой работы.

С момента издания приказа о перестройке информационной работы в органах прокуратуры прошло шесть месяцев.

Имеющиеся у нас данные об информационной работе органов прокуратуры дают возможность подвести некоторые, далеко еще неполные итоги перестройки этой отрасли работы¹.

За это время некоторые прокуратуры сумели развернуть информационную работу и сочетать ее с оперативной работой, сделав этим информацию своевременной и актуальной. К числу прокуратур, уделяющих большое внимание информационной работе, относится прокуратура Бурято-Монгольской АССР. Прокуратура БМАССР систематически сообщает в вышестоящие органы прокуратуры о всех крупных преступлениях и нарушениях революционной законности, совершаемых в республике. Прокуратура Ивановской обл. не плохо сумела организовать у себя информационную работу. Представляемые доклады областной прокуратуры по своему содержанию конкретно освещают отдельные участки работы. Нельзя также не отметить, что по срокам представления докладов прокуратура Ивановской обл. стоит на одном из первых мест. Издаваемый прокуратурой информационный «Бюллетень» также обращает на себя внимание. «Бюллетень» конкретно освещает отдельные участки работы органов прокуратуры области. В «Бюллетене», посвященном конкурсу на лучшее следственное дело и лучшее руководство следствием, наряду с руководящими статьями опубликованы

материалы специалистов по технике и методике следствия, как-то «Научно-технические методы расследования преступлений», «Как нужно расследовать дело по недоброкачественной продукции», «Как нужно составить обвинительное заключение» и др. В «Бюллетене» отведено значительное место статьям народных следователей.

Издание информационного «Бюллетеня» Ивановской областной прокуратуры необходимо всячески приветствовать. Нужно и другим прокурорам краев и областей, последовать примеру ивановцев.

Также заслуживают большого внимания и «Бюллетень», издаваемый Калининской областной прокуратурой. Каждый номер «Бюллетеня» посвящается определенному вопросу работы прокуратуры. Неплохо поставлен информационная работа в прокуратурах Одесской, Западной, Ленинградской обл. и Кировского края. От этих прокуратур своевременно получают информационные доклады, которые по своему содержанию актуальны и содержат в себе материалы большого значения.

К сожалению, далеко не везде существует такое положение. Многие прокуроры республик, краев и областей недооценивают еще значение информационной работы, уделяя ей крайне незначительное внимание. Благодаря этому страдает оперативная работа, так как при отсутствии систематической информации о деятельности прокуратур вышестоящие прокурорские органы, не зная, что делается на местах, в свою очередь не могут давать требуемые местам указания и исправлять их ошибки.

Произведенная Прокуратурой Союза проверка информационной работы в Москве выявила крайне неудовлетворительное положение с этой отраслью работы.

Несмотря на то, что с момента издания приказа прокурора Союза о перестройке информационной работы прошло пять месяцев, некоторые прокуратуры до настоящего времени прямо игнорируют эту работу. Организованные в прокуратурах группы учета и информации перегружены другими работами, которые не имеют даже косвенного отношения к информационной работе.

Группа учета и информации Прокуратуры РСФСР при штате в 5 чел. информационной работой почти не занимается. Информационная работа группы на сегодняшний день ограничивается расследованием газетных заметок центральных газет и составлением информационных докладов.

Вместо того, чтобы сосредоточить расследование газетных заметок в оперативных отделах, руководство Прокуратуры Республики возложило это на группу информации.

Работу по составлению информационных докладов по утвержденным схемам, группа почти не ведет. Исключением является составление доклада о работе прокуратуры республики за первое полугодие текущего года, который четыре раза переработывался, но несмотря на это, до сих пор не послан прокуратуре Союза.

Несоставление ежемесячных и квартальных докладов группа объясняет тем, что места нерегулярно представляют доклады, а некоторые краевые и областные прокуроры доклады совсем не посылают. Так, например, за июль

¹ Сведения, приведенные в статье, взяты автором только по РСФСР.

группа получила с мест только десять докладов.

Гораздо хуже обстоит дело с составлением и получением с мест специальных донесений. Этой работе группа информации не уделяет никакого внимания. За все время с мест было получено всего лишь два донесения. Получение от оперативных отделов Прокуратуры Республики материалов о наиболее крупных преступлениях и извращениях революционной законности совершенно не организовано. Группа не только не знает, что делается на местах, но даже не знает, какие дела проходят через центральный аппарат.

Такое крайне неблагоприятное положение с информационной работой в аппарате Прокуратуры РСФСР создавалось благодаря тому, что группа информации загружена совершенно несвойственными ей делами. Так, например, группа разрабатывает контрольные цифры штата периферии, составляет планы работы Прокуратуры Республики, распределяет поступившие в прокуратуру судебные дела и т. д. Работники группы командированы на места для выполнения всякого рода специальных поручений, никакого отношения не имеющих к их информационной работе. Все это отражается на работе группы и, в частности, на информационной работе, которая на сегодняшний день поставлена крайне неудовлетворительно.

Не лучше обстоит дело с информационной работой в аппарате прокуратуры г. Москвы. Штат группы учета и информации состоит из одного статистика и руководителя группы, который одновременно является и управляющим делами горпрокуратуры. При таком положении вещей требовать от группы информационной работы не приходится. Да и ее почти что и нет. За июль горпрокуратура от II райпрокуратур города получила всего один доклад и за II квартал четыре доклада. Управляющий делами, он же руководитель группы, такое положение объясняет тем, «что в районных прокуратурах нет статистики, без которой нельзя составлять доклады».

По остальным участкам информационной работы (расследования газетных заметок, издание бюллетеней и т. п.) горпрокуратура также ничего не делает.

Неудовлетворительно поставлена работа с специальными донесениями и в Московской областной прокуратуре. Специальные донесения в областной прокуратуре составляются непосредственно оперативными отделами, которые в большинстве случаев посылает их только Прокуратуре РСФСР. Инструктажем и проверкой мест, в части постановки специальных донесений облпрокуратура не занимается, несмотря на соответствующие указания по этому вопросу Прокуратуры Союза.

Придавая большое значение введению в практику оперативной работы органов прокуратуры, представление специальных донесений, Прокуратура Союза в виде опыта ввела оперативную информацию в 10 районах Союза. Оперативная информация ставила своей целью проведение учета эффективности судебно-прокурорской работы, в разрезе учета отдельных преступлений в объеме республики, края или области и в разрезе учета по отдельным объ-

ектам (новостройки, колхозы, заводы и т. д.). Учет проводится в следующих 10 районных и городских прокуратурах: 1) Орехово-Зуевский р-н Московской обл., 2) Пролетарский р-н г. Москвы, 3) Выборгский р-н г. Ленинграда, 4) Красногвардейский р-н Ленинградской обл., 5) горпрокуратура г. Магнитогорска, 6) горпрокуратура г. Тулы, 7) горпрокуратура г. Краматорска, 8) Каменский р-н Московской обл., 9) горпрокуратура г. Киева и 10) Лозовский р-н Харьковской обл.

Указанные прокуратуры районов и городов немедленно, по совершению того или иного крупного преступления или нарушения революционной законности, должны сообщать об этом прокурору края или области и в копии Прокуратуре Союза. В дальнейшем весь ход расследования и рассмотрения дела в суде сообщается в вышестоящие прокурорские органы.

Прокуратура Союза требовала от указанных выше прокуроров своевременной информации на протяжении всего процесса расследования дела.

Со времени введения оперативной информации прошло значительное время. Между тем многие из выделенных 10 прокуратур не сумели поставить, как следует эту работу.

Специальные донесения от выделенных 10 прокуроров поступают в Прокуратуру Союза крайне редко, в единичных случаях. Проверка этой работы в прокуратуре Пролетарского р-на г. Москвы показала, что составление спецдонесений прокурором было возложено на секретаря райпрокуратуры. Секретарь одно время выполнял эту работу, затем ушел в отпуск и составление специальных донесений прекратилось.

Недооценка этой работы должна быть немедленно изжита. Прокуроры должны понять, что специальные донесения по своему существу являются наиболее оперативным видом информации.

За 6 месяцев, прошедших со времени перестройки информации, мы имеем некоторые положительные результаты. Результаты эти еще крайне незначительны. Наоборот, в большинстве прокуратур информационная работа или совершенно отсутствует, или поставлена неудовлетворительно.

Для улучшения информационной работы в органах прокуратуры необходимо в ближайшее время провести общесоюзный конкурс на лучшую постановку информационной работы. Конкурс даст возможность перенести опыт лучшей работы на отстающие участки, оживит информационную работу, которой сегодня еще во многих местах не придается соответствующего значения.

Информация тесно связана с оперативной работой. Разрыва между ними не должно быть.

Только при хорошо поставленной информационной работе будут ясно видны те недочеты, которых еще очень много в работе прокурорского надзора и которые надо повседневно устранять.

Об этом следует помнить работникам прокуратуры.

Новый этап в борьбе за правильные измерительные приборы¹

В период после Октябрьской революции борьба со всякого рода преступлениями, так или иначе связанными с употреблением неправильных, воспрещенных к употреблению или незаклейменных в установленном порядке мер, весов и прочих измерительных приборов, проходит два резко различных этапа. Гранницей между ними является постановление ЦИК и СНК СССР 26 июля 1934 г., устанавливающее за обвешивание, обмеривание покупателей и пользование при продаже неверными весами и прочими измерительными приборами — лишение свободы сроком до десяти лет.

Строго говоря, до этого постановления с самого момента ликвидации царского уголовного законодательства советские кодексы не содержали прямых и достаточно четких указаний о борьбе с преступлениями в области весоизмерительного дела. Поэтому виновные в корыстных преступлениях, совершенных путем обмера, обвеса и употребления неправильных весов, теоретически могли привлекаться по статьям УК, предусматривающим наказание за мошенничество.

Наряду с этим к тем же преступлениям применялись зачастую ст.ст. 109, 111 и 112 УК РСФСР, как к преступлениям должностным, что было однако связано с необходимостью констатации в инкриминируемых виновным деяниях целого ассортимента признаков, предусмотренных указанными статьями, но имеющих к весоизмерительному делу явно отдаленное отношение.

Однако, практика потребовала уточнения юридич. квалификации этих преступлений.

Поэтому пленум Верховного Суда РСФСР 29/VII 1925 г. допустил применение в ряде случаев аналогии. Так, выпуск мер и весов без поверки или сбыт их без надлежащего клейма должен был преследоваться применительно к ст. 99 УК РСФСР, предусматривающей изготовление, хранение и посылку с целью сбыта, а равно и самый сбыт в виде промысла продуктов, материалов и изделий, относительно которых имеется в законе специальное запрещение или ограничение. Употребление мер и весов без поверки и без клейма согласно тому же разъяснению подлежало преследованию по аналогии с преступлениями, предусмотренными ст. 105 УК РСФСР, как нарушение правил, регулирующих торговлю. Наконец изготовление поддельных клейм, клеймение ими или применение мер и весов с заведомо поддельными клеймами и сбыт таковых преследовались по аналогии по ст. 172 УК РСФСР, предусматривающей такие же деяния в отношении клейм для клеймения слитков и изделий из них².

Наряду с этими указаниями судебных органов в законодательных актах Союза по весо-

измерительному делу Главной палате мер и весов, а впоследствии Центральному управлению мер и весов предоставлялось право издавать обязательные постановления по вопросам весоизмерительного дела, касающиеся правильности измерительных приборов и надлежащего их применения. Однако никакой санкцией исполнение этих требований фактически подтверждено не было.

Отсутствие точно определенной уголовной санкции за обмер, обвес и прочие нарушения в области весоизмерительного дела и фактическая безнаказанность нарушителей указанных выше правил и обязательных постановлений, издаваемых Центральным управлением мер и весов и НКВД, послужили одной из причин тех безобразий в торговле, какие были отмечены Л. М. Кагановичем в речи его на пленуме КСК 28/VI 1934 г. Тов. Каганович ярко осветил необходимость начать немедленную борьбу за искоренение обмеривания и обвешивания покупателей. Эпоху в этом отношении и сделало упомянутое выше постановление ЦИК и СНК СССР 25/VII 1934 г., установившее жесткую наказуемость обвешивания и обмеривания, пользования при продаже неверными измерительными приборами всякого рода — лишением свободы сроком до десяти лет.

Почти годичный срок, истекший с момента издания закона, был периодом организации борьбы с обманом покупателя во всех видах. В судебных органах проведен целый ряд дел, связанных с обмериванием, обвешиванием, употреблением неправильных измерительных приборов, а также с нарушением розничных цен. Прокуратура и Верховный Суд дали ряд директивных указаний, направленных на обеспечение полной и решительной борьбы с обманами потребителя. В этих указаниях подчеркивали необходимость обеспечения высокого качества расследования и неуклонного применения установленной постановлением 25/VII 1934 г. санкции. Сдвиг во всем этом деле несомненен и значителен, но есть все же моменты в борьбе с преступлениями в области весоизмерительного дела, которые не получили ни должного освещения, ни должного отражения в практике судебных органов и прокуратуры.

Попытаемся вкратце осветить эти моменты.

Прежде всего надо иметь в виду, что после издания постановления ЦИК и СНК СССР 25/VII 1934 г. СНК СССР трижды возвращался к проблеме правильности самой постановки весоизмерительного дела; сюда относятся постановления его от 9/IX 1934 г. о мерах и весах, 17/X 1934 г. об утверждении Положения о Центральном управлении мер и весов и 25/X 1934 г. о мероприятиях по обеспечению поверочной работы названного управления. Главнейшие моменты этих постановлений, относящиеся собственно к обеспечению правильности всей постановки весоизмерительного дела, заключаются в следующем:

1. Устанавливается обязательное клеймение измерительных приборов, перечисленных в

¹ В порядке обсуждения. — Ред.

² Подробнее об этом см. нашу статью «В борьбе с обвешиванием и обмериванием больше внимания изжитию преступлений в области измерительного дела». «Советская юстиция» № 21, 1934.

списке, утвержденном СНК СССР; клеймение, вопреки существовавшему ранее порядку, монополено осуществляется Центральным управлением мер и весов.

2. Устанавливаются систематические проверки измерительных приборов, а равно ответственность руководителей учреждений и предприятий за надлежащее состояние, точность и за своевременность указанной проверки.

3. Органам НКВнуторга и РК милиции поручается повседневный надзор, а Прокуратуре СССР и республик — решительная борьба против применения в хозяйственном обороте неправильных измерительных приборов.

4. Центральному управлению мер и весов поручается издание обязательных постановлений, правил и инструкций по всем вопросам метрологии и контрольно-измерительного хозяйства СССР, наложение административных взысканий за нарушение этих обязательных постановлений, а равно общий надзор за состоянием контрольно-измерительного хозяйства в Союзе.

Мы вправе утверждать, что измерительные приборы в народнохозяйственной жизни подчас приобретают характер серьезнейшего политического инструмента. В самом деле, ведь при помощи таких простейших измерительных приборов, как весы, происходит фактический хозрасчет между городом и деревней. При помощи весов измеряется натуральная стоимость трудодня колхозника, при помощи весов охраняется и учитывается колхозная собственность, колхозный и совхозный хлеб.

Однако простейшие весы и элементарная форма обращения ценностей — продажа, в которой советский гражданин выступает покупателем и плательщиком, — являются лишь начальными этапами, за которыми следуют области широчайшего применения всей совокупности измерительных приборов, как хозяйственного инструмента по преимуществу. Из этого применения и возникают новые задачи, которые должны быть учтены в процессе реализации закона 25/VII 1934 г.

Прежде всего в процессе борьбы за правильность измерительных приборов должно быть уделено особое внимание той их категории, которая согласно закону 9/IX 1934 г. подлежит обязательному клеймению органами Центрального управления мер и весов. В числе этих измерительных приборов имеются такие достаточно сложные, но вместе с тем весьма популярные приборы, как электрические счетчики, водомеры, газомеры, мерники для отпуска нефти и т. д. Весьма чуткая к вопросам точности всяческого рода измерений товара капиталистическая торговая практика давно уже отчетливо отметила у себя неблагоприятное с приборами этого порядка. Так, французские торговые палаты Алесская и Сент-Омерская в своих постановлениях указали, что в связи с развитием техники распространяется применение приборов, которые до сих пор фактически никакому контролю не подвергаются, а между тем при своей сложности представляются населению малопонятными; обмер при их посредстве незаметен, но по своим размерам весьма ощутителен. Например по данным одной из французских поверочных палат электрические счетчики могут работать с погрешностью до 30%, причем потребитель энергии не замечает этой погрешности в течение весьма долгого времени. На основе этих соображений

указанные торговые палаты требовали установления для всяких такого рода измерительных приборов строгого контроля, наравне с мерами и весами, и применения против лиц, виновных в обмере такими неправильными измерительными приборами, уголовных наказаний, как за пользование неправильными мерами и весами.

Совершенно ясно, что такого же рода неправильности и погрешности в работе счетчиков, водомеров, мерников и т. д. наблюдаются и у нас в практике как бытового обслуживания трудящихся, так и в производственной работе крупных хозяйственных организаций. Не мешает вспомнить указанный в специальной литературе случай из практики Сталинградского коммунального хозяйства, управление которого предъявило однажды двум учреждениям с приходящими сотрудниками в количестве всего 51 чел. счет на 420 000 ведер годового расхода воды, т. е. по 8 235 ведер в год на одного приходящего сотрудника или 28 ведер воды в сутки (кругло). Это — разительный и, пожалуй, исключительный случай, но таких случаев с обмерами при помощи неправильных водомеров в гораздо менее заметных масштабах, экономически во всяком случае весьма ощутительных, в нашей практике наберется немало. Такое же положение имеется и по отношению к электрическим счетчикам, мерникам нефти в специальных колонках, газомерам и т. д. **На борьбу с обмериванием при помощи неправильных измерительных приборов в областях этого рода необходимо обратить серьезное внимание суда и прокуратуры.** Поскольку здесь потребитель находится в особо затруднительных условиях и имеет слишком мало возможности проверять действие упомянутых выше измерительных приборов, были бы вполне уместными показательные процессы против виновных в особо ярких случаях неправильной работы приборов указанного выше порядка, отсутствия их проверки и т. д.

Постановление СНК Союза СССР 25/X 1934 г. № 2455 устанавливает, как сказано выше, особую категорию мер и измерительных приборов, подлежащих обязательному клеймению в органах Центрального управления мер и весов. Приложенный к постановлению список обнимает собою 33 наименования предметов указанного оборудования; сюда относятся: весы, меры длины, объема, приборы для измерения площадей, для измерения давления и вакуума, для измерения температуры плотностей и концентрации растворов, электроизмерительные приборы, водомеры, наборы очков, вискозиметры, пурки. Кроме того этим же постановлением утвержден обнимающий собой 21 наименование список образцовых мер и контрольных измерительных приборов, служащих для проверки и градуирования рабочих измерительных приборов; эти образцовые меры и приборы также подлежат обязательной проверке органами Центрального управления мер и весов. Ясно отсюда, что перечисленным приборам законодатель придает особое значение и требует их безусловной точности во всех случаях их употребления; отнюдь не ограничиваясь только областью продажи (торговли). Последующее законодательство и практика достаточно определенно требуют борьбы за правильные весы и приборы и за пределами собственно продажи (торговли), которую ближайшим образом, имеет в виду закон 25/VII

1934 г. В самом деле не может и не должна оставаться вне борьбы с обмером и обвесом, с неправильными несоизмерительными приборами огромная область хозяйственных отношений, которые регулируются не сделками в форме продажи, упоминаемыми в законе 25/VII 1934 г., а хозяйствованиями. В этой области правильность несоизмерительных приборов играет также громадное значение, и нельзя себе представить такое положение, чтобы за обмер, обвес и обман при помощи неправильных измерительных приборов индивидуального покупателя налагалось лишение свободы до десяти лет, а те же действия, совершаемые в сфере, регулируемой хозяйствованиями, оставались или совершенно безнаказанными или же карались бы значительно мягче, по статьям о должностных преступлениях. Более того, верные измерительные приборы, доброкачественные по своему изготовлению и отвечающие своему назначению, являются безусловно необходимой принадлежностью производственного процесса во всех отраслях народного хозяйства, строительства и торговли, а употребление таких правильных приборов — безусловно необходимым и действительным методом борьбы с потерями в народном хозяйстве и необходимой предпосылкой для создания культурного торгово-хозяйственного оборота. Поэтому, борьба за правильность измерительных приборов необходима.

Практика измерительного дела показывает разительные примеры всякого рода убытков, простоев, и т. п., связанных с применением при выполнении хозяйственных обязательств неправильных измерительных приборов всякого рода. Мне уже приходилось ссылаться¹ на случай применения в нефтяной промышленности неточного термометра при определении удельного веса экспортируемого в Германию бензина, повлекший за собой уплату Наркомвнешторгом 10 000 марок золотом разницы в пошлине. Употребление таких же неправильных термометров во внутреннем хозяйственном обороте Союза создавало неоднократно длительные задержки в выпуске нефтепродуктов, причиняя этим крупные убытки заинтересованным отраслям народного хозяйства — потребителям нефти. Можно утверждать, что вред и убытки, возникающие от неправильности измерительных приборов, тем выше, чем сложнее и ответственнее прибор и чем большая требуется точность измерений. Что в этой области с точными измерительными приборами далеко не все благополучно подтверждают данные неоднократных обследований Всесоюзного комитета стандартизации состояния на крупнейших заводах соблюдения ОСТ на допуски и посадки, являющихся основой краеугольного камня всей крупной индустрии — взаимозаменяемости отдельных частей и деталей. Эти обследования указывают зачастую на необеспеченность и неудовлетворительное состояние калибрового хозяйства предприятий, являющиеся результатом небрежности, невнимания к этому хозяйству руководства предприятий, обязанного обеспечить правильную работу всех входящих в это хозяйство измерительных приборов и несомненно неблагоприятно отзывающиеся на изменениях частей и деталей продукции.

Если мы не всегда уделяем должное внима-

ние к такому ответственнейшему участку измерительных приборов, как набор калибров и калибровые лаборатории, то не лучше положение имеется и со всеми теми измерительными приборами, какие признаны законом подлежащими обязательному клеймению и проверке. Если далее в применении неправильных измерительных приборов при выполнении хозяйственных отношений нет того грубого обмана, того веса «с пальчиком», который мы наблюдаем в торговле гденибудь в продпалатке, то здесь в пользовании особо ответственными, но неверными измерительными приборами, имеется налицо грубейшее пренебрежение к самому существу хозяйственных отношений, здесь налицо тягчайший обман всего государства, выражающийся в срыве точного выполнения плана тех предприятий, какие связаны данным хозяйством. Поэтому пользование неправильными измерительными приборами при выполнении хозяйственных отношений отнюдь не может и не должно быть исключено из действия закона 25/VII 1934 г.

Остается упомянуть еще об одном моменте, связанном с законодательными постановлениями по несоизмерительному делу, утвержденными после издания закона 25/VII 1934 г. и подлежащем особому вниманию при реализации этого последнего закона. Как указано выше, постановлением СНК Союза ССР от 17/X 1934 г. Центральному управлению мер и весов предоставлено право издания обязательных постановлений, правил и инструкций по всем вопросам метрологии и контрольно-измерительного хозяйства Союза ССР, а равно наложение в административном порядке штрафов до 300 руб. на лиц, виновных в непредоставлении измерительных приборов на обязательное клеймение и в нарушении обязательных постановлений названного Центрального управления (п. 3 ст. 4 и ст. 10 Положения о Центральном управлении). Эти статьи совершенно точно определяют строго ограниченную сферу административного воздействия за нарушения в области несоизмерительного дела. Однако на этих по существу ограничительных положениях закона развитие административной юрисдикции в указанной области не остановилось. Прокуратура РСФСР и НКВнуторг СССР издали инструкцию о разграничении работы между органами государственной торговли и органами юстиции и об определении признаков, по которым дела об обмеривании, обвешивании и нарушении цен направляются в административном или уголовном порядке (цирк. НКЮ РСФСР № 13 14/II 1935 г.).

Строго говоря, наше законодательство в области несоизмерительного дела знает лишь один указанный выше случай административного воздействия на нарушителей порядка в несоизмерительном деле, именно — юрисдикцию Центрального управления мер и весов, очерченную выше. Поэтому указанная инструкция Прокуратуры РСФСР и НКВнуторга СССР является расширением такой юрисдикции за пределы, предусмотренные союзным законом. К сожалению, инструкция не содержит в себе указаний на те статьи положения о НКВнуторге СССР или о Государственной торговой инспекции, на которых можно было бы обосновать установленное инструкцией право инспекции налагать административные и дисциплинарные взыскания за маловажные нару-

¹ См. цитированную выше статью.

щения в области весоизмерительного дела. Это тем более было необходимо, что в Инструкции не указываются также самые размеры санкций, налагаемых по усмотрению Торговой инспекции. Но главное здесь заключается в том, что фактическое изъятие из действия закона 25/VII 1934 года маловажных дел об обмеривании и обвешивании проходит без должного учета всех моментов данного конкретного случая, имеющих отношение к весоизмерительному делу. В самом деле, наличие незначительного, с точки зрения Торговой инспекции, по характеру случая обмеривания и обвешивания может быть связано с ускользающими от ее внимания крупными дефектами постановки в данном предприятии или учреждении весоизмерительного дела в целом с нарушениями закона, обязательных постановлений или инструкций Центрального управления мер и весов. Деятельность Торговой инспекции в административной борьбе с обмериванием и обвешиванием в законе (постановление СНК СССР 9/IX 1934 г. о мерах и весах, ст. 9) рассматривается только как повседневный надзор за применением в торговле правильных и имеющих установленные клейма весов, гирь, литров и метров. Реализация же результатов этого надзора не может и не должна протекать вне участия Центрального управления мер и весов, а само это участие должно состоять не в даче по требованиям Торговой инспекции заключений только о правильности и неправильности мер и весов в данном случае, но в непосредственном рассмотрении Центральным управлением мер и весов вопроса, насколько требования его обязательных постановлений в данном деле соблюдены. Отсюда уже проистекает право названного Центрального управления самостоятельно наложить административное взыскание на виновных, если это потребуется. Поэтому необходимо в масштабе работы Прокуратуры Союза разработать и согласовать инструкцию о порядке наложения административных взысканий за нарушения в области весоизмерительного дела, строго обоснованную на союзном законодательстве, правильно согласовывающую и в то же время разграничивающую сферу деятельности как самой прокуратуры, так в первую очередь Центрального упра-

вления мер и весов, а затем органов Государственной торговли инспекции и РК милиции. Несомненно, что эта инспекция должна предусматривать постоянный и тесный контакт названных мною органов, при котором только и возможна систематическая и эффективная борьба с неправильными измерительными приборами.

Резюмируем сказанное:

1. Постановление ЦИК и СНК СССР 25/VII 1934 г. в связи с последующими постановлениями правительства по вопросам весоизмерительного дела является основой нового этапа в борьбе за правильный измерительный прибор. Эта борьба в дальнейшем должна вестись, как во всех областях бытового снабжения (электричество, вода, газ, нефтяные мерники и т. д.), так и в громадной области хозяйственных отношений.

2. Прокуратура и суд должны обратить уже тепер свое внимание на все те случаи применения неправильных измерительных приборов в указанных выше областях и давать им при судебном рассмотрении особо яркое и полное освещение, исходя из того, что неправильные измерительные приборы в этих областях по существу также ведут к обворовыванию потребителя и обману Советского государства, если даже в действиях виновных лиц и не имеется непосредственных корыстных целей.

3. Прокуратура СССР должна, руководствуясь постановлением СНК Союза ССР от 9/IX 1934 г. (ст. 10), обратить свое внимание на формы и правильное осуществление борьбы со всякого рода нарушениями в области весоизмерительного дела, проводимой в административном порядке, добиваясь контакта всех заинтересованных в этом органов и поднятия культуры весоизмерительного дела на высоту, соответствующую требованиям переживаемого нами периода. В первую очередь должна быть издана инструкция по этому вопросу, согласовывающая действия всех заинтересованных в нем учреждений и организаций и определяющая рамки деятельности этих учреждений и организаций в строгом соответствии с действующим законом.

В. МАЛКИС

О кассационных заседаниях военных трибуналов¹

Совершенно правильно привлекается сейчас внимание к некоторым вопросам кассационной практики.

Достаточно ознакомиться в любой кассационной инстанции с процентом отмеченных и исправленных (особенно смягченных) приговоров, чтобы понять, какое громадное значение в судебной практике имеют кассационные решения.

Судьбы многих людей определяются в конечном итоге кассационными инстанциями и зависят от качества решений этих инстанций.

Своими решениями кассационная инстанция осуществляет конкретное руководство судебной практикой судов первой инстанции и направляет их работу.

Практика кассационных заседаний внесла существенные «поправки» к нормам УПК, устанавливающим порядок кассационного рассмотрения дел. Однако эти поправки, упрощающие процесс, отнюдь не заслуживают того, чтобы быть узаконенными новым Уголовно-процессуальным кодексом СССР.

Наоборот, борясь за высокое качество кассационных решений, мы должны отказаться от уже установившихся традиций — имениты

¹ В порядке обсуждения. — Ред.

практику и добиться безоговорочного соблюдения советских законов.

Военные трибуналы отличаются от краевых судов в несколько более выгодную сторону в смысле четкости работы и соблюдения законных установленных норм процесса.

Так например, в военных трибуналах округов кассационные заседания всегда начинаются с подробного доклада члена суда по рассматриваемому делу.

Этот доклад делается не в совещательной комнате, а в судебном заседании в присутствии прокурора.

Ни одно дело в кассационном заседании трибунала не рассматривается без участия военного прокурора, который предварительно знакомится с делом и дает по делу свое заключение.

Однако и для некоторых военных трибуналов округа характерно глубоко укоренившееся в их практику забвение интересов одной из сторон в процессе.

С тех пор, как военным трибуналам округов были присвоены кассационные функции, я не помню случая в своей практике, когда бы в кассационном заседании принимала участие защита. Я знаю только несколько случаев, когда на кассационном заседании присутствовали осужденные, и те вызванные на заседание по инициативе прокурора или председателя трибунала.

Почему? Разве для военных трибуналов существует особый закон, определяющий особый порядок кассационного рассмотрения дел? Разве осужденные военными трибуналами не заинтересованы в том, чтобы лично поддержать в кассационном заседании свою жалобу? Разве, наконец, армейской общественности не интересны кассационные заседания трибуналов и их решения?

Нет! Происходит все это, так сказать, по «техническим причинам». Во-первых, военный трибунал не объявляет о днях своих заседаний и о делах, которые будут рассматриваться. Во-вторых, военный трибунал, извещая прокурора, не извещает осужденных и защиту о дне рассмотрения дела в кассационном порядке. И в-третьих, осужденным судом первой инстанции не разъясняется их право участвовать при рассмотрении кассационной жалобы.

Нам представляется, что качество кассационных решений было бы значительно выше, если бы в кассационном заседании военный трибунал заслушал не только заключение прокурора, но и возражения осужденного или его защиты.

Могут сказать, что вызов осужденного затянёт рассмотрение дела. Но и в этом нет большой беды. Лучше рассмотреть дело на декаду позже, имея возможность выслушать объяснение живого человека, чем рассмотреть дело быстро, имея перед собой только бумагу.

Нельзя отрицать тот факт, что объяснения осужденного или его защитника могут помочь суду лучше разобраться в материалах предварительного следствия и судебного следствия первой инстанции.

Как часто мы встречаемся с таким фактом, что член трибунала, сделав подробный и об-

стоятельный доклад по делу, совершенно забывает о необходимости также обстоятельно доложить содержание жалобы.

А сколько жалоб таких, из которых не поймешь, что осужденный оспаривает и по каким мотивам!

Особенно важно и полезно выслушать объяснения осужденного по делам о должностных преступлениях, а также по делам о преступлениях некорыстного характера.

В свете указаний т. Сталина о кадрах и заботливом отношении к людям, целесообразно выслушать перед окончательным принятием решения даже того, кто уже осужден судом первой инстанции, тем паче, что отмена и исправления приговоров первой инстанции — не редкость в нашей судебной практике.

Новый проект УПК СССР, составленный комиссией под председательством прокурора Союза А. Я. Вышинского, не предполагает каких-либо упрощений порядка рассмотрения кассационных жалоб.

В проекте совершенно четко говорится: «Кассационные жалобы и протесты на приговор рассматриваются в открытом судебном заседании».

«Кассационная инстанция извещает стороны о времени и месте слушания дела. Осужденные, содержащиеся под стражей в месте нахождения суда, в случае их желаний присутствовать на заседании, должны быть доставлены в судебное заседание».

«Стороны, в случае их явки, должны быть допущены судом в даче объяснений в судебном заседании».

Также четко в проекте указывается, что неявка сторон на судебное заседание не является препятствием для слушания дела лишь при условии своевременного вручения им извещения.

Таким образом новый УПК СССР отнюдь не предполагает узаконить установившуюся практику рассмотрения кассационных жалоб без извещения об этом сторон.

Уже сейчас нужно отказаться от этой практики и в военных трибуналах. Нужно установить порядок, при котором рассмотрение кассационных жалоб происходило бы в открытых судебных заседаниях в присутствии армейской общественности.

Для этого военные трибуналы должны временно объявлять о днях своих заседаний и о делах, подлежащих рассмотрению на этих заседаниях.

Стороны и, в частности, осужденные и их защитники должны своевременно извещаться о дне рассмотрения жалобы или протеста.

При вынесении приговора судом первой инстанции подсудимым должно быть разъяснено их право присутствовать в кассационном заседании, содержащимся под стражей должна быть обеспечена фактическая возможность присутствовать на кассационном разборе их дела.

Соблюдение процессуальных норм при рассмотрении кассационных жалоб, повышение качества кассационных решений безусловно делает более действенным конкретное руководство судебной практикой судов первой инстанции и повысит качество их работы.

Больше внимания гражданским делам

Народные суды часто с пренебрежением относятся к гражданским делам, особенно к делам обобщественного сектора, между тем, борьба за твердое проведение хозрасчета и договорной дисциплины хозяйственными и государственными организациями является чрезвычайно ответственной работой, вытекающей из директив партии и правительства.

«Если народный судья будет работать с душой», как сказал Л. М. Каганович на общемосковском собрании работников суда и прокуратуры, если в работу судья будет вкладывать душу, то выполняемая им работа по обществу приобретает чрезвычайно глубокий государственный интерес.

На первый взгляд может показаться, что в делах, где истец и ответчик — государственные организации, и в делах, связанных с невыполнением договорных условий, как будто нет никакой политической принципиальности. Но мы, большевики, привыкли смотреть на экономику под углом зрения политики и поэтому дела обобщественного сектора имеют под собой глубокие политические нормы.

Возьмем такой пример: заводу, изготовляющему запасные части для тракторов и комбайнов, по государственному плану перевозок дано 10 вагонов, завод сумел использовать только 3—4 вагона. За неиспользованные вагоны жел. дорога взыскивает, а завод платит штраф по 24 руб. за вагон. Казалось бы, инцидент исчерпан. В многомиллионном обороте советского хозяйства этот штраф даже не чувствуют. Но нарушение плана влечет за собой: невыполнение директив партии и правительства о 100-процентном использовании транспорта; колхозно-совхозные ремонтные мастерские, не получая запасных частей, задерживают выпуск из ремонта сельхозмашин и инвентаря. Срывается план уборки хлеба, и наконец, сам хозяйственник, не использовавший вагонов, по существу не выполняет свой промфинплан.

Разрешая такие дела, суд, вынося то или иное решение, обязан сигнализировать прокурорскому надзору и мобилизовать товарищеские суды и рабочие массы на ликвидацию прорывов на данном производстве.

На договорную политику хозяйственные органы смотрят так: лишь бы я выполнил свой промфинплан, а как будет выходить из положения мой противник, как справится он со своим промфинпланом, меня это не касается. Как пример, можно привести Московский автомобильный завод.

Завод отпускает баллоны, наполненные газом. Головка баллона с кранами закрывается коллаком, во избежание утечки газа. Хозяйственники принимают баллоны как исправные на веру. Когда же они сдают эти баллоны, заводоуправление Автогенного завода обнаруживает в баллонах своей же дефекты и относит их за счет грузополучателя и предъявляет к ним иск.

В Москве имеется торгово-посредническая организация Мосбюрогорг по заключению хозяйственными организациями договоров. В договоре прямо указано, кто платит посреднику и в каком размере комиссионное вознаграждение, и тем не менее подавляющее большинство хозяйственников добровольно не желают платить обусловленную договором сумму и только потому, что они хотят получить исполнительный лист как документ, служащий основанием для списания искивой суммы. В результате — сотни искивых заявлений.

Массовые совершенно бесспорные иски предъявляются к Мосторгу и тем не менее последний добровольно их не платит. В судебном же заседании представитель Мосторга заявляет:

«Иск не оспариваем, документы в порядке, но и признать иск не можем, а там — как решит суд».

Такую же картину нарсуд Октябрьского р-на г. Москвы установил в государственном тресте ТЭЖЕ.

В Октябрьский нарсуд поступил ряд искивых заявлений к тресту ТЭЖЕ. Все иски об одном и том же: недостача, пересортировка, бой, вытечка жидкостей из флаконов парфюмерной и косметической продукции. ТЭЖЕ, иски не признал свалив всю вину на железные дороги и на самих грузополучателей.

Нарсуд решил проверить основательность жалоб и произвел обследование работы ТЭЖЕ непосредственно на фабрике и в базисном складе, где производится упаковка и отправка груза.

В упаковочном складе упаковщик, окруженный ящиками, наложенными до потолка, один заполняет ящики, прокладывает продукцию стружками и забывает ящики. Так как он работает сдельно, и в его распоряжении нет запасов, замена же или докладка недостающего или разбитого сопряжена с потерей времени на выпуск и получение нужного товара в другом конце склада, то он просто вкладывает то, что у него под рукой.

В железнодорожном пакгаузе сличение содержимого в ящиках с документами отправки показало, что в одном из ящиков не было положено против документов двадцать флаконов одеколона. В другом ящике были лишние десять флаконов. Пробки в флаконах настолько плохо притерты, что держатся только склеенной у горлышка бумажкой. Флаконы особенно дешевых сортов слабо череложены и при перегрузке ящиков бьются.

На вопрос к зав. претензионным отделом фабрики т. Святогорову о том, как трест реагирует на обнаруженные безобразия, он ответил:

«Ведем, конечно, борьбу, но ТЭЖЕ выгоднее заплатить за недостачу или бой двух-трех десятков флаконов одеколона или банок вазелина, чем иметь лишнюю рабочую силу и увеличивать расход упаковочного материала».

На экспортную продукцию у нас жалоб нет, так как она особенно тщательно упаковывается. Ящик имеет проволочную обвязку и пломбируется. На внутренний же рынок, когда мы ежедневно отправляем по две и более тысячи штук ящиков, нам эта упаковка была бы невыгодна, так как стоимость добавочного упаковочного материала и рабочей силы далеко превысила бы претензионные суммы по искам».

В результате создаются судебные дела. Юристы консультируют истца и ответчика, просиживают целые дни в суде, а суд тратит время, силы и средства на разбор этих дел.

Если народный судья по-большевистски будет подходить к каждому конкретному случаю и анализировать причины, породившие иск, а не ограничится кабинетной работой, будет выезжать на предприятия и учреждения для проверки фактов, изложенных в исковом заявлении, то и судебная практика приобретет сугубо принципиальный политический интерес.

А. М. ЛИБЕРМАН

По поводу „открытого забрала“¹

В № 6 «За социалистическую законность» за 1935 г. помещена статья А. Кирзнера «С открытым забралом», в которой он предлагает дополнить УПК двумя новеллами, а именно новыми абзацами ст.ст. 235 и 280.

Если дополнение к ст. 235, предусматривающее предоставление права подсудимому или его защитнику до начала судебного следствия сообщать суду свои соображения о правильности предварительного следствия и соответствии обвинительного заключения материалам этого следствия, не может встретить принципиальных возражений, то этого отнюдь нельзя сказать по поводу дополнения к ст. 280, предусматривающего обязанность для защиты заявить в начале судебного заседания «считает ли она предварительное следствие проведенным правильно, а обвинительное заключение соответствующим материалам предварительного следствия, и если нет, то в каких частях и почему».

Основания для возражений против этой новеллы не трудно найти и у самого т. Кирзнера. Последний правильно указывает, что бывают случаи, когда подсудимый не признает себя виновным, а защита считает обвинение доказанным. Но заявить суду об этом своем расхождении со своим подзащитным защита может лишь тогда, когда обстоятельства, выявленные на судебном следствии, утвердили защиту в том впечатлении, которое она в данном случае вынесла от ознакомления с материалами предварительного следствия. Ибо, если согласиться с автором новеллы и обязать защиту изложить это свое впечатление суду до проведения судебного следствия, то этим самым мы поставим защиту в крайне затруднительное, а бы сказал довольно-таки конфузное положение. Сделав такое заявление, защита заранее расписалась бы в правильности обвинительного приговора, не ведая еще о том, что именно будет добыто судебным следствием. Между тем каждому судебному работнику безызвестно, что нередко данные, добываемые судебным следствием, бывают диаметрально противоположны материалам предварительного следствия (да и само судебное следствие было бы излишним, если бы материалы предварительного следствия считались непогрешимыми и не нуждающимися в проверке на суде). Какое самозачувствие было бы у защитника, скороспело за-

явившего суду наперекор своему подзащитному, о правильности обвинения в тот момент, когда судебным следствием это обвинение оказалось бы опроверженным, предоставляю судить автору новеллы.

Сказанное можно иллюстрировать примером из моей недавней практики. В одном процессе с серьезнейшим обвинением мне, по ознакомлении с материалами дела, стало ясно, что обвиняемый напрасно отрицает свою вину, так как все улики против него. До начала судебного заседания я долго уговаривал его признать свою вину перед судом, но он упорно стоял на своем. На судебном следствии были установлены такие обстоятельства, которые побудили меня перед самым его окончанием возбудить ходатайство о направлении дела к доследованию. Будучи поддержано прокурором, ходатайство это было удовлетворено. Вспоминая теперь об этом деле, я чрезвычайно рад тому, что новелла т. Кирзнера не стала еще в то время законом и не заставила меня опрочетливо доложить суду о своем первом впечатлении.

Можно ли требовать от кого бы то ни было полной оценки материалов предварительного следствия до проверки их в ходе следствия судебного? Я думаю, что даже к обвинителю это требование неприменимо. Ибо нельзя забывать, что во многих случаях поддерживает обвинение в суде не тот прокурор, который утверждал обвинительное заключение, а в тех случаях, когда обвиняет тот же прокурор, который утвердил обвинительное заключение, он сам, относясь добросовестно к делу, стремится проверить правильность этого заключения в судебном заседании. И бред ли найдется прокурор, который до окончания судебного следствия безапелляционно заявил бы о непогрешимости обвинительного заключения. Так что не только защите, но и обвинению я не считал бы возможным рекомендовать выступление в начале судебного заседания «с открытым забралом» по рецепту т. Кирзнера.

Неправильно, на мой взгляд, и утверждение т. Кирзнера, будто судебное следствие только «большой частью» является проверкой предварительного следствия. Оно во всех без исключения случаях является такой проверкой. И напрасно автору новеллы мерещится «разлагающее влияние» на защиту материалов судебного следствия, которые по его мнению могут в смысле близости к истине оказаться

¹ В порядке обсуждения. — Ред.

хуже материалов предварительного следствия». Во-первых, он опять рискует впасть в ошибку признания обвинительного заключения авансом непогрешимым. Во-вторых, разве ему неизвестны случаи плохо проведенного предварительного расследования, попадающего в суд? А если это так, то разве не следует считать аксиомой, что каждое предварительное следствие нуждается в судебной проверке (да иначе и институт суда в нынешнем его виде был бы совершенно излишним) и до этой проверки оно никем и никак не может быть окончательно квалифицировано и оценено на суде.

Наконец нельзя признать веским и довод т. Кирзнера, если можно так выразиться, о ненормальности. Под этим я разумею его отношение на «нетерпеливое и отрицательное отношение суда к хозяйствам защиты и задаваемым ею вопросам», на то, что суд «раздражается» и т. п. Если суд поступает таким образом, то его никак нельзя за это похвалить.

Только и всего. Но нельзя же, во избежание этого «раздражения» или «нетерпения» заставлять защиту говорить «б» до того, как сказано «а». Точно так же, не может быть принято всерьез сваливание т. Кирзнером на защиту (не излагающую своего сredo в начале судебного следствия) вины за то, что «вся описательная часть приговора слишком часто просто списывается с обвинительного заключения», которое, по его мнению, «оказывает на суд определенное «техническое» «воздействие».

Здесь опять-таки корень зла в судьбе, который умеет танцовать только от одной печки — обвинительного заключения, но не способен разобраться во всех материалах дела, сопоставить данные предварительного и судебного следствий, выявить, где чистое зерно и где плевелы. Но (еще раз) причем тут защита?

Сказанное по поводу основных доводов автора новеллы, мне кажется, вполне достаточно, чтобы признать эту новеллу неприемлемой.

Н. ПЛЕТНИКОВ

На защиту женщины от издевательства

В то время как партия, руководимая великим вождем народа т. Сталиным, и советская власть, памятуя заветы Ленина, окружают трудящуюся женщину исключительным вниманием и заботой, стремясь поднять ее на небывалую в истории высоту, — на территории страны, на переломе второй пятилетки, к сожалению, находятся еще антиобщественные элементы, которые отравляют атмосферу советской жизни, бравидуя половой разнузданностью и презрением к женщине, проявляя в отношении ее возмутительные циничные выходки. За примерами ходить недалеко, стоит только пересмотреть газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР» и «Правду» за летние месяцы, чтобы набрать целую галерею подобных спецов по издевательству над личностью женщины.

Вот инженер Мирзоев, который «систематически склонял к сожительству женщин, а затем их оставлял». «11 июня 1926 г. Мирзоев вступил в брак с гр. Хурумовой. 3 декабря того же года брак с Хурумовой был расторгнут. Через 6 дней, т. е. 9 декабря, Мирзоев женится на гр. Калмыковой. Через 2 мес. 6 дней, 15 февраля 1927 г., не разводясь с гр. Калмыковой, Мирзоев возобновляет брак с Хурумовой. 21 марта 1928 г. он разводится с Калмыковой. Многие запрошенные загсы не успели еще ответить. Известно лишь, что 17 февраля 1933 г. был зарегистрирован развод с гр. Мирзоевой... Сам Мирзоев довольно цинично рассказывает: «...кажется в 1933 г. регистрировался в Ессентуках с одной женщиной по имени Маруся. Отчество и фамилию ее не помню. Прожил с ней 6 месяцев...» («Правда» 19 июня 1935 г. № 167, Л. Перевозкин. «Частная жизнь инженера Мирзоева»). Мирзоев был осужден по ст. 153 УК.

Вот техник Володин («Правда» 25 июня № 173, Е. Рыклин «Пошляк»). На вопрос обманутой девушки: «Когда мы начнем жить вместе», — пошляк ответил: «Видишь ли, милая! Ты — седьмая девушка, которую я лишая не-

винности. Не могу же я на всех жениться, а сейчас я наметил еще одну девушку на заводе. Вот ее письмо, — что я и на ней должен буду жениться? А вот еще одно письмо от женщины, которая от меня беременна, — что я и на ней должен жениться? Нет уж, увольте. Я не могу так разбрасываться... «О совместной жизни брось думать. Правда, я обещал. Но нельзя же всему верить. Что хочешь, то и делай, хочешь — роди, хочешь — сделай аборт. На аборт могу дать денег...» За «половую распушенность» и «подлое издевательское отношение к женщине» пошляк был осужден к лишению свободы на 3 года.

Аналогичный с пошляком тип выведен в заметке т. А. Аграновского «Фельетона не было» («Правда» 7 августа № 216) в лице Фиакселя, который увлек гр. Кожевникову и через месяц выгнал ее беременную вон из квартиры. Этот Фиаксель приютившим Кожевникову людям ответил так: «Хочу — живу день, хочу — живу неделю, месяц. Месяц это еще порядочный срок. Мне не надо провинциалок, понимаете? У меня есть лучшие женщины. Может быть она хочет смотреть, как я буду жить на ее глазах с этими другими женщинами? Пусть. Угол могу дать, но ширму не позволю поставить»...

Не уступает Фиакселю в цинизме и Андрей Жданов (два письма Бор. Ефимова «Известия» 17 августа № 192), который написал обманутой им Надюше такие строки: «Все то, что случилось между нами, это был сплошной обман. И ты мне нужна была только для полового удовлетворения, а теперь у меня дома все есть, и еще раз катитесь, вы, к (площадная ругань), проститутка».

А вот издевательство в иной форме. Юрий Жданов (А. Аграновский, маленький фельетон «Подсудно ли это?» — «Правда» 24 сентября № 264) ведет с женой такой диалог. На замечание жены, что врачи отказываются делать аборт ввиду опасности для жизни, он говорит ей: «А ты им скажи, что муж тебя бросил».

«Я сказала. Они говорят — ничего, он будет платить алименты». «А ты не будь душой и отвечай: «Муж у меня подлец, негодяй, он меня совсем бросил». Отчаявшаяся женщина, брошенная Ждановым, сделала себе аборт. Жданов уже привлечен к ответственности за уголовно-наказуемое деяние («Правда» 27 сентября № 267).

Трудно сказать, кто из перечисленных выше лиц (Мирзоев, Володин, Фиаксель или Вдовин) мог бы оказаться на конкурсе первым, но несомненно одно, что от всех них разит острым букетом пологого хулиганства. Этот вид хулиганства представляет собою наиболее тяжкую и наглую форму издевательства над личностью женщины. За женщиной не только отрицается человеческое достоинство, но она рассматривается как постельная принадлежность. Более унижительного обращения с женщиной трудно себе и представить. Мало сказать, что здесь играет роль только половая разнузданность, половая разнузданность может и не сопровождаться цинизмом, а проявляться лишь в форме полового излишества, но в том-то и дело, что во всех приведенных случаях красной нитью проходит «подлое издевательское отношение к женщине», как по достоинству оценил советский суд действия «пощяка» Володина.

Подобные преступления имеют, так сказать, свое собственное уголовное лицо, имеют такую специфическую природу, что их не следует карать по аналогии, а надо выделить в особый вид социально опасных деяний, введя в Уголовный кодекс специальную статью об издевательстве над личностью женщины вообще. В настоящее время важно, как можно резко подчеркнуть, что советская власть будет крепко бить по рукам тех, кто тянется к женщине не как к человеку, а только как к половой противоположности, а, добившись цели, смеется и глумится над поверившей ему женщиной. Если советское воспитание и дисциплина, культурная обработка и убеждение не создали еще надлежащего советского правосознания у некоторой группы лиц и не всем привили чувство уважения и пощады к женщине, — остается иной путь, путь принуждения. В условиях сурового режима виновные будут вынуждены выгравить пережитки прошлого и научиться чтить заветы Ленина об уважении к женщине. Для этих лиц надо установить жесткий минимум лишения свободы, не ниже года. Не пренебрегая точной формулировки понятия издевательства, можно пока приблизительно указать некоторые виды этого отвратительного явления, руководствуясь примерами, приведенными выше. Сюда подойдут: циничные выходки на словах и в письме в отношении покинутой женщины, изгнание из своей квартиры беременной, презрительное или унижительное обращение с женщиной в обществе, разнузданная половая смена женщин, сопровождаемая хулиганскими выходками по адресу оставленных женщин. Особенностью этого преступления должно считаться издевательство не только над отдельной личностью той или иной женщины, но над личностью женщины вообще, поскольку в действиях винов-

ного проявилась именно эта черта. Поэтому главному вниманию надо будет обращать на всю совокупность действий обвиняемого, причем наиболее преступными будут считаться факты отрицания вообще за женщиной прав личности советской гражданки, примеры которых указаны выше. Здесь именно коренится сущность преступного издевательства над женщиной, по этой линии и должна быть начата жестокая борьба с врагами советской политики и советского строительства.

СССР — страна, где неустанно культивируется среди граждан чувство уважения к женщине и матери. Гордо и высоко, по заслугам, несет голову советская женщина, и всякую попытку ее унижения и издевательства над ней надо рассматривать не только как акт предательства в отношении доверившейся женщины, не только как акт хулиганства и полового бесстыдства, но как подкоп под устои советской семьи и общечеловеческой. Та заботливость и внимание, которое уделяется женщине в сфере советского строительства вообще, должны найти специальное отражение в области уголовного законодательства, в особой уголовной норме, которая должна взять под охрану женщину Страны советов от унижения и издевательства и сосредоточить в себе серьезную угрозу для ее нарушителей. Если понятие издевательства будет принято и оформлено особым законом, — отпадет надобностью квалифицировать по ст. 153 УК половое сношение путем обмана (заманивание в загс), т. е. подводить его под изнасилование. Сущность этого преступления не в предшествующем только обмане и не только в половом сношении путем обмана, а еще и, главным образом, в последующем издевательстве над женщиной, которое не меняется в зависимости от того, взята ли женщина обманом или без него. А раз центр этого преступления перемещается на последующий момент — оставление или изгнание женщины после половой связи с ней, — здесь и надо искать его истинную природу. В соответствии с этим надо устранить аналогю с половым только преступлением и констатировать здесь деяние более широкого объема, включающее посягательство на всю личность женщины вообще как в физическом, так и в моральном смысле. Вот почему так называемый половой обман надо изъять из-под действия ст. 153 УК и включить его в понятие издевательства над личностью женщины.

Дела об издевательстве над женщиной надо слушать обязательно в порядке показательных процессов, с желательным участием женщин в качестве народных заседателей и общественных обвинителей и широко освещать эти процессы в печати. Приговоры судов по этим делам надо сопровождать признанием виновных публично опозоренными в глазах советской общечеловеческой за издевательство над личностью советской женщины вообще. Эта характеристика будет указывать на особый социально-опасный элемент, пытающийся унижить авторитет женщины циничными выходками, недопустимыми в стране социализма.

Об оформлении и хранении судебного дела

Для наиболее быстрого разрешения какого-либо уголовного дела, для более легкого его разбора как в суде первой инстанции, так и в кассационном порядке или в порядке надзора, необходимо соблюсти ряд условий, которые ни наши следователи, ни наши судьи часто, однако, не выполняют. Одно из этих условий — это правильное оформление и хранение уголовного дела.

В практике попадаются такие дела, в которых благодаря небрежному оформлению, нельзя разобраться и вряд ли в них сумеют разобраться следователь, ведший дело, и судья, вынесший приговор.

Для иллюстрации приведу два уголовных дела:

Дело № 1—1280 нарсуда Слав. района Северокавказского края по обвинению тр.гр. Просянкина, Будаева и др. в расхищении деталей на радиоузле.

Кроме бессистемного оформления дела, мы имеем здесь безобразнейшее отношение к этому делу со стороны народного судьи т. Заложного и секретаря Гузилова.

Сначала о предварительном следствии:

Очень важные и имеющие большое значение для дела документы написаны карандашом, какие документы и к какому обвиняемому относятся — неизвестно, и для того, чтобы разобраться, что к чему относится, нужно сначала прочитать все дело, а потом, уже на память рыться и разыскивать, какой документ и к кому относится. Неправильное комплектование документов, их разбросанность сильно затрудняют рассмотрение его не только в суде первой инстанции, но и в кассационном или в надзорном порядке.

Если в следственном материале этого дела трудно разобраться, то в документах народного суда разобраться совершенно невозможно.

Судья т. Заложный, разбиравший вышеприведенное дело, наряду с Просянкиным, Будаевым и др., непосредственно занимавшимися хищениями, обвиняемого Сибухина по ст. 111 УК приговорил к 2 годам лишения свободы за то, что тот халатно отнесся к своим обязанностям, вследствие чего на радиоузле происходило расхищение имущества.

Сколько же лет нужно дать этому судье по той же статье за нижеприведенное оформление этого дела?

Протокол судебного заседания написан на красной, почти промокательной бумаге, красными чернилами, которые по бумаге расплылись, и получилось то, что не только ни одного слова, но и ни одной буквы разобрать нельзя. Допустим, что в этом виноват секретарь, но разве мог судья подписывать такой протокол? Однако этот протокол им подписан.

Допустим опять, что т. Заложный второпях не досмотрел и подмахнул протокол судебного заседания, который ему подсунил секретарь. Но приговор, вынесенный от имени «Россий-

ской социалистической федеративной республики», оказался написанным на такой же бумаге, теми же чернилами и тоже все расплылось и тоже ничего нельзя разобрать. В этом кажется, кроме т. Заложного обвинять некого.

Обращает на себя внимание еще не менее важный факт, что приговор подшит к делу «вверх ногами». Кассационная жалоба осужденного Будаева подшита на 6 листов ранее протокола судебного заседания и приговора.

Кроме того, кассационная жалоба в кассацию не направлялась, а вместо этого после кассжалобы подшиты 2 отношения в РУМ о розыске осужденных, не явившихся на судебное заседание.

Возьмем второе дело: дело нарсуда Смелянского района, Киевской области по обвинению гр. Яновского И. А.

Оставляя вопрос открытым о качестве проведенного как предварительного, так и судебного следствия, я хочу отметить факт безобразнейшего хранения судебного дела в народном суде.

Пришедшее в Прокуратуру Союза это дело оказалось все залитым водой, все тексты находящиеся в нем документов расплылись и в большинстве случаев совершенно исчезли, так что прочитать это дело и как-нибудь в нем разобраться не сможет и сам нарсудья т. Погаст, под председательством которого рассматривалось это дело.

Судя по тому, что в деле имеется приговор (тоже залитый), становится совершенно ясно, что виновники такого варварского отношения к делам находятся в народном суде Смелянского района.

Как в первом, так и во втором деле кроме безобразнейшего оформления и хранения уголовного дела мы ничего не видим. Мы кроме всего этого имеем в деле Просянкина, Будаева и др. прямое нарушение наших уголовно-процессуальных законов, выразившееся в том, что осужденного Будаева лишили права кассационного обжалования, подшив его кассжалобу к делу и положив дело в архив.

Такого рода дела, такого рода нарушения УПК, как приведенные выше, говорят о халатном и невнимательном отношении наших работников к порученному им делу. С этими фактами нужно вести решительную борьбу и искоренить такое отношение раз и навсегда. Не надо забывать, что по этим делам проходят живые люди, о бережном отношении к которым говорил нам т. Сталин.

Кроме того, трудность, а порой и невозможность рассмотрения таких дел в кассационно-надзорном порядке говорит и о бездушном отношении к людям. Что сделать с делом, в котором нельзя разобраться? Ничего! И человек, подчас может быть неправильно осужденный (а у таких судей, как т. Заложный и Погаст не исключена такая возможность при их отношении к делам), должен отбывать незаслуженное наказание.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Выездная сессия Курского областного суда, рассмотрев 2—8 января 1935 г. дело о злоупотреблениях в урсе треста «Донбасс-Антрацит», признала виновными в хищении общественной социалистической собственности уполномоченного этого урса Корастелева и в соучастии в указанном преступлении ряда работников хозяйственных, кооперативных и государственных учреждений Обоянского района, в том числе управляющего Обоянским отделением Госбанка Свиныхина Д. П.

Свиныхину были вменены в вину следующие преступные действия:

- 1) выдача ссуд уполномоченному урсу треста «Донбасс-Антрацит» Корастелеву с нарушением положения о кредитно-ссудных операциях и
- 2) получение от Корастелева за ослабление контроля по выдаче ссуд взятки в 500 руб., а также получение от последнего в виде компенсации «за оказываемые услуги по кредитованию» 150 руб. деньгами и патефона.

Квалифицируя деяние Свиныхина по ч. 2 ст. 117 УК, облсуд приговорил его к 3 годам лишения свободы.

Судебная коллегия Верхсуда РСФСР, рассмотрев 10 февраля 1935 г. кассационные жалобы осужденных по этому делу лиц, пришла к выводу, что получение Свиныхиним от Корастелева взятки материалами дела недостаточно доказано и что в отношении него остается в силе лишь обвинение в выдаче ссуд Корастелеву без законных на это оснований по личному знакомству. Переквалифицировав на этом основании деяние Свиныхина на ст. 109 УК, судебная коллегия Верхсуда РСФСР снизила ему меру наказания до 2-х лет лишения свободы.

Проверкой материалов дела устанавливается, однако, не только отсутствие доказательств получения Свиныхиним от Корастелева взятки, но и отсутствие таких с его стороны нарушений правил кредитования, которые давали бы основания для применения к нему ст. 109 УК.

Обвинение Свиныхина в получении от Корастелева взятки в 500 руб., основанное на оговорке его Корастелевым, опровергнуто судебной коллегией Верхсуда. Хотя последняя в своем определении оставила без обсуждения вопрос относительно двух других вмененных в вину Свиныхину взятках — получении от Корастелева патефона и 150 руб. деньгами, однако, факты эти также следует признать доказанными. Относительно патефона имеется в деле показание Корастелева, утверждающего, что таковой был отпущен Свиныхину из урса не в качестве подарка, а в кредит, а обвинение Свиныхина в получении от Корастелева 150 руб. деньгами основано было судом исключительно на утверждении последнего о получении им от Свиныхина 150 руб. за автомашину, предоставленную урсом сотрудникам банка для поездки за город на обработку

огорода. Однако это утверждение опровергается имеющейся в деле распиской Корастелева в получении этих денег, почему обвинение Свиныхина и в этой части является необоснованным.

Обвинение Свиныхина в нарушении правил о кредитно-ссудных операциях при выдаче ссуд урсу треста «Донбасс-Антрацит» основано судом на двух фактах: 1) выдача Свиныхиним Корастелеву 29/1 1934 г. ссуды в 10 300 руб. на оплату купленной урсом у Обоянского райпотребсоюза бочкотары, тогда как такой покупки в действительности не было, и полученная ссуда пошла на оплату купленных урсом у РПС 515 парниковых рам и 2) выдача Свиныхиним урсу ряда ссуд под морс 8 779 руб., под капусту—22 000 руб., под скот—4 000 руб. и мед—6 720 руб. без участия экономиста банка и без строгой проверки наличия материальных ценностей, под которые ссуды эти выдавались.

Первый факт ставится судом в вину Свиныхину исключительно на основании показаний осужденных по этому делу Корастелева и председателя Обоянского райпотребсоюза Фролова, утверждавших, что Свиныхин, зная о том, что он кредитует не покупку урсом бочкотары, а приобретение парниковых рам, которые как капиталовложения не подлежали по банковским правилам кредитованию.

Так как Свиныхин в своих показаниях категорически отрицал указанный оговор его Корастелевым и Фроловым, утверждая, что он при выдаче ссуды под бочкотару был введен последними в заблуждение и так как это объяснение Свиныхина подтверждается тем обстоятельством, что полученная урсом под бочкотару ссуда в 10 300 руб. была перечислена райпотребсоюзу на основании подложного счета, подписанного предправления РПС и гл. бухгалтером, то необходимо притти к выводу об отсутствии в деле объективных данных, свидетельствующих о том, что Свиныхин знал о том, что ссуда выдается фактически не под бочкотару, а под рамы для парников.

Что касается второго факта — выдачи целого ряда ссуд без участия экономиста банка и без строгой проверки наличия материальных ценностей, под которые ссуды эти выдавались, то в материалах дела нет никаких данных о том, что в действительности этих ценностей налицо не было и что банк потерпел от выдачи этих ссуд какой-либо материальный ущерб.

Объяснение Свиныхина о том, что имевшие место в Обоянском отделении Госбанка случаи выдачи ссуд без предварительной проверки ценностей различным организациям, а не только урсу треста «Донбасс-Антрацит» вызывались отсутствием в банке работников соответствующей квалификации, нашло на судебном следствии подтверждение в показаниях свидетеля Москаленко.

При таких условиях указанное действие Сви-
нухина должно квалифицироваться как служеб-
ное упущение, подлежащее преследованию в
дисциплинарном, а не в уголовном порядке.

Так правильно это действие и было расце-
нено приказом по курской областной конторе
Госбанка от 3/Х 1934 г., которым на основании
выводов бригады по обследованию работы
Обоянского отделения Госбанка, Свиныхину был
объявлен строгий выговор за недостаточную
бдительность по отношению к Корастелеву,
причем одновременно отмечено было, что «кре-
дитно-плановая работа отделения в целом по-
ставлена удовлетворительно» и что «за время
длительной работы Свиныхина в системе Гос-
банка имеются достижения по кредитной ра-
боте отделения».

Ввиду изложенных соображений и учитывая,
что как это устанавливается из приложенной
к кассационной жалобе Свиныхина справки
Обоянского отделения Госбанка от 9/І 1935 г.
«за 1934 г. превышения задолженности по деп.
заготовкам сверх установленных лимитов по
всем организациям, в том числе и по конторе
Урс «Донбасс-Антрацит» не было, Прокуратура
Союза опротестовала приговор выездной сес-
сии курского облсуда от 2—8 января 1935 г.
и определение судебной коллегии Верхсуда
РСФСР от 10 февраля 1935 г. в отношении
Свиныхина.

Президиум Верхсуда РСФСР, рассмотрев про-
тест Прокуратуры Союза, постановил переквал-
тифицировать действия Свиныхина по ч. 2 ст.
112 УК и на основании этой статьи запретить
Свиныхину в течение года занимать руководя-
щие или ответственные должности в государ-
ственных, общественных или кооперативных
учреждениях и предприятиях.

Гуторов Г. А. нарсудом 1-го участка Кур-
ского района ЦЧО 4/ІІІ 1934 г. был осужден к
3 годам лишения свободы за убийство аресто-
ванного при дер. Гуторово Полевского сель-
совета по подозрению в конокрадстве неизве-
стного, оказавшегося гр-ном Гридасовым В. М.,
жит. дер. Солнцево Солнцевского района.

КК ЦЧО облсуда приговор оставила в си-
ле. Сущность дела заключается в следующем.
Арестованный 10/V 1933 г. Гридасов, содержа-
вшийся вместе с другим арестованным — Паш-
ковым, утром 4/VІІІ 1933 г. был найден мерт-
вым в амбаре, принадлежащем гр-ке Заикиной
Н. Ф. Судбно-медицинское вскрытие тела
умершего произведено не было. Акт осмотра,
произведенного сельским фельдшером Ново-
силыцевым 15/VІІІ 1933 г., указывает, что «вви-
ду разложения трупа, признаков насильствен-
ной смерти не обнаружено» и что от трупа
сильно пахло водкой.

Заключение же курского судебно-медицин-
ского эксперта врача Зискинд от 25/VІІІ 1933 г.,
не выезжавшего к месту совершения преступле-
ния и не видевшего трупа, говорит о насиль-
ственной смерти покойного от побоев.

Свидетели: стоявший на охране арестован-
ных сельисполнитель Рыжков Т. И., Гуторова
Олимпиада Федоровна и 2-й арестованный
Пашков показали, что около 12—1 часа ночи
10 августа пришли к амбару осужденные Гуто-
ров Г. А. и шурина его Заикин И. П., откры-
ли амбар и стали избивать Гридасова желез-

ной тростью, вытащили его на двор и там
долго били, затем опять закрыли его в амбаре
и ушли.

Мотивы убийства никем из свидетелей и в
приговоре суда не указываются. Не устано-
влено, чтобы осужденные за убийство Грида-
сова Гуторов Г. А. и шурина его Заикин И. П.
ранее знали или встречались с убитым, нет
также указаний, чтобы они были пьяны.

По делу, однако, было установлено, что
свидетели Рыбаков Т. И., Пашков В. К. и Гуто-
рова О. Ф., давшие обличающие осужденных
Гуторова Г. А. и Заикина И. П. показания,
имели все основания питать к осужденному
Гуторову Г. А. злобу и ненависть. Рыжков за-
то, что Гуторов Г. А. раскулачивал его тестя,
б. жандарма царской службы Воробьева, на
родной дочери которого он был женат, а
также раскулачивал его отчима (мужа его ма-
тери Рыжковой Т. И.).

У свидетеля Пашкова В. К. осужденный
Гуторов Г. А. отобрал обрез русской винтовки
и неоднократно уличал его в кражах в 1928 г.,
за что Рыжков отбывал наказание. В настоя-
щее время, т. е. в 1934 г., Пашков приговорен
нарсудом к 3 годам лишения свободы, у Гуто-
ровой О. Ф. была им же, Гуторовым Г. А.,
выявлена краденая лошадь, которая по его
указанию была отобрана милицией. Прожива-
ющий вместе с Гуторовой ее сын занимается
кражами и имеет 3 судимости за кражи.

Сам Гуторов Г. А. категорически отрицал
факт избиения им Гридасова и заявил, что сви-
детели его оговорили из мести.

Будучи активным общественным работником,
состоя с 1927 г. по 1932 г. членом сельсовета,
в 1929 г., будучи организатором колхоза при
гуторовском зем. обществе Полевского сель-
совета, в 1930 г. председателем сельсовета,
в 1933 г. предколхоза в Б. Казилонском зем.-
о-ве, Гуторов все время активно работал по
хозполиткампаниям и по ликвидации кулаков.
За террористические действия против него
6 человек были высланы на разные сроки.

Ясно, что такой человек должен был иметь
среди враждебных соввласти и преступных эле-
ментов злейших врагов и оговор ими Гуторова
Г. А. из чувства мести вполне вероятен.

Следствием не установлено, что ключ от
амбара, в котором находились арестованные
Гудасов и Пашков, был передан Гуторову Г. А.
и что он открыл амбар.

Заикина Н. Ф., владелица амбара, в кото-
ром находились арестованные, показала, что
ключ от амбара взял себе Воробьев В. С. По
словам Воробьева В. С., ключ от амбара он
передал члену совета Гуторову, так как Гуто-
ров живет рядом с этим амбаром. Опрошен-
ный по этому поводу член сельсовета Гуто-
ров Н. С. показал, что «амбар замкнул и
ключ взял с собою ст. член сельсовета Во-
робьев, а ему ключа Воробьев не отдавал».

Осужденный Гуторов Г. А. жил не рядом
с амбаром, а на расстоянии $\frac{1}{2}$ километра и
в 1934 г. членом сельсовета не состоял.

По показанию осужденного он был всю ночь
с 10 на 11 августа, в ночь совершения пре-
ступления, дома.

Это подтверждает сторож птицефермы кол-
хоза «Путь к социализму», на которой жил
Гуторов Г. А., Крамский, заявивший, что в
ночь смерти Гридасова В. М. Гуторов Г. А.
с 8 часов вечера был дома.

Задержание Гридасова производили осужденные за незаконный арест члены сельсовета Воробьев В. С. и Гуторов Н. С. При этом они были пьяны и били плеткой Гридасова.

Осужденные же за убийство Гридасова Гуторов Г. А. и Заикин И. П. участия в аресте Гридасова не принимали.

По заключению суд.-мед. экспертизы, оба имеющиеся в деле медицинских документа акт наружного осмотра тела, произведенного фельдшером, и заключение врача Зискинд, не выдавшего трупа, не могут служить основанием для утверждения, что смерть Гридасова наступила в результате нанесенных ему побоев, показаниями свидетелей также не установлено, что на теле Гридасова были кровоподтеки, кровь, раны. Находя осуждение Гуторова неправильным, Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда и определение КК облсуда.

Президиум Курского облсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: приговор нарсуда и определение КК отменить и дело производством прекратить.

Нарсуд 1-го участка КАО от 4/IV 1935 г. приговорил гр-на Козаева Григория и Хозиева Григория — первого к 4 годам, а второго — к 3 годам лишения свободы по ст.ст. 153 и 197 УК за хищение и изнасилование девушки Зинаиды Абаевой.

По этому же делу были осуждены за пособничество в похищении по ст.ст. 77 и 197 УК Козаев Петр, Дзанаев Даниил и Зангиев Федор.

Определением УКК Облсуда 23/IV 1935 г. приговор этот был утвержден без изменений.

Прокуратура Союза опротестовала квалификацию действий обвиняемых по ст.ст. 153 и 197 УК, как несоответствующей особой опасности совершенного обвиняемыми тяжкого преступления по следующим мотивам:

Григорий Козаев, получив от потерпевших и ее родителей категорический отказ на свое предложение о вступлении потерпевшей в брак с ним, организовал банду из нескольких человек для совершения налета на дом, куда предварительно, при содействии обв. Дзанаева, была заманена девушка. Эта банда, под его предводительством, в ночь на 2/II 1935 г. напала на дом Дзанаева и насильно похитила ничего не подозревавшую Зину Абаеву, увезла ее в лес, где она была изнасилована Козаевым при физическом содействии Хозиева. В дальнейшем, путем запугивания, они заставили изнасилованную девушку пойти в загс, где, однако, регистрация брака оформлена не была. Когда же девушка получила возможность, она заявила властям о совершенном над ней нападении и насилии.

Таковы факты, подтвержденные в основном признанием самих обвиняемых.

Учитывая всю обстановку данного похищения и имея в виду особую социальную опасность, таких преступлений в обстановке горного аула, а также, то обстоятельство, что слабость судебной репрессии за такие бандитские налеты способствует живучести такого рода пережитков в среде отсталой части горцев, приговор же суда по данному делу смазывает политический смысл и значение этого де-

ла, Прокуратура Союза приговор этот опротестовала.

Президиум облсуда Карачаевской автономной области, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда отменить и направить дело на новое рассмотрение по признакам ст. 59^а УК.

Приговором нарсуда Ветлужского района от 15/X 1934 г., утвержденным СКК крайсуда 3/XI 1934 г., Толстоухов Владимир и Овчинников Сергей были осуждены по ст. 136 УК на 10 годам лишения свободы каждый, по обвинению в убийстве путем отравления двоих детей Овчинникова с целью освобождения от уплаты алиментов. Толстоухов был признан физическим исполнителем, а Овчинников — подстрекателем.

Прокуратура Союза опротестовала приговор по следующим основаниям.

Первый ребенок, девочка Валентина, 2-х лет отроду, дочь Овчинникова от брака с Марией Овчинниковой умерла 31/III 1933 г. примерно через 2 недели после того как обв. Толстоухов (психически ненормальный) ночевал в доме Марии Овчинниковой. По словам последней, у ребенка были головные боли, сохло во рту; его возили два раза к врачу, который давал ему порошки от кашля, но девочка через две недели умерла.

Мать предполагает, что смерть последовала в результате того, что «Володя (Толстоухов) в темя пустил дочери иголку без ушков».

Эта версия о причинах смерти ребенка была выдвинута Марией Овчинниковой лишь после того, как возникло следствие по делу о смерти ребенка Старшевой, т. е. почти через год после смерти ее собственной дочери Валентины. До этого она никаких заявлений по поводу, якобы, насильственной смерти последней не делала.

Но помимо всего прочего все ее рассказы про какую-то иглу в темени и пр. не только ничем не были подтверждены, но прямо опровергаются имеющейся в деле справкой о том, что Валентина умерла от коклюша.

В отношении смерти второго ребенка — 3-месячного сына Клавдии Старшевой, приговор считает доказанными, что смерть произошла в результате того, что тот же Толстоухов через свой язык пустил ребенку ядовитое вещество в рот, отчего тот через 10—15 мин. умер.

Крайне бурное и быстрое течение болезни, сопровождавшееся выделением пены изо рта и самый характер смерти и т. п. — не могли, конечно, не вызвать у окружающих подозрений, что здесь имело место отравление.

Отсюда и возникла впервые та обвинительная версия, которая привела Овчинникова и Толстоухова на скамью подсудимых.

Однако при такого рода обвинении основной уликой, решающей дело, является присутствие в организме умершего яда.

Так как произведенное местным врачом вскрытие трупа не выявило внешних признаков насильственной смерти, внутренности ребенка были направлены на химическое исследование, которое также никаких ядов не обнаружало. По мнению краевого судебно-медицинского эксперта, у ребенка было гнойное

заболевание уха, и смерть его могла последовать от воспаления мозговых оболочек.

Ввиду того, что в деле имеются серьезные косвенные улики, обосновывающие обвинение, предъявленное Толстоухову и Овчинникову, Прокуратура Союза направила настоящее дело на экспертизу в Моск. гор. судебно-медицинскую экспертизу, которая также подтвердила в основном выводы горьковского краевого эксперта об отсутствии признаков отравления, контактируя и в случае смерти естественной», что «смерть могла наступить от естественных причин, вследствие заболеваний, которые нередко протекают скрыто, без особо заметных проявлений и ведут к внезапной смерти (например, капиллярный бронхит, бронхо-пневмония, заболевание мозга и его оболочек».

Экспертиза отметила, что в обычном ассортименте сельской аптеки (больницы, амбулатории, родильного дома) таких ядов, которые могли бы остаться необнаруженными при химическом исследовании внутренностей, не бывает. Этим ответом парализуются все предположения, лежащие в основе обвинения о том, что Овчинников добыл яд через местную акушерку или от охотников (стрихнин), так как ни один из обычных ядов во внутренностях ребенка найден не был.

Далее экспертиза отмечает, что введение яда на язык (путем поцелуя) хотя теоретически и не исключено, но маловероятно и что в имеющейся медицинской литературе таких случаев не описано.

Суммируя все эти данные, приходится прийти к выводу, что в данном случае никакого отравления не было и что смерть ребенка последовала в результате какого-то скрытого заболевания.

При таких условиях те косвенные улики, которые склонили суд к вынесению обвинительного приговора, теряют свое доказательное значение.

Все они в значительной мере явились результатом убеждения в насильственной смерти ребенка, которое возникло вследствие внезапности и бурного хода болезни, когда окружающие знали о нежелании Овчинникова платить алименты. Эти условия способствовали появлению и распространению всяких слухов, пересудов и предположений, освещавших те или иные действительные факты в определенном неблагоприятном для осужденных направлении. Ввиду изложенного Прокуратура Союза обвинительный приговор опротестовала в президиум городского краевого суда, который, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: приговор наряду с определением КК крайсуда в отношении С. Ф. и М. А. Овчинниковых и В. П. Толстоухова отменить, дело производством прекратить, осужденных Овчинникова С. Ф. и Михаила Андреевича из-под стражи немедленно освободить и розыски в отношении Толстоухова В. П. прекратить.

Особая камера по делам водного транспорта Ленинского краевого суда приговорила Черняева, Комарова, Николаева, Колесова, Куликова и Лахарева по закону 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы каждого.

Прокуратура Союза опротестовала приговор особой камеры по следующим обстоятельствам.

В связи с обнаруженными случаями хищения грузов на перевалочном пункте пристани Сталинград работниками ВТООГПУ была проведена облава с целью задержания лиц, занимающихся хищением. В результате проведенной облавы в числе задержанных оказались и вышеперечисленные лица.

У задержанных была обнаружена рожь: у Комарова, как это видно из акта, в карманах около 10 кг, у Николаева — 40 стаканов, у Лазаревой — около 15—20 кг, у Черняева — небольшое количество, в кармане у Колесова и Куликовой похищенной ржи не было обнаружено, как это видно из их показаний, потому что не успели рожь высыпать в мешок, были уже задержаны.

Как на предварительном, так и на судебном следствии задержанным предъявлялось обвинение в организованном, систематическом, групповом хищении грузов, в частности ржи, на перевалочном пункте у пристани Сталинград.

Суд признал всех подсудимых деклассированными элементами, не имеющими постоянного места жительства и определенных занятий.

Между тем как на предварительном, так и на судебном следствии не было доказано, что задержанные и впоследствии осужденные занимались организованном, групповым, систематическим хищением грузов на пристани.

Облава была проведена массовая — задерживались все лица, находящиеся около перевалочного пункта. Облава происходила с целью задержать, а после разобратся, кто занимается хищением, кто нет. Подтверждается это и тем, что многие из задержанных были освобождены.

Суд без достаточных данных причислил всех задержанных к деклассированным элементам, не имеющим постоянного места жительства и определенных занятий.

Как видно из протоколов допроса, все осужденные имеют постоянное место жительства.

Например, в протоколе допроса обвиняемого Комарова в одном пункте записано: «без определенных занятий», в приговоре суда указано: «без постоянного места жительства», между тем как в другом пункте протокола допроса и в протоколе судебного следствия написано: «проживает в с. Ушаково Ленинского р-на совместно со своей семьей, занимается сапожным ремеслом».

По материалам дела не установлено, что задержанный Николаев производил хищение ржи. Сам Николаев признается в покупке ржи у возчика, заведомо зная, что она была похищена.

Обнаруженная рожь у задержанных в небольшом количестве не могла явиться основанием для признания наличия шайки и квалификации преступления по закону 7 августа 1932 г.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила применение к осужденным закона 7 августа из приговора исключить, переквалифицировать деяния Николаева по ст. 164 УК и остальных осужденных по п. «г» ст. 162 УК и определить Николаеву 6 мес. исправтрудработ, остальным осужденным — Черняеву, Комарову,

Куликовой, Колесовой и Лазаревой—по 2 года лишения свободы каждому.

Водно-транспортный суд Горьковского участка Верхневолжского бассейна 20 августа 1935 г. в подготовительном заседании определил дело по обвинению водолива баржи № 337 Старикова Александра Ивановича в служебном подлоге по ч. 1 ст. 120 УК РСФСР направить на следствие, поскольку не установлен факт присвоения обвиняемым в личную пользу денег, полученных путем подлога, и не допрошен свидетель Пельняков, который мог бы более полно осветить мотивы преступления.

Прокуратура Союза опротестовала определение подготовительного заседания водно-транспортного суда Горьковского участка Верхневолжского бассейна по следующим основаниям:

Обвиняемый Стариков произвел два подлога в ведомостях по зарплате с целью вторичного получения денег на зарплату команде баржи № 337.

Но если на первый подлог его толкнуло, как он объясняет, стремление выручить своего сподручного Пельнякова, у которого пропали деньги, полученные им на зарплату команде баржи в размере 313 р. 27 к., то вторая подделка в ведомостях на зарплату была произведена Стариковым, по его личному же признанию, в чисто корыстных целях и при этом присвоено 281 р. 53 к.

Таким образом действия Старикова полностью подпадают под ч. 1 ст. 120 УК РСФСР. Допрос свидетеля Пельнякова существенного значения для дела не имеет и мог бы лишь помочь выяснить мотивы первой подделки.

К моменту расследования дела Пельняков уволился с баржи, адрес его неизвестен и реализация предложения суда фактически приведет к недопустимой затяжке дела.

Водно-транспортная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: учитывая, что подлоги, совершенные Стариковым, данными дела установлены и что допрос Пельнякова может быть произведен в судебном заседании — решение подготовительного заседания отменить и дело направить в суд для судебного рассмотрения.

Совещание судебных-прокурорских работников Закавказских республик

1 сентября с. г. в г. Тифлисе состоялось совещание ответственных работников суда и прокуратуры Закавказских республик.

Открывая совещание НКЮ, прокурор Грузинской ССР т. Рамишвили сказал:

«Наше совещание закавказских судебного-прокурорских работников создано по инициативе Закрайкома и прокурора Союза т. А. Я. Вышинского. Оно не случайно, потому что в нашей работе, в особенности после известных всем вам решений партии и правительства о задачах органов юстиции и в связи с этими постановлениями, имеющими историческое значение, являющимися поворотным пунктом во всей нашей работе, имеется ряд вопросов, требующих совместного обсуждения. В нашей работе имеется и ряд дефектов, и поэтому, воспользовавшись приездом т. Вышинского в Закавказье, мы созвали это совещание.

Порядок нашего совещания следующий:

1) сообщения прокуроров и НКЮстов республик Армении, Азербайджана и Грузии и 2) доклад т. Вышинского о социалистической законности и об очередных задачах суда и прокуратуры».

Затем слово для сообщения о работе органов юстиции Армянской ССР было предоставлено т. Кетыкяну.

Речь тов. Кетыкяна

Товарищи, первый и основной вопрос — это наши кадры. В каком состоянии находятся наши кадры? Прежде всего надо отметить текущую работу наших кадров. Большой процент наших кадров — люди с годичным и двухгодичным стажем. С высшим юридическим образованием у нас всего 8 человек. Большая часть их падает на центральный аппарат. На местах с высшим образованием всего 3 человека, из

коих одного мы получили недавно из Прокуратуры Союза. Народных следователей с высшим образованием у нас только один, остальные 19 человек со средним образованием, неполным средним, с низшим образованием и даже только с домашним.

То же самое надо сказать и о судебном-прокурорском составе, большая часть которого, приблизительно 80%, с низшим и средним образованием.

Вот, товарищи, тот кадр работников, при помощи которых мы проводим на местах нашу судебную-прокурорскую работу. Конечно, вся тяжесть работы ложится на райпрокуроров и народных судей.

Этот контингент людей выносит на своих плечах всю эту работу, конечно, в пределах тех знаний и той техподготовки, которую они имеют.

Каковы мероприятия с нашей стороны для того, чтобы поднять квалификацию наших работников и дать соответствующую подготовку нашим кадрам?

Первое и основное — необходимо иметь высшее учебное заведение, и в 1933 г. мы этого добились, с 1933 г. при университете Армении организован юридический факультет, который готовит квалифицированных юристов.

Кроме того мы имеем 6-месячные и 3-месячные краткосрочные курсы. В этом году мы имели уже два выпуска.

Что дают в конце концов эти курсы? У меня имеются цифры с 1931 г. С 1931 г. у нас существовали 3-месячные курсы по подготовке и переподготовке судебных работников и затем в течение этих 4 лет, 6-месячные курсы. Что мы получили от них? До настоящего времени эти курсы прошли 21 прокурор, 26 народных судей, 26 народных следователей и 37 технических

работников (секретари райпрокуроров, секретари нарсууден и т. д.). Всего же в течение этого периода мы пропустили через курсы свыше 300 чел., но отсев после курсов был таков, что в нашем распоряжении осталось не более 95—100 человек. Причина этого, во-первых, в подборе, во-вторых, в требованиях, которые мы в последние годы предъявляем к ним. Они поступили к нам на работу, но вследствие того, что не сумели за 3 месяца перестроиться так, чтобы отвечать нашим требованиям, они отпали. В особенности большинство из них отпало в 1933 г., после решения Закрайкома о партийном и социальном составе наших судебных и прокурорских работников. Вот приблизительная картина состояния наших кадров.

Что дают нам 3-месячные курсы при таком условии, когда большинство наших работников не имеют даже среднего образования? Мы пришли к такому заключению, что 3-месячные курсы нам многого не дают. Обучающиеся там получают некоторое понятие об Уголовном кодексе, Гражданском кодексе и т. д., получают некоторое общее политическое образование, несколько расширяется их политический кругозор, и они становятся немного более грамотными.

Перед Наркомюстом Армении стоит задача — в течение ближайших двух лет укрепить наши кадры технически более грамотными и политически более развитыми товарищами. Откуда мы можем получить этих людей? Университет нам первый выпуск даст только в 1937 г., так что рассчитывать на университет сейчас нельзя. Может быть университет нам даст 15% прокурорских работников, 15—20% судейского состава в ближайшем году, но в течение этих двух лет мы должны добиться резкого перелома в состоянии наших кадров, не дожидаясь выпусков окончивших университет. Я не буду говорить о том, что в течение 1936 г. во всяком случае мы должны выпустить два курса 6-месячных, если по 40 чел., то это составит 80 человек, но, имея в виду отсев на 20%, мы получим 60 человек подготовленных людей, которых мы сможем дать в 1936 г.

Мы должны отказаться от 3-месячных курсов и перейти на 6-месячные; этим мы частично покроем нашу потребность в подготовленных людях для нашей работы до получения их от университета.

Второй вопрос, который стоит перед нами, — это как у нас ведется борьба в защиту социалистической собственности на основе закона 7 августа.

Первое время в реализации этого закона мы допускали ошибки того порядка, на которые указывал т. Вышинский в своем последнем выступлении на Украине. Эти ошибки исправлены. В прошлом году у нас была бригада Союзной прокуратуры, которая пересмотрела эти дела и помогла эти ошибки исправить. На основе инструкции 8 мая мы перестроили свою работу и ошибок стало меньше. Если сравнить дела, поступившие в этом году, то видно, что мы действительно уже освободились от прежних ошибок и сумели сосредоточить свой огонь на действительных врагах народа — на классовых врагах.

Если мы просмотрим практику применения ст. 51 УК за прошлый год, то увидим что ст.

51 была применена приблизительно к 30% осужденных по закону 7 августа. Это, конечно, ненормально. В этом году мы применили эту статью только к 10% осужденных. В этом году одно то, что у нас только в отношении 10% была применена ст. 51, говорит за то, что у нас огонь уголовной репрессии направлен правильно.

Что касается социального состава осужденных по закону 7 августа, то анализ этих данных показывает, что мы не обращали до сих пор на эту сторону дела должного внимания.

В области нашей карательной политики у нас известный перелом по сравнению с прошлым годом имеется. В то время как в прошлом году у нас было 25% лишения свободы, в этом году за первый квартал мы добились того, что лишение свободы уже составляет 37%. Конечно, не обязательно мы должны применять лишение свободы, но в отношении известного рода преступников основной мерой защиты у нас должно быть лишение свободы. Ряд мероприятий, которые мы провели после первого квартала, нам дал во втором квартале уже 40% приговоров с лишением свободы по этой категории дел.

Однако цифры первого и второго кварталов также сигнализируют о том, что у нас репрессия по преступлениям, связанным с хищением общественной собственности, очень мягкая. Приблизительно месяц назад я затребовал материал по 7 районам, где мы имеем применение ст. 51 и 142 УК АрмССР. Без этой статьи они не могли перейти к другим мерам — принудработам. Я затребовал дела по применению ст. 51, связанные с хищениями социалистической собственности по торговой сети, все дела, по которым были даны принудработы.

Хуже всего работа поставлена в Делижане. Но мы принимаем должные меры и добьемся в течение второй половины этого года достаточных результатов в улучшении дела.

О судебном надзоре. Из всех дел, прошедших через нарсууды, 65% прошло через кассационную инстанцию. Из этого количества дел опротестовано прокуратурой около 15% дел. Как видите, роль прокуратуры в ревизии судебных решений еще недостаточно высока. В надзоре за местами заключения у нас в области реализации инструкции 8 мая имеются значительные достижения. По надзору за местами заключения у нас по районам было проведено 108 проверок, по центральному аппарату 26 проверок. Обследований было 291.

Речь наркома юстиции и прокурора АзССР т. Ягубова

Тов. Ягубов в начале своего выступления приводит ряд цифр, характеризующих карательную политику судебных органов АзССР за 1934 г. и большую часть 1935 г. Переходя к анализу этих цифр, т. Ягубов говорит: «Самым главным недостатком в нашей работе является то, что из всей массы дел мы не всегда сумели выделить то, что политически и хозяйственно является наиболее актуальным. Это, товарищи, мы не всегда умели выделить и поэтому у нас получалось так, что эти дела не дали должного эффекта, должных результатов, а мы с вами понимаем, что всякая наша работа как прокуратуры, так и судебных ор-

ганов является главным образом воспитательной.

Я лично считаю, что это получилось потому, что мы, работники прокуратуры республики, не сумели абсолютно организовать живого инструктажа работы своей периферии. Наши периферийные работники были предоставлены сами себе. Если бы мы с вами имели повседневное руководство своими периферийными работниками, я думаю, что мы бы имели гораздо меньше дел, но зато гораздо больше результатов.

Однако я твердо уверен, что эти недостатки мы сумеем в настоящее время устранить полностью.

Основанием этой уверенности служит то обстоятельство, и это может подтвердить т. Вышинский, наблюдавший нашу работу за время своего короткого пребывания в Азербайджане, что ЦК партии Азербайджана и Совнарком Азербайджана уделяют максимум внимания прокурорской и судебной работе. Это есть то самое большое, которое дает нам основание утверждать, что мы в ближайшем будущем ликвидируем в своей работе все те недочеты и те промахи, которые мы имеем на сегодня.

Тут т. Жетыкян говорил относительно кадров. Ни для кого не секрет, что в закавказской действительности Азербайджан кадрами не богат. Точно так же, как и в других отраслях, и в прокурорско-судебных органах подготовленных кадров мало. Тут у меня под руками имеется целый ряд цифр, которые я смогу проиллюстрировать, но я не хочу отнимать у вас времени. Я решил для иллюстрации остановиться на некоторых моментах, которые дали бы вам представление о том, что на сегодня представляют собой наши прокурорско-судебные кадры. Для примера возьмем прокурора Агдамского района Азербайджана. Он получает циркулярное распоряжение прокуратуры республики по поводу обвещения. Что же он делает? Долго не думая, он накладывает резолюцию: «Следователю. Немедленно расследовать и привлечь к ответственности»; а что делает следователь? Следователь в свою очередь, долго не думая, ставит вторую резолюцию: «Ввиду отсутствия состава преступления — дело прекратить» (смех).

Тов. Вышинский огласил на нашем совещании в прокуратуре республики один документ. Правда, об этом документе мы еще до его приезда знали, но он сумел за короткий срок своего пребывания найти этот документ без нас. Я говорю по-большевистски в порядке самокритики. Что же это за дело? Две лошади на улице подрались, хозяин одной лошади ударил камнем лошадь другого, вмешался нач. милиции и совершил первую глупость: он взял хозяина лошади под стражу, составил соответствующий протокол допроса и написал свое заключение: «ввиду того, что хозяин этой лошади пользуется своим служебным положением и нанес удар другой лошади и т. д.» (смех), а прокурор района накладывает резолюцию — «согласен» (смех).

Это, товарищи, не анекдот, а факт.

Другой случай. Была свадьба. На свадьбе сделали поголовный обыск. Почему — неизвестно. Нашли у одного охотничий нож и в результате на этого человека составили соответствующий протокол, по всем правилам офор-

мили дело и записали: «Ввиду того, что это культурная свадьба, поэтому появляться с ножом нельзя, дело передать суду, чтобы ударить по рукам, чтобы это было уроком для остальных». Прокурор пишет — «согласен» и т. д. и т. п.

Какими бы плохими судебными работниками мы ни были, мы знаем, что когда суд выносит приговор, то он начинается — именем республики... Но вот приговор, в котором судья пишет: Октябрьская революция произошла тогда-то, до этого была Февральская революция, протариат под руководством большевистской партии добился того-то, и в конце — такого-то привлечь к ответственности. Спрашивается, причем история партии при определении преступления? (смех). Здесь товарищи говорят, что это анекдот. К сожалению, это не анекдот, а действительность.

И вот в результате такого положения мы сегодня никак не можем заявить т. Вышинскому, что мы в Азербайджанской ССР имеем такие кадры прокурорских и судебных работников, которые могут в полном объеме осуществлять все требования, предъявляемые к нам партией и правительством.

Теперь несколько слов по поводу революционной законности. Это все еще слабое место в нашей работе. Недавно мы проверили 20 прокуратур и, как правило, увидели, что в ряде мест прокурорского надзора не существует. Единственно прокуроры на местах, в районах, осуществляют надзор за штрафной политикой и только потому, что тот или иной колхозник, будучи оштрафован, приходит к прокурору и жалуется, и на основании этих жалоб прокурор вмешивается в его дело. А там законно или незаконно то или иное решение исполкома — этим прокуратура, как правило, не интересуется. Между тем мы знаем, что прокуроры обязаны следить за законностью этих решений.

Перейдя к надзору за милицией, нужно прямо сказать, что прокурорского надзора здесь тоже нет. Мы за работой органов милиции не следим и поэтому в работе милиции имеем не мало нарушений, с которыми, однако, прокуратура, должной борьбы не ведет.

Если взять штрафную политику милиции, то мы увидим, что милиция проводит полнейшую уравниловку в смысле штрафов. Рабочий ли он, колхозник ли, кулак ли, лишенец или же нелишенец — безразлично, осуществляется полная уравниловка в смысле проведения штрафной политики. А в этом отношении мы никакой борьбы с ошибками органов милиции не ведем. В особенности мы должны отметить недостатки работы милиции в деле паспортизации, с которыми прокуратура также ведет недостаточную работу.

Переходя к вопросам судебного надзора, должен сказать, что в этом отношении дело обстоит в АзССР не так плохо: за 6 месяцев мы внесли в Верховный суд 136 протестов, причем из этих протестов за малым исключением все были признаны правильными.

Говоря о всей нашей работе, мы должны сказать еще о надзоре за органами НКВД. В этой области работы мы остро ощущаем недостаток кадров, и я думаю, что т. Вышинский в этом отношении Азербайджанской прокуратуре поможет людьми.

Не все в порядке в органах НКЮ с соблюдением сроков. В частности надо отметить несвоевременность рассмотрения дел спецколлективом».

В заключение т. Ягубов поставил ряд вопросов организационного характера и закончил свое выступление следующими словами:

«Я скажу в заключение, что мы, работники прокуратуры и судебных органов, собравшись сюда, получим живые указания т. Вышинского, и на этой основе перестроим свою работу. Мы обязаны эти указания осуществить и в ближайшем будущем под руководством Союзной прокуратуры их осуществим. Мы даем т. Вышинскому слово, что мы оправдаем доверие нашей партии (аплодисменты).

Речь наркома юстиции и прокурора Грузинской ССР т. Рамишвили

Товарищи, после исторического решения ЦК ВКП(б) 31 октября 1931 г. все партийные и советские организации ЗСФСР и в частности Грузии решительно перестроились, и те задачи, которые были поставлены перед ЦК Грузии в историческом решении, были успешно разрешены.

Все ошибки, которые были допущены в вопросах руководства деревней, колхозным строительством, ошибки в подборе, расстановке и выращивании кадров, в деле партийно-политического воспитания и т. д. были исправлены, и закавказские парторганизации, в особенности грузинская организация под руководством наилучшего сталинца т. Лаврентия Берия, продвинулись в шеренгу передовых краев и областей Советского союза.

Все хозяйственно-политические кампании свои обязательства перед государством Грузия вместе с остальным Закавказьем выполняет с большим успехом, и совсем недавно республика Грузии вместе с Аджаристаном и Абхазией была удостоена высшей награды Советского союза — ордена Ленина. Получилось это в результате решительной перестройки работы. Это было достигнуто в результате большой работы, большой борьбы, решительной перестройки всех партийных и советских организаций. Но, к сожалению, относительно органов юстиции мы этого полностью сказать не можем, так как органы юстиции недостаточно перестроились, они не полным шагом еще идут в ногу с партийными и советскими организациями, а в некоторых случаях ляпсусы, которые допускали они в своей работе, представляли помеху нашему победоносному шествию вперед.

Чем объяснить слабость работы органов юстиции? Что эта работа слаба, недостаточна, не обеспечивает в полной мере успешного разрешения тех задач, которые стоят перед парторганизациями нашей республики, — это факт, который не подлежит никакому сомнению. Если кто-нибудь будет оправдываться и доказывать противоположное, — это дело безнадежное.

Первая и основная причина заключается в том, что мы не обеспечены соответствующими кадрами, вернее, те кадры, которые у нас имеются, в недостаточной степени используются, в недостаточной степени правильно расставляются и недостаточно дисциплинированы для то-

го, чтобы они могли полностью разрешить стоящие перед ними задачи.

Республика Грузии никогда не занималась вопросами подготовки кадров для органов юстиции, — а наша юстиция это такая организация, где меньше всего мы были подготовлены для того, чтобы руководить этими органами. Органы юстиции всегда были очень серьезным, острым орудием классового господства буржуазии. Из органов юстиции мы позже всего выгнали чуждые нам элементы и нужную нам идеологию. Поэтому если нужно было готовить кадры, то это надо было делать и для органов юстиции и даже в первую голову для органов юстиции. Но, товарищи, этого не было. У нас был университет, в котором шла подготовка юристов. Но кто знает, кого готовил этот университет, где эти люди находят? По некоторым данным люди, получившие образование на правовом факультете, находятся на агрономической работе, в большинстве случаев бухгалтерами. В органы юстиции они попадали редко и случайно. Вот это положение обусловило ту слабость, которую мы ощущаем в отношении наличия подходящих для нашей работы кадров. Мы теперь занялись вопросом ликвидации этого положения в корне. Сейчас мы уже не можем хладнокровно смотреть, как работает наш университет и наш правовой факультет. Народный комиссариат юстиции и прокуратура республики вплотную занялись этим вопросом. Мы принимаем теперь участие в приеме и укомплектовании нашего института, нашего факультета права. Мы заинтересовались и включили в поле своего зрения тот контингент, который выпускается в этом году. Там есть не малое количество партийцев, комсомольцев, а также и беспартийных, из которых можно получить значительное количество людей, необходимых и полезных для нас. Не буду приводить цифровых данных потому, что предыдущие докладчики приводили аналогичные данные, и наши данные по кадрам будут немногим лучше тех, которые они приводили. Но тем не менее скажу, что мы решили серьезно поработать над нашими кадрами в целях повышения их квалификации. Мы приступаем к организации 6-месячных курсов, к организации заочных курсов, мы разворачиваем сейчас работу по юридическому минимуму, так как у нас эта работа была также в заgone. Ничего не делалось в этом отношении. Эти мероприятия должны обеспечить нам такое положение, когда мы будем иметь кадры, отвечающие тем задачам, которые на данном этапе нашего развития поставлены партией и правительством перед органами юстиции.

Мы разрешили ряд вопросов, связанных с материальными, бытовыми и другими условиями работы наших органов. Тем не менее надо прямо сказать, что при существующем положении наши работники юстиции не имеют стимула для того, чтобы закрепиться в органах юстиции.

Эти условия — очень суженная материальная база, стесненное финансовое положение и т. д. — обуславливают то, что к нам люди не идут, а если даже идут, то считают это наказанием для себя.

По инициативе т. Берия бюро ЦК нашей партии и Совнарком Грузии нам оказывают в этом отношении существенную помощь.

Нам не сокращают даже административно-хозяйственных расходов, которые везде сокращаются. Вместо сокращения штатов нам прибавили штат, подбросили средства и кроме того дают нам работников для районного и центрального аппарата.

По инициативе т. Берия бюро ЦК партии приняло вторичное решение в отношении органов юстиции. Первое решение было после опубликования циркуляра 16 июня, в котором было сказано об укреплении кадрами органов юстиции. После этого было созвано республиканское совещание районных работников, и когда мы увидели лицо наших районных работников, то по инициативе т. Берия было принято вторичное решение, которым бюро ЦК обязывало все отделы Центрального комитета и Тифлисского комитета выделить органам юстиции не менее 4—5 квалифицированных работников. Это решение проводится в жизнь и в ближайшее время мы получим людей, которые нам помогут заполнить брешь и в районном и в центральном аппарате.

У нас нет сектора культурного строительства и связи. Секторы по госторговле, кооперации и финансам у нас не укомплектованы.

В ближайшее время мы сумеем укомплектовать центральный аппарат и укомплектовать неплохими людьми, и всяким хныканиям и недовольству на отсутствие работников будет положен конец.

Теперь я хочу коснуться нашего следственного аппарата, вопросов следствия.

Вам прекрасно известно, это аксиома, что доброкачественное следствие, добросовестно проведенное следствие является решающим этапом, определяющим характер, ход и качество судебного дела.

В этом отношении мы еще до настоящего времени имеем достаточное количество лягусов. Это происходит от того, что прокуроры недостаточно надзирают за следствием.

Что касается методического руководства следствием, то в этом отношении можно сказать ничего не делалось и по сей день делается очень мало, а при таком положении руководства следствием отставание, те прорывы, которые имеются в следствии, будут еще иметь место и дальше.

Задача заключается в том, чтобы это быстро ликвидировать, чтобы улучшить качество руководства следствием. Наши прокуроры зачастую не проверяют материалов следствия, не проверяют качество следствия, не инструктируют следователя. Это факт и это надо решительно и быстро ликвидировать. Что касается судебного надзора прокуратуры, то здесь тоже надо прямо заявить, что это очень серьезный и самый ответственный участок прокурорской работы, который нами, однако, недооценивается. За период времени с 1 января по настоящее время мы имеем около 250—260 протестов, из которых 90% прошли, а 2 протеста нашей прокуратуры прошли в Президиуме Союзного ЦИК, проходили наши протесты в Верховном Суде Союза, в пленуме Верховного суда республики Грузии. Из этого еще не следует делать выводов о нашей хорошей работе в деле судебного надзора. Это еще не значит, что мы следим за исполнением судебных приговоров, что мы вообще хорошо работаем в судебной области.

Далее т. Рамишвили приводит цифры, характеризующие картину проведения в жизнь за-

кона 7 августа за период с 1 января 1934 г. по 1 января 1935 г.

Анализируя эти цифры, т. Рамишвили напоминает, что еще первое совещание судебно-прокурорских работников в апреле 1934 г. предупреждало от расширительного толкования закона 7 августа; однако факты говорят, что это предупреждение для некоторых работников прошло даром.

«Это нужно сказать, — говорит т. Рамишвили, — о народном следователе Хонского района, о прокуроре Чхороцкуйского района, народном следователе Борчалинского района и некоторых других, допускающих неправильное применение закона 7 августа.

Что касается хищений в торгующих организациях госторговли и кооперации, по этой линии прокуратура республики приняла решительные меры, чтобы продвинуть все дела по всей республике.

Я не буду приводить цифр относительно количества дел о хищениях. Тов. Вышинский в своем докладе о задачах органов юстиции в связи с речью т. Сталина приводил слова т. Кагановича о том, что «суды судят, прокуроры обвиняют, а крушения растут». Если перефразировать, у нас получается то же самое: «суд судит, прокурор обвиняет, а хищения растут». Правда, это только на отдельных участках, но это нас не должно успокаивать.

По системе Цеквашири по Грузии за I полугодие мы имеем не мало расстрат. Почему это получается? Потому что наши судебные приговоры не являются эффективными, не являются меткими, потому что некоторые прокуроры гонятся за количеством дел, проявляя некоторый «обвинительный зуд», как говорил т. Вышинский в своем докладе на совещании украинских работников юстиции.

...«До сих пор некоторые товарищи не понимают, что дело не в том, чтобы засудить большое количество людей, а дело в том, чтобы осудить хотя и небольшое количество, но таких именно, которые этого заслуживают, вовремя, так чтобы не было сомнений в правильности привлечения к ответственности, в правильности наказания»...

Товарищи, это положение можно распространить и на нас. Уйма дел, но почему-то эффекта мало, почему-то дела залеживаются, затягиваются, в ряде случаев следствие недоброкачественное, недобросовестное, неправильное. Из-за мелочей откладывают дела. В Орджоникидзском райсуде дело доктора Антадзе из-за пустяков тянулось два года.

Тов. Вышинский предупреждал по этому поводу работников юстиции Украины и это в полной мере относится к нам.

«... Преобладает количество в нашей работе вместо качества. А что это значит? Что значит качество? Это значит «числом поменьше, ценою подороже». Это значит: привлекать не «по-больше» с тем, чтобы потом, как это у нас делается по некоторым видам преступлений, в частности по делам о хулиганстве, рассиропить меру репрессии всякими условными мерами наказания и т. д., а лучше привлекать числом поменьше, но зато поставить процесс ярко-крепко, чтобы каждое дело приобрело значение политического дела. Лучше, чтобы не было такого положения, как иногда бывает, когда к прокурору приходит на прием гражданин по своему делу и между ними происходит та-

кой диалог. **Прокурор:** «А вы к чему приговорены?» **Гражданин:** «К 10 годам лишения свободы». «А почему же вы здесь находитесь?» «А вот хожу еще». «А почему же вы ходите, почему вас не посадили?» «А об этом надо вас спросить, гражданин прокурор, почему меня не посадили... (смех)... и т. д. в том же духе. Выходит, нужно дело расследовать, а когда расследуешь, выясняется, что приговор вынесен два года назад...».

Этих двух условий у нас сплошь и рядом не выполняют, очень часто бывает как раз наоборот, суд выносит приговор, а приговор не исполняется. Это можно проиллюстрировать фактами. У нас недавно осудили шофера Абазова на 10 лет, а на третий день он демонстративно разъезжал на машине по улицам г. Тифлиса. Растратчик Яшвили является социально чуждым элементом, скрывался, поймали его, он признался в растрате, но оправдывался тем, что государственные организации деньги получили обратно. Видите, какой готтентотский способ оправдывания своих действий. Народный суд приговорил его к расстрелу, а Верховный суд заменил ему 10 годами.

Дальше, относительно судебных приговоров. Эти приговоры между прочим должны не только карать преступников, но если они являются эффективными, должны служить некоторым профилактическим мероприятием, а наши судебные приговоры едва ли являются профилактическими, предупредительными мероприятиями. Эффективен тот приговор, который является во-время нанесенным ударом и профилактическим мероприятием, но при таком залеживании, при таком бюрократизме и волоките, которые у нас существуют (что бывает в результате отсутствия дисциплины), они не являются эффективными. А между тем они должны были бы являться, по словам тов. Вышинского, такими, чтобы они убеждали нас в судебной воле советского государства. У нас этого нет.

Теперь относительно надзора за законностью действия советских и хозяйственных организаций. В этом вопросе мы ничего не можем сказать нового. Это является отсталым участком в нашей работе.

Недавно была опубликована в «Правде» беседа т. Вышинского по вопросу о надзоре за законностью действий советских и хозяйственных организаций. Мы пока похвалиться хорошо налаженной работой в этом направлении не можем. Это дело предстоящей работы. Сектор судебно-административный мы только что укомплектовали. Что касается надзора за милицией, то и в этом отношении остается пожелать много лучшего.

Я не буду долго останавливать ваше внимание в отношении снятия судимости с колхозников. Работа по периферии протекает нормально и в ближайшие дни мы получим первый список.

Последний вопрос о массовой работе. Надо сказать, что в этом отношении у нас полный провал. Например, ячеек содействия прокуратуре у нас не больше 10. Но и с этими десятками ячеек нам нужно развернуть огромную работу.

Сигнализаторская работа у нас не поставлена как следует, а между тем это является очень серьезной работой; к сожалению, до сих пор она недооценивается.

Теперь относительно общих условий нашей работы. Говорят, что мало средств, людей, комнат и т. д., но надо сказать, что и на те деньги, теми людьми, комнатами, теми условиями, которые имеются, делаем ли мы все, что можно? Нет, не делаем. Когда прореешь работу, то выходит, что мы не даем и того, что могли бы дать.

Можно прямо сказать, что в нынешних условиях мы можем делать больше, чем делали до сих пор.

Дисциплины у нас очень мало. Некоторые работники прокуратуры не чувствуют, что за каждым делом скрывается живой человек. Элементы верхоядного отношения имеются. Это отсутствие дисциплины очень мешает работе.

Поручения Союзной прокуратуры мы выполняем плохо. Сколько поручений мы раскопали за подписью самого т. Вышинского без исполнений. Союзная прокуратура пишет, что седьмой раз пишет, а я получил только в первый раз, а оказывается, что лежит бумага в районе и никто о ней не знает и не беспокоится. Таких случаев много. Некоторые товарищи может быть будут обижаться, когда мы крепко ударим по таким настроениям, но дисциплина—это самое главное, а ее у нас, к сожалению, недостает. Дисциплину нужно укрепить, без этого прокуратура не прокуратура, без этого мы за бюрократизм и волокиту не сумеем бить, потому что в наших недрах будет гораздо больше примеров волокиты и бюрократизма, чем где-либо в другом месте.

Вот круг вопросов, требующих от нас большого внимания, которые я затронул в своем сообщении. Перед нами стоят очень большие задачи. Наша партия, наше правительство возлагают на нас огромной сложности, огромнейшей ответственности задачи и эти задачи мы в состоянии разрешить. Для этого требуется добросовестная упорная работа, не считая времени, не считая часов. Это ничего, надо к этому привыкнуть. Когда я был на XVII съезде партии, то союзные работники мне говорили: приходите в 1 час ночи, приходите в 2 часа ночи. Наши ребята удивлялись, что я буду делать в 1 час ночи у т. Микояна? Люди удивлялись, но этому нечего удивляться. Задачи, которые на нас возложены, верхоядством не разрешаются. Здесь с временем нельзя считаться. Если мы не отнесемся добросовестно к этим задачам, то мы этого дела не разрешим, а мы в состоянии его разрешить, иначе у нас тогда не будет никакого оправдания в тех провалах, которые у нас будут. За это нас будут справедливо бить. Мы уверены, что под руководством ЦК нашей партии и Закрайкома, под непосредственным руководством Л. Берия, который проявляет огромную заботу о нас, громадное внимание к вопросам нашей работы, говоря всем членам бюро ЦК: вы дайте прокуратуре работу, а помочь ей не считаете нужным,—под руководством Союзной прокуратуры и т. Вышинского, под его оперативным руководством, мы задачи, которые на нас возложены партией и правительством, выполним с честью» (аплодисменты).

Речь тов. А. Я. Вышинского

Я хотел бы не останавливаться с самого начала на выступлениях отдельных товарищей, хотя они сами по себе и представляют громад-

ный интерес. Я останавлиюсь на них позже, когда перейду к практическим итогам нашей работы, когда постараюсь поставить ряд конкретных вопросов и сформулировать ряд требований, которые мы должны предъявить к нашим органам и к нашей работе.

Я хочу раньше всего остановиться на вопросе, имеющем принципиальное значение, на вопросе, без правильного разрешения которого не будет понятна вся та программа требований, предъявляемых партией и правительством к советскому суду и советской прокуратуре. Это вопрос о роли нашего советского права и нашей социалистической законности. Не думайте, что этот вопрос потерял в настоящее время свою остроту. Не думайте, что каждый из работников нашей юстиции достаточно отчетливо представляет себе значение в настоящее время советского закона и советского права в деле социалистического строительства.

Правда, сейчас среди нас едва ли найдется кто-либо, который стал бы повторить оппортунистическую глупость об отмирании нашего права. Таких среди нас сейчас вы не найдете. Но это еще не значит, что все достаточно правильно представляют себе ту громадную творческую роль, которая принадлежит нашему праву в борьбе за социализм, за построение в нашей стране бесклассового социалистического общества.

Не все понимают и ту связь, которая существует между задачей укрепления социалистической законности и дальнейшими нашими успехами в борьбе с классовыми врагами, между советским правом и теми задачами, которые поставлены историей перед нашей великой родиной.

Не все понимают и то, что задачи самих органов юстиции сейчас иные, чем они были несколько лет назад, хотя и тогда и теперь органы советской юстиции были органами советской юстиции, хотя и тогда и теперь мы употребляем для характеристики наших задач такие же, как и несколько лет назад, формулы. С самого начала Октябрьской революции, с первых дней появления органов советской юстиции мы говорим, что в основе нашей деятельности лежит решение двух задач или той «двуединой» задачи, которую т. Ленин характеризовал как главную задачу советской юстиции: задачу беспощадного подавления врагов советской власти и их агентуры и воспитание к дисциплине трудящихся и тех из числа нетрудящихся, которые способны перевоспитаться в советском духе. Несмотря на то, что мы в начале революции эти задачи формулировали так же, как и теперь, между конкретным решением этих задач тогда и теперь существует громадная разница, объясняемая различием в тогдашнем и нынешнем положении нашей родины, различием в тогдашних и нынешних хозяйственных общественно-политических отношениях в СССР.

Для того чтобы оценить всю грандиозность свершившихся в СССР за эти почти 18 лет пролетарской революции изменений, достаточно напомнить о решениях VII съезда советов, о внесении в действующую конституцию некоторых изменений, разрабатываемых сейчас рядом подкомиссий под непосредственным руководством великого нашего вождя т. Сталина.

Уже самый тот факт, что в числе этих подкомиссий имеется подкомиссия по организации

судебных органов, говорит о том, какое значение в системе Советского государства имеют судебные органы и их работа по охране государственных интересов.

Наша задача, однако, заключается не в констатировании этого факта, а в необходимых выводах из этого факта.

Если роль советского права в деле социалистического строительства так велика и ответственна, то необходимо точно и ясно, а главное совершенно конкретно определить содержание работы органов советской юстиции на данном этапе.

Сейчас недостаточно сказать, что органами юстиции должна руководить цель уничтожения всякого сопротивления со стороны последних остатков капиталистических элементов. Недостаточно сказать, что органами нашей юстиции должна руководить цель воспитания и перевоспитания, переделки людей, вовлечения их в государственное строительство и т. д. Рассматривая знаменитую историческую формулу, которую нам дали XVII партсъезд и XVII партконференция, сказавшие о том, что сейчас перед нами стоит задача искоренить последние остатки капитализма из экономики и из сознания людей нашей страны как директиву как определение основной линии направления всей нашей работы, мы должны определить применительно к задачам органов юстиции, как конкретно нам нужно построить в этих целях свою работу, каким конкретным содержанием ее нужно наполнить.

Это тем более необходимо, что на долю именно органов нашей юстиции выпадает ныне такая роль, какой они никогда до сих пор не играли.

Никогда советское право как рычаг социалистического строительства, как организующий фактор в борьбе за социализм широчайших масс рабочего класса и колхозников, не поднималось на такую ступень своего значения, как сейчас. Это может быть с первого взгляда даже кажется парадоксальным. Мы с вами разрешили задачи первой пятилетки, мы победоносно решаем сейчас задачи второй пятилетки, мы стоим сейчас на пороге построения бесклассового социалистического общества. Весь ход экономического развития нашей страны ведет к ликвидации отношений, построенных на основе классового общества. Мы вошли уже в новую эпоху, мы поднялись на новую историческую ступень непосредственно осуществления социализма, окончательно разрушая все, что проникнуто принципами классовости, выкорчевывая из всего строя нашей жизни последние остатки старых классовых отношений, классовых категорий.

И в то же самое время мы выдвигаем в качестве наиболее боевой и острой задачи такую задачу, как усиление мощи нашего пролетарского государства, тоже являющегося, как известно, классовой категорией.

На первый взгляд это кажется противоречивым. И это так в действительности. Но противоречие это жизненное, диалектическое. Как разъяснил т. Сталин, это противоречие таково, как сама жизнь. Именно потому, что мы стоим на пороге бесклассового социалистического общества, нам необходима «сильная и мощная диктатура пролетариата», чтобы уничтожить сопротивление последних остатков враждебных пролетариату классов и самые классы, «чтобы

развезть в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации». Именно поэтому нам нужно мощное пролетарское государство как орудие борьбы и наших дальнейших и окончательных побед.

Но если нам необходимо мощное пролетарское государство, то в такой же мере нам необходимо и советское право. Ведь если право ничто без государства, как, если вы помните, говорил еще Маркс, то и государство не может всех своих задач разрешить без помощи права.

Между правом и государством существует органическая связь. Не государство обусловлено правом, а наоборот, право является результатом определенно сложившихся общественных отношений, право вытекает из государственных отношений, право обусловлено государством. Право, как младенец во чреве матери, привязано своей пуповиной к государству и отомрет не раньше чем государство. Именно потому, что государство приобретает в условиях ожесточенного сопротивления социализму остатков капиталистических классов такое решающее значение, и право приобретает в этих условиях роль такого могучего фактора социалистического строительства, каким оно никогда до сих пор не было.

Возрастание роли права полностью соответствует возрастанию роли государства. Вместе с ростом значения государства диктатуры пролетариата растет значение и пролетарского права.

Усиление роли пролетарского государства неизбежно влечет за собой усиление роли и советского права, являющегося проводником государственного влияния, орудием активного воздействия на окружающую среду, на экономику, на весь строй общественно-политических отношений.

Советское право — это сумма велений творческого дела социалистической революции пролетариата, облеченных в форму закона. Закон — это воля класса. Советское право — это концентрированный закон, концентрированная воля миллионов рабочих и колхозников, победивших эксплуатацию и нужду трудящихся на $\frac{1}{2}$ части земного шара.

Через закон и право советское государство выражает свою творческую волю. При помощи советского закона советское государство организует волю строителей социализма на борьбу за осуществление своей творческой программы, на борьбу против всех препятствий, встающих на этом пути, против всего, что сопротивляется осуществлению этой программы.

Поэтому советский закон должен быть крепок и нерушим: словами советского закона говорит советская власть, советское государство, советская страна, партия Ленина—Сталина.

Вспомните слова великого Сталина на XVII съезде партии о «завнавшихся вельможах», думающих, что они могут безнаказанно нарушать советские законы, считающих, что «партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков», и вы поймете, как сейчас ставится партией и правительством вопрос о революционной законности, а следовательно, и о роли советского права в целом.

К сожалению, еще недавно даже в рядах работников нашей юстиции не было на этот

счет полной ясности. В головах кое-кого мелькали порой даже мысли о том, что борьба за законность — это не существенное, что закон и право — это пройденный этап, что закон и право в СССР отмирают, отходят в вечность. В связи с подобного рода «левацко-оппортунистической «теорией» стали пренебрегать задачей укрепления органов юстиции, задачей подготовки и воспитания наших кадров. Отсюда — пренебрежение в прошлом к работе наших правовых вузов и факультетов. Не случайно ведь, что в этот период времени избегали самого слова «юрист», «юридический», считая эти понятия чем-то вроде какого-то пережитка капитализма, вроде какого-то буржуазного предрассудка.

Эти люди смотрели и на наше право, как на некий буржуазный предрассудок. Отсюда и то положение, в которое мы уперлись с нашими юридическими кадрами. Почему все закавказские республики, да и мы в РСФСР, которая гораздо более богата сетью учебных заведений, бедны кадрами правовиков? Да потому, что в головах кое-каких наших людей функционировала мысль, что, в сущности говоря, юристы нам теперь не нужны и советское право теперь нам не нужно, что законность — это какая-то буржуазная выдумка, чуждая всему строю советской жизни. Отсюда и пренебрежение к делу подготовки кадров, пренебрежение, которое вытекало из пренебрежения к самим советским законам, а уже как умеют относиться к советским законам некоторые советские законники, это вы хорошо знаете!.. Мы имеем немало фактов, говорящих о том, что у нас не выполняются элементарные требования нашего Уголовного кодекса или Уголовно-процессуального кодекса. Правда, за последние годы в этом отношении произошли значительные сдвиги, но до того часть наших товарищей даже кичились несоблюдением законов, как некогда китайцы кичились незнанием европейцев. Эти товарищи чуть ли не считали особым достоинством советского судьи поменьше знать законы, причем это прикрывали ссылкой на то, что советские законы устарели. Как же можно, говорили они, пользоваться устарелыми законами? А так как новых законов вместо этих «устарелых законов» нет, то отсюда вытекало одно — вовсе не пользоваться этими законами. Законам эти товарищи противопоставляли революционную совесть, забывая, что между тем и другим никакого противоречия нет и никакого противопоставления быть не может.

Хотя этот вопрос не требует особых пояснений, я все же считаю нужным напомнить, что Владимир Ильич, формулируя в письме на имя тогдашнего наркома юстиции РСФСР т. Курского свою точку зрения на проект дополнительной статьи Уголовного кодекса о содействии международной буржуазии — статьи, впоследствии легшей в основу ст. 58^а Уголовного кодекса РСФСР и соответствующих статей уголовных кодексов Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, говорил и о законе, и о революционной совести.

«Суд должен не устранять террор, — писал в этом письме Владимир Ильич, обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только рево-

люционное правосознание и революционная совесть поставит условия применения на деле, более или менее широко»¹.

Следовательно, революционная совесть не исключает применения закона, как и самой потребности в законе.

Больше того. Революционная совесть и революционное правосознание получают наиболее широкое поле своего применения именно в условиях прочной законности, пределы которой в свою очередь определяются интересами пролетарской диктатуры. Между всеми этими категориями имеется внутренняя, органическая и диалектическая связь, не позволяющая отрывать одного понятия от другого. Должно быть совершенно очевидно, что правильное применение советского закона возможно только при условии руководства социалистическим правосознанием и революционной совестью. Забвение этого правила несет с собой угрозу извращения революционной законности, как законности советской, отрицающей формально-юридические правовые принципы. Задача правильного применения к практике жизни принципов советского права заключается в умении сочетать требования советского закона со всеми особенностями общественно-политической обстановки, в которой действующий закон должен быть применен.

Правильно применить закон в условиях советского строя — значит применить его целесообразно и в соответствии с общими принципами социалистического строительства. Пути применения закона должны подсказать нашему судье и прокурору их революционная совесть и социалистическое правосознание. Я говорю подсказать. Социалистическое правосознание и революционная совесть помогают правильному пониманию и правильному применению советского закона, не подменяя, не отрицая, не отодвигая его в сторону, не умаляя, ни его силы, ни его значения, как активного фактора социалистического строительства.

Это, конечно, требует умения применять закон, умения правильно обращаться с законом. Не так давно не все мы обладали этим умением, не все даже считали нужным учиться искусству правильного применения закона, считая, что это умение само придет, если оно необходимо, а чаще всего считая его вообще излишним, особенно при наличии классового чутья.

Действительность, однако, сурово мстила за такого рода поведение в этом вопросе. Жизнь на каждом шагу демонстрировала важность уметь правильно применять закон, показывая, что одним чутьем обойтись в сложных условиях классовой борьбы нельзя, что законом пренебрегать нельзя, что закон играет одну из важнейших ролей в борьбе за новый общественный строй, в борьбе с врагами социализма, в борьбе за дисциплину, без которой немыслима победа социализма.

Ведь характерно, что только за последнее время мы имеем ряд новых законов, играющих первостепенное значение в нашей жизни. Я называю только наиболее важные законы.

Это, во-первых, закон 7 августа 1932 г., исключительное историческое значение которого заключается не только в том, что он свидетельствует с решающей роли в нашем на-

родном хозяйстве общественной социалистической собственности, но и в том, что изданием этого закона партия и правительство подчеркнули важность и целесообразность охраны этой собственности силой закона, силой советского права, мобилизующего народ, нашу общественность против хищников, против врагов советского строя.

Эту организационно-политическую роль закона 7 августа не все и не сразу поняли. А между тем в этом — наиболее важная, наиболее характерная черта этого закона.

Большинство работников юстиции в законе 7 августа обратили внимание на его репрессивную сторону, на его суровые санкции. Рассуждали так: раз применяется закон 7 августа, следовательно нужно ударить покрепче, применить максимум наказания, предусмотренного этим законом. Будто бы наша юстиция, обладающая таким богатым выбором в мерах наказания, не может обойтись при применении закона 7 августа без максимальных наказаний.

«Левацкий» подход к применению закона 7 августа заключается именно в том, что при квалификации преступления по закону 7 августа считают, что никаких смягчающих обстоятельств быть не может, что, следовательно, всякий, преступление которого квалифицируется по этому закону, — враг народа, а если он враг народа, значит, единственная возможная мера наказания для него — это максимум наказания!

В свете таких настроений становится понятным имевшее здесь, на нашем совещании, выступление прокурора Юго-Осетинской обл. Гояева, нападавшего на Верховный суд Союза ССР за то, что последний не утвердил приговора с расстрелом некоему Яшвили.

Может быть приговор в отношении Яшвили — этого, по словам т. Гояева, контрреволюционера и растратчика, — и надлежало утвердить. Не зная этого дела, я не возьму на себя смелости отрицать или утверждать это. Но характерно другое — то, что, как заявил т. Гояев, когда в Юго-Осетии узнали о решении Верховного суда — «все поголовно разочаровались».

Выходит, что десять лет тюрьмы — это не наказание, это — сущие пустяки. Между тем, десять лет лишения свободы — это очень серьезное и тяжелое наказание.

При правильной организации системы меры наказания лишения свободы даже на меньший срок, чем десять лет, может явиться весьма чувствительным и серьезным наказанием, которым надо уметь пользоваться с умом, рассудительно и тоже осторожно. К сожалению, к лишению свободы иногда подходят у нас как к пустяку, как к мелочи. Отсюда иногда получается, что и приговоры к лишению свободы не исполняются в полной мере, благодаря чему редко выдерживаются установленные приговорами сроки наказания. Такая практика, при которой лишение свободы не всегда оказывается реальным наказанием, в свою очередь порождает недооценку этого вида наказания и связанное с этой недооценкой предствление о тюрьме, как о слабом наказании, незаслуживающем никакого внимания.

Когда приговор ограничивается десятью годами тюрьмы кое-кто, как это говорил т. Гояев, испытывает «разочарование»... Это — вредное настроение, неправильное отношение к делу.

¹ Ленин, т. XXVII, с. 296.

Ведь надо понимать, что вопрос о мерах наказания в 1935 г. должен решаться, я говорю о судебной практике, иначе, чем он решался в 1925 г., в 1930 г. и даже в 1932 г., когда был издан закон 7 августа.

Вполне естественно, что кассационная и надзорная практика Верховного суда Союза ССР и Союзной прокуратуры все более и более строго подходят к разрешению вопроса о высшей мере наказания.

Ни в какой мере не ослабляя нашей карательной политики, требуя беспощадного применения к врагам нашего народа самых суровых, предусмотренных нашим законом, наказаний, мы и впредь будем требовать от наших органов последовательности и решительности в применении в соответствующих случаях суровых мер наказания, как это и подобает органам пролетарской диктатуры.

Но мы будем решительно бороться против таких настроений, которые «очарование» видят только в максимально суровых мерах наказаний.

Мы будем бороться против таких настроений, потому что ошибочно и вредно все наказание по советскому праву сводить только к высшей мере. Это значит идти по линии наименьшего сопротивления, не желать приложить своих рук, своих стараний к перевоспитанию людей, совершивших те или иные против нашего государства преступления.

Мы не можем забывать блестящих уроков исправительной политики Беломорского канала, вернувшей в ряды трудящихся десятки тысяч людей, которые в свое время совершили большие преступления против советской власти и советской страны и часть которых можно было бы в свое время подвергнуть высшей мере наказания, если к наказанию подходить не так, как этого требуют принципы советской уголовной политики.

Мы нередко ограничиваемся при выборе наказания даже за наиболее тяжкие преступления тюрьмой. Советская тюрьма не каменный мешок капиталистических стран, не каменный склеп, а школа труда и дисциплины. И из этой своеобразной школы многие сотни осужденных выходят новыми людьми, возрожденными к новой жизни, труду и подвигам...

Будут ли возражать против такой карательной политики т. Гояев и наши товарищи из Юго-Осетии?

Думаю, уверен, что нет, не будут.

К этому хочу добавить еще одно соображение.

Когда мы решаем вопрос о наказании, мы должны учитывать интересы не отдельного... района, а всего нашего пролетарского государства.

Это обязательно. Это необходимо. Без этого неизбежны ошибки. И вот случается, что какие-либо преступления с точки зрения района, исходя из районного, так сказать, масштаба, кажутся столь исключительным, что здесь необходимо применить суровую меру наказания.

Если же к данному делу подойти с точки зрения не района, а всего государства, если применить к нему государственный, а не районный, не уездный масштаб — дело оказывается не столь уже исключительным, чтобы карать так, как это кажется необходимым району.

Мы на такой путь не вставали до сих пор, тем менее у нас имеется оснований на такой путь становиться теперь.

Тов. Гояев это, очевидно, не учел, оказавшись в плену своих районных настроений, побудивших его в связи с делом Яшвили атаковать Верховный суд Союза ССР.

Конечно, и Верховный суд может по какому-либо конкретному делу допустить ту или другую ошибку. Ошибку ведь можно исправить, — зачем же болтать о каком-то «разочаровании» и тому подобной чепухе?

Здесь встает перед нами, я говорю уже о Прокуратуре, еще один вопрос. Это вопрос о вашей сигнализации прокурору Союза по наиболее важным делам.

Допустим, что дело Яшвили — очень важное дело. Не следовало ли в таком случае своевременно поставить о нем в известность Прокуратуру Союза, тем более, что сама республика придает этому делу столь серьезное значение? Не правильнее ли было сообщить об этом деле прокурору Союза, чтобы последний мог вступить во время в дело и принять по этому делу необходимые меры, соответствующие интересам нашего пролетарского государства?

Третий вопрос, который наметился в прениях, и на котором я хотел бы специально остановиться, это вопрос об отношении масс, нашей обществу, трудящихся к нарушениям революционной законности.

Сейчас неправильное применение советских законов вызывает гораздо более резкую реакцию, чем раньше. В этом сказывается рост самосознания, рост политической сознательности, социалистического правосознания. Ныне каждый трудящийся более чутко прислушивается к требованиям нашего закона, но и более решительно и твердо реагирует на нарушение законов, особенно со стороны тех, кто призван к охране закона.

Учреждение НКВД на место ОГПУ, как до того преобразование ВЧК в ОГПУ, означает крупнейшие изменения в наших общественно-политических отношениях, свидетельствуя о громадном укреплении авторитета нашего пролетарского государства.

Успехи социалистического строительства означают не только грандиозные победы в области нашего хозяйства, нашего государственного, внешнеполитического положения и т. п., но и в области культуры и быта.

Эти успехи воспитывают в миллионах людей новые взгляды, новые требования, новое отношение к окружающему. Эти же успехи рождают новые потребности; они рождают и требование по-новому относиться к нуждам и запросам трудящегося человека.

Мы, органы суда и прокуратуры, обязаны это понимать и соответственно этому понимать и строить свою работу.

Наша эпоха требует максимального укрепления социалистической законности. Однако дело не в количестве законов. Законов у нас было достаточно и раньше. Дело в необходимости и обязательности особенно четкого и точного исполнения наших законов. Значение советского закона весьма выросло в глазах широчайших масс населения, привыкших относиться к требованиям законов пролетарского государства с необходимым уважением. Классовый враг это прекрасно учел, пытаясь соот-

ветственно изменить и перестроить тактику борьбы с советским строем.

Будучи не в силах оказывать свое преступное сопротивление прямо, классовый враг пытается действовать обходными путями, косвенным образом.

Классовый враг не останавливается даже перед попыткой использовать против советской власти советский закон, например, закон 7 августа об охране общественной социалистической собственности.

Вот случай из нашей практики, одной из областей РСФСР.

В одном колхозе пробравшийся в правление кулак так ловко «проработал» закон 7 августа, что все колхозники отказались сдавать государству хлеб по хлебопоставке.

Как вы знаете, закон 7 августа объявлял общественную собственность священной и неприкосновенной. Колхозная собственность — это общественная собственность, следовательно, тоже неприкосновенная. Вот этот кулак и стал убеждать колхозников, что раз колхозная собственность — неприкосновенна, значит, никто, и в том числе и представители нашего государства, не смеют требовать от колхоза сдачи государству зерна, хотя бы и по хлебопоставкам, так как это — посягательство на неприкосновенность колхозных фондов...

Вот как орудует кулак. Если его послушать, он не против закона 7 августа, он за закон, но закон он так толкует, так извращает в своих кулацких интересах, что от закона получается прямо противоположный результат.

Вот в чем заключается кулацкая маскировка, о которой говорил в 1933 г. т. Сталин, предостерегая нас против «воровских махинаций» разных бывших людей, надевающих на себя советскую маску.

Вот еще несколько случаев кулацких вылазок с использованием советских учреждений, с подделкой под советские методы работы.

Первый случай, о котором я уже сообщал в печати, имевшем место в Мордовской обл. касается дела одной беднячки, оштрафованной судом на 1 руб., который она должна была вносить в рассрочку, проходя по 24 км в день. На этом случае я не буду останавливаться, так как в свое время о нем достаточно было сказано.

Остановлюсь на других примерах подрывной работы кулацких контрреволюционеров.

В некоторых колхозах пролезшие сюда кулаки, бывшие торговцы и спекулянты практикуют насаждение «дисциплины» при помощи избияния колхозников. Нечего и говорить, что здесь действительно речь идет не о дисциплине, так как объектами наказания это кулачье избирает лучших колхозников, искусственно «пришивая» им якобы нарушение дисциплины.

Эти кулаки инсценируют «суды» с «председателем», «прокурором», «следователями». Суды вносят приговоры — спеть пахабные песни, протанцевать два часа на одной ноге, выпить 25 ударов ложками и т. д.

На что рассчитана такая инсценировка? Она рассчитана на то, чтобы дискредитировать советский суд, колхозный суд, вызвать возмущение «колхозными» (якобы колхозными) порядками, заставить честных колхозников уйти из колхоза, развалить колхоз...

Это тоже особая форма кулацкой борьбы с колхозным строительством.

За такие преступления мы отдаем под суд по ч. III закона 7 августа или по ст.ст. 58⁷, 58¹⁰ и 58¹¹ УК РСФСР, рассматривая эти преступления как тягчайшие посягательства на советский строй и советское государство. Все эти примеры говорят о том, что в своей преступной борьбе против социалистического строительства кулаки и кулацкая агентура пользуются самыми разнообразными средствами. Нередко они стараются оклеветать и забросать грязью передовиков-ударников, инсценировать обвинения против них в бытовом разложении, пускаясь на различного рода провокации.

Заманят какую-нибудь активистку в амбар и запрут вместе с кем-либо из своих сообщников, а потом созывают всю деревню:

«Смотрите, мол, люди добрые, каким делом общественники занимаются». Инсценируют половую распущенность. Что это такое, как не особая форма классового сопротивления?

Все эти новые и, надо сказать, довольно хитрые, искусные формы антисоветской и антиколхозной борьбы нужно уметь вовремя, правильно и быстро разоблачить.

Здесь мало жестоко наказать кулацких негодяев. Здесь нужно провести широкую, массово-воспитательную работу, которая открыла бы массам глаза на хитроумные подлости кулаков, на всевозможные кулацкие «воровские махинации».

Вот тут-то и выступает на первый план значение гласного советского суда, гласного процесса.

Именно гласный процесс при хорошей подготовке, при хорошем предварительном расследовании способен отбить кулацкие атаки, разоблачить кулацкие происки, показать колхозникам подлинную суть подобных вылазок и вооружить колхозные массы жгучей ненавистью к врагам колхозного строительства, мешающим честным колхозникам добиться зажиточной, счастливой жизни.

Основное значение судебного процесса состоит в мобилизации общественного мнения, в мобилизации масс.

Важно, чтобы каждый процессе убеждал массы в правильности нашего пути, в величии наших задач и целей. Вот в чем должна заключаться «показательность» нашего процесса и смысл так называемых показательных процессов. Между тем многие из нас думают, что показательный процесс — это процесс, который должен заканчиваться обязательно наиболее суровой мерой наказания.

Нельзя, разумеется, отрицать значения наказания как меры так называемой общей превенции (общего предупреждения), но основное в каждом процессе не только в наказании и, как правило, даже не столько в наказании, сколько во всеобщем убеждении, как говорил Ленин, что преступление не останется безнаказанным и что интересы государства будут защищены самым активным и решительным образом.

Это всеобщее убеждение в справедливости и правильности приговора — главное.

Мы сейчас закончили процесс по делу о гибели парохода «Советский Азербайджан». По этому делу была предана суду вся команда парохода «Совет» от матроса до капитана. В связи с этим в массах водников задавали во-

прос: «За что посадили на скамью подсудимых команду?». Что должен отвечать за неоказание помощи капитан и вообще командный состав парохода — это понятно. Но матросы — в чем они виноваты? Вот как ставился вопрос и вот какое было настроение в зале суда в первый день процесса, когда один за одним вся команда заявила — не виновны, не виновны, не виновны...

Обвинение должно было поставить своей задачей добиться, чтобы и подсудимые и весь зал и весь флот поняли, в чем вина команды, чтобы все поняли, что каждый матрос, бездействовавший в критические минуты катастрофы, пассивно и молча стоявший в стороне, пассивно наблюдавший за позорно-преступными действиями командования и не принявший со своей стороны никаких мер, чтобы положить конец безобразному преступлению, должен нести ответственность за уголовный преступ-

Обвиняемые пытались защищаться ссылками на свое подчиненное положение, и это вызвало сочувствие со стороны части публики. Обвинение поэтому должно было поставить своей задачей сломить это настроение, внушить массе моряков, присутствовавших на процессе, отвращения и презрение к людям, оставляющим своих товарищей в минуту тяжелой опасности без помощи, показать, что и рулевой, и боцман, и кочегар, спокойно взиравшие на то, как на их глазах гибли люди, не смеют прикрываться своим подчиненным положением; показать, что в минуты опасности все равны и все ответственные перед своим государством и своей страной за нарушение долга морской службы, долга советского моряка и гражданина Союза ССР.

Если эту задачу обвинению удалось разрешить, значит, процесс действительно был показательным, действительно принес пользу, даже независимо от того, как будут наказаны отдельные виновники этого кошмарного преступления.

Следовательно, главное — мобилизовать общественное мнение, убедить в правильности предъявленного обвинения, а значит и в правильности обвинительного приговора.

Конечно, убедить в этом не всегда легко и просто. Для этого необходимо, как следует, поработать, тем более, что требования у нас повышаются, растут вместе с ростом гражданского, общественного сознания. Меняется время, меняются люди, меняются и требования и запросы людей.

Всякая натяжка, всякая фальшь сейчас же будет понята и вскрыта. Всякий пробыл и всякий недочет в работе сразу же будет обнаружен.

С этим нужно считаться.

Вы помните знаменитые шесть условий т. Сталина в его речи о новых задачах, о новой обстановке. Вы помните, что он говорит в этих шести исторических указаниях?

Ведь с каждым годом, с каждым днем, с каждым месяцем, каждый рабочий и колхозник нашей Советской страны все больше, все полнее чувствует себя хозяином советской земли. В этом и залог наших успехов, в этом и объяснение наших побед. Вот почему он очень ревниво относится и к несправедливому приговору.

Это говорит о громаднейшем росте культурного и политического сознания граждан,

это говорит о росте их социалистического правосознания.

Рост социалистического правосознания трудящихся масс сам по себе обязывает нас работать иначе, лучше. Партия от нас потребовала культурных методов работы.

Партия и правительство принимают со своей стороны все меры к тому, чтобы улучшить в организационно-материальном отношении условия нашей работы. По директиве партии на местах стали приводить в порядок наши помещения, улучшили материальную часть, увеличили жалованье судьям, прокурорам и следователям.

Теперь дело за нами самими. Теперь мы должны лучше выполнять свои обязанности, лучше работать, внимательнее относиться к трудящимся, дать лучшее качество своей работы.

Еще недавно кооперация и госторговля работали по «принципу»: «лопай, что дают...»

Теперь этому «принципу» пришел конец. Теперь потребитель стал разборчивее, грамотнее. Все, что ему не дадут бюрократы от кооперации, он уже не возьмет.

Он еще посмотрит, а установивши брак или низкое качество товара, потащит еще в милицию или к прокурору и потребует наказать виновного.

И кооперации, и госторговле приходится с этим считаться, приходится перестраиваться, освободиться от дурных, вредных и преступных привычек, унаследованных от старого, торгашеского мира.

То же самое нужно сказать и об органах юстиции.

Сейчас безграмотный приговор становится приговором для самого судьи. Сейчас пусторожний обвинитель становится посмешищем, притчей во языцех. Его сожгут дотла насмешливые взгляды аудитории, оказавшейся выше и более подготовленной в политическом и культурном отношении, чем данный судья или прокурор.

Это ставит перед нами очень серьезный вопрос о нашей квалифицированности и о квалифицированности нашей работы.

Этот вопрос оказывается тем более серьезным, что работа органов юстиции — вся на виду у людей, с одной стороны, и что ее роль и значение определяется тем авторитетом, тем доверием, которые суд и прокуратура приобрели у населения, с другой.

Что же нам нужно сделать, чтобы закрепить авторитет и доверие трудящихся масс?

Нам нужно раньше всего больше культурности и меньше чиновничества.

Нам нужно свою работу строить не как «службу» а как общественное служение, как подвиг.

Нам нужно расследовать дела, обвинять и судить не так, как это делали до нас «люди двадцатого числа», одетые в чиновничьи вицмундиры, а так, как это делало старое поколение коммунистов, наши руководители и учителя, учили как жить и работать наши вожди Ленин и Сталин, вели свою работу в подполье — не за страх, а за совесть, за революционную совесть, требовавшую отдать себя делу целиком, без остатка, подчинив своим целям подпольной борьбы всю свою жизнь...

Вот мы как должны работать, помня, что и в новых своих ролях — судей и прокуроров советского государства, — и партийные и бес-

партийные, мы ведем жестокую классовую борьбу с нашими врагами, ведем ту же партийную работу, которую вели в прошлом, штурмуя царское самодержавие или бастионы капиталистической эксплуатации...

В порядке самокритики надо сказать, что в нашей работе имеется еще очень много бюрократизма, косности, формализма.

Вот почему, когда меня спрашивают, в чем сейчас заключается для органов юстиции основная задача, я отвечаю: в том, чтобы окончательно избавиться от коросты чиновничества и бюрократизма, чтобы перестать быть хоть чем-нибудь похожим на старых чиновников.

У прокуроров этот чиновничий пережиток сказывается в так называемом обвинительном уклоне т. е. в стремлении во что бы то ни стало обвинять, поддерживать обвинение, не взирая ни на какие обстоятельства. Это опасный уклон.

В царской прокуратуре это было очень распространенным явлением. Каждый прокурор царского времени измерял свои успехи на поприще юстиции количеством удачно проведенных («выигранных», как тогда говорили), т. е. окончившихся осуждением, процессов. Говорят, что и начальство учитывало «успехи» прокуроров по этому же признаку, отмечая в особых журналах крестиками или плюсами обвинительные приговоры, и минусами — оправдательные.

Каждый обвинительный приговор был для дореволюционного прокурора плюсом, каждый оправдательный приговор был для него минусом, и прокурор судебной палаты расценивал своих прокуроров и помощников по количеству полученных ими плюсов или минусов. Если какой-нибудь прокурор провел 50 дел за год и у него оказалось 40 приговоров обвинительных — значит хороший прокурор.

Подобного рода тенденции кое-где просачиваются и у нас. Бывает и у нас, что иной прокурор считает, что он не прокурор, если он не отдал под суд зного количества людей. Он стыдится рубрики «прекращенных дел». Он считает, что каждое прекращенное дело, а тем более каждый оправдательный приговор, не говоря уже об отказе от обвинения на суде, это провал его прокурорской карьеры, гибель его прокурорской репутации. Конечно, прокуратура существует для того, чтобы изобличать преступников, для того, чтобы преследовать их и добиваться их осуждения в соответствии с установленными против них обстоятельствами. Но это вовсе не означает обвинения во что бы то ни стало, даже вопреки фактам, требующим отказа от обвинения. В таких случаях стыдиться прекращения дела или отказа от обвинения, потому что это, мол, не к лицу прокурору, нельзя.

Против таких настроений нужно бороться, потому что с такими настроениями легко впасть в грубую судебную ошибку, которая всегда бывает результатом тенденциозности.

Не могу не привести одной цитаты из замечательной работы старого английского юриста Уильяма Уильза («Опыт теории косвенных улик» 1838), цитирующего по аналогичному вопросу слова судьи Олдерсона.

Говоря о причинах судебных ошибок, этот судья сказал: «Необходимо предупредить при- сяжных относительно опасности ошибки, в ко-

торую они могут быть введены целым рядом косвенных улик. Ум всегда находит удовольствие в прилаживании одного остоятельства к другому, и готов даже делать маленькие натяжки, если это нужно для того, чтобы связать их в одно стройное целое. Чем даровитее человек, тем легче ему впасть в это заолуждение и обмануть самого себя, прибавив какое-нибудь недостающее звено в цепи доказательств и признав действительность какого-нибудь факта, согласного с прежде составляемым суждением и необходимого для его полноты»¹.

В этих словах английского судьи дана очень мягкая характеристика обвинительного уклона, насчитывающего за своими плечами столько же лет, сколько лет самому институту прокуратуры.

Мы должны, повторяю, горячо против этого «уклона» протестовать и бороться.

Психологически этот «уклон» в наших условиях может быть объяснен только одним — слабостью техники следственного дела, уменьем найти настоящее звено, за которое нужно ухватиться, чтобы вытащить на белый свет всю цепь явлений, составляющих данное преступление.

У нас бывают случаи, когда наши органы безмотивно отклоняют просьбы о дополнительной проверке обстоятельств дела, об истребовании дополнительных доказательств, о вызове дополнительных свидетелей и экспертов. Отклоняются эти просьбы под предлогом нежелания затягивать дело или просто «за несущественностью». Действительная причина таких отказов в другом — в опасении, что новое обстоятельство может неожиданно поколебать добытые уже следствием улики, испортить следователю или прокурору «всю музыку».

Происходит это оттого, что такой следователь или прокурор относится к своему делу не как революционер, не как коммунист, бюющийся за истину, а как чиновник, руководствующийся фамусовским правилом «подписано, и с плеч долой...»

Такой следователь или прокурор проводит следствие, будто строит карточный домик — в нем все есть, и окна, и двери, и решетки: иди и садись, и все тут. А тут обвиняемый упирается, спорит, требует какой-то проверки. А вдруг действительно начнешь проверять, а домик-то и рассыпется? Нет, лучше уже не проверять, поскорей подписать обвинительное заключение и сдать дело в суд. Там проверят, что нужно поправят. А если дело рассыпется в прах, то и здесь горевать нечего — это тоже дело суда...

Вот как примерно рассуждает такой чиновник, герой фамусовского прошлого. С руки ли нам это? К лицу ли? Ясно, что нет. Но именно из такого отношения к делу вырастают факты, о которых рассказывал здесь прокурор Азербайджанской ССР т. Якубов, — эти случаи со «скандальной лошадей» и с «культурной свадьбой», случаи, которые вы склонны были принять за анекдот. Но это, к сожалению, факты. У меня в руках имеются соответствующие документы.

Один документ — это постановление о привлечении к уголовной ответственности, утвержденное районным прокурором т. Бабаевым. Оказывается, судя по этому постановлению,

¹ Цит. соч., М., 1864 г., стр. 33.

была в Баку «культурная свадьба». На свадьбе учинили проверку свадебных гостей или вернее их карманов, и у одного из них, Мамедова, нашли охотничий нож.

Возникает первый вопрос—почему во время свадьбы стали производить проверку, в особенности если свадьба «культурная»? Пришли люди на свадьбу, а там начинают проверять их карманы, что, мол, у культурных людей находится в карманах? Прокурор Бабаев, однако, не подумал, что на «культурной» свадьбе не годится заниматься повальным обыском. Прокурор Бабаев этого даже не заметил, и такого законного вопроса перед соответствующими органами не поставил. А органы эти записали следующее—так как Мамедов «признал себя виновным—я читаю это постановление,—то, исходя из вышеизложенного и принимая во внимание материалы дела, считаю обвинение доказанным и дальнейших следственных действий не требуется...» и далее, исходя из того, что «Мамедов и подобные ему лица всегда посещают общественные места с ножами и револьверами» прокурор Бабаев «просит уполномоченного милиции ударить подобных людей по рукам, чтобы другим был урок в верхней части г. Баку...». Наконец в конце этого замечательного по своей безграмотности постановления приписана следующая сентенция: «Если ты приглашен на культурную свадьбу, спрашивается, почему нож? И на «сем документе» подпись прокурора: «согласен». Этот документ о «культурной» свадьбе—документ, свидетельствующий о невысоком культурном уровне коекого из работников Бакинской прокуратуры. Это надо учесть т. Якубову в своей новой работе в качестве наркома юстиции и прокурора Азербайджанской ССР.

Или вот это дело о «скандальной лошади». В постановлении по этому делу сказано: «лошадь начала скандалить, так как скандальная лошадь укусила другую лошадь».

Автор, очевидно, не задумался над тем, что он написал.. Но в результате подобного небожданного отношения к делу страдают ведь живые люди!..

Эти два примера свидетельствуют, кроме того, о том, что наши прокуроры иногда занимаются пустяками.

Благодаря этому у нас громадный процент внимания уходит на мелочи, а на серьезные дела времени уже не остается. Это конечно, объясняется и тем, что серьезными делами заниматься труднее. Многие стараются заняться тем, что полегче. При таком отношении к делу мы не двинемся далеко.

Переходя к следующему, затронутому в прениях вопросу.

Проблема охраны интересов трудящегося человека требует громадного внимания к себе со стороны наших органов. Люди нашей страны стали уже другие. Они готовы отдать за свою великую родину всю свою жизнь—об этом свидетельствует громадный рост советского патриотизма. Но они и требуют внимания к своим нуждам, к своим интересам. Мы должны проникнуться священным чувством служения своему трудовому народу, не допуская ни малейшего пренебрежения к его нуждам, ни малейшего чванства.

Нужно усилить меры борьбы с преступлениями против личности. Нужно переработать соответственно и наши уголовные кодексы, да-

леко в этом отношении не удовлетворительные.

Возьмите главу УК о преступлениях против личности. Разве она не говорит об очень мягком подходе к преступлениям этой категории? Разве к этим преступлениям мы нередко не относимся, как к преступлениям, сравнительно второстепенным? Вот и здесь один товарищ так выступил, что выходило будто бандитское изнасилование женщины—это менее значительное преступление, чем похищение из кассы 1000 руб. Это неверно. С таким взглядом на охрану личных интересов трудящихся согласиться нельзя.

Мы имеем по ряду областей данные, говорящие о слабой карательной политике по делу о хулиганстве. Между тем, недавно правительство за хулиганство усилило наказание, подчеркнув тем самым, что к этим преступлениям необходимо подходить более строго и преследовать их более решительно.

Правда, по другим видам преступлений мы имеем чувствительное сокращение.

По данным нашего института уголовной политики по всему СССР хищения общественной социалистической собственности резко сократились и количественно и по общей сумме похищенного имущества.

Это очень отрадное явление. Оно явилось результатом более внимательного и серьезного отношения к охране общественной собственности. Кроме хулиганства, о котором я говорил выше, интересно проанализировать положение с грабежами.

Статистика пятимесячного состояния борьбы с грабежами говорит, что после постановления правительства 5 марта грабежи резко сократились, а в отдельных городах (Москва, Ленинград) даже вовсе прекратились. Это явилось прямым результатом твердо проводимой карательной политики по этим делам. Наша задача заключается в том, чтобы добиться в кратчайший срок такого же положения в борьбе и с другими преступлениями.

Следующая наша задача заключается в том, чтобы научиться наносить наиболее меткие и безошибочные удары. Но безошибочность и меткость на словах не даются. Этому искусству нужно учиться, этим искусством нужно овладеть на основе наших законов и, в частности на основе Уголовно-процессуального кодекса. А у нас дело обстоит так, что УПК сам по себе, методика расследования сама по себе, а практика расследования тоже сама по себе. Мы забываем, что УПК помогает нам правильно вести расследование, что он создан для того, чтобы обеспечить нам решение наших задач.

Для иллюстрации того, как у нас нарушаются уголовно-процессуальные законы, я приведу несколько примеров из азербайджанской практики. Вот Верховный суд Азербайджанской ССР в 1934 г. рассмотрел дело ряда сотрудников Азербайджанского медгосторга и приговорил их к разным срокам наказания. Дело пришло в Союзную прокуратуру и нам пришлось приговор поломать до основания. Товарищи из Азербайджана тоже недовольны, что мы ломаем их приговоры. Но как же иначе можно поступить с делом, в котором нарушен закон? Это дело слушанием началось 31 октября в составе трех членов Верховного суда без единого народного заседателя. Это первое нарушение закона. 5 ноября объявили перерыв

до 16 ноября. В это время один из членов суда заболел и был заменен нарзаседателем фактически без возобновления дела. Это — второе нарушение. Первая часть дела прошла без народных заседателей вообще, а вторая часть дела прошла при одном новом народном заседателе, который не знал начала дела, и двух судьях. Каким законом это предусмотрено? Никаким. Что же дальше? Вы знаете, что когда взамен заболевшего члена суда вступает новый, нужно возобновить следствие. По этому делу до болезни члена суда следствие заняло 10 дней, а когда пришел новый член суда, то на возобновление следствия ушло лишь 3 часа. Это называется «галопом по Европам». Какой же это суд, какое же здесь может быть решение? Третье нарушение касается того, как велся протокол судебных заседаний. Протокол состоит из двух частей, резко отличающихся друг от друга. Одна часть напечатана на машинке, другая часть написана от руки. В протоколе не сказано, кто вел протокол, кто за этот протокол отвечает. В заголовке протокола указано, что в заседании участвовало три секретаря, подписан же протокол двумя секретарями, причем рукописная часть протокола написана одним из секретарей. Кто отвечает за напечатанное на машинке, неизвестно. Четвертое нарушение заключается в следующем. Один из обвиняемых впоследствии отказался от своих показаний, требуя, чтобы его выслушали в силу каких-то соображений в закрытом заседании суда. Как будто разумное требование. Однако Верховный суд отказывает этому подсудимому в его просьбе. Обвиняемый заявил после этого, что отказывается при открытых дверях давать объяснения и, таким образом, заявление подсудимого не было вообще выслушано и проверено.

В Верховном суде Азербайджанской ССР по этому делу председательствовал проф. Беляев. Очень жаль. Впрочем давно уже сказано немецким поэтом: «77 профессоров и отечество погибло». Если вы сажаете профессоров председателями суда, то по крайней мере руководите или не допускайте нарушений закона.

Конечно, приговор с такими ошибками нельзя оставлять в силе. Мы его опротестовали, приговор пришлось отменить, а, следовательно, вся работа суда сошла на-нет. Есть у нас в Уголовном кодексе ст. 16, у вас — в Грузии 8, посвященная аналогии. Это очень популярная статья. К сожалению, этой статьей часто злоупотребляют.

Применение аналогии у нас часто совершенно произвольно. Причина — в неумении правильно пользоваться действующими нормами, неумении применять прямые статьи закона к соответствующим преступлениям. Обычно некоторые работники прокуратуры и суда так действуют потому, что вообще не считаются с квалификацией.

Они рассуждают так, что статья закона — это дело второстепенное; важно наказание, которое можно по этой статье назначить. Если наказание подходит, то особенно копать, по их мнению, в квалификации не следует. Не все равно разве, по какой статье обвиняемому сидеть? — говорят такие «юристы». Да, не все равно.

Нельзя забывать, что статья определяет не только размер наказания, но и ряд послед-

ствий, наступающих часто после отбытия осужденным наказания.

Правильная квалификация преступлений очень важное дело. Этому делу нужно уделять самое серьезное внимание.

Пренебрежение обязанностью правильно квалифицировать преступление — это проявление своеобразного юридического нигилизма.

Другим проявлением такого нигилизма является нежелание заниматься в порядке надзора так называемыми маловажными делами, т. е. делами, которые связаны с незначительными наказаниями, вроде 2—3—4 месяцев принудительных работ. Забывают и здесь, что у человека, осужденного даже к небольшому наказанию, остается судимость, с которой ему очень часто некуда податься, не говоря уже о моральной травме в том случае, когда обвинительный приговор вообще вынесен ошибочно.

Поэтому важно и нужно заниматься не только важными и сенсационными делами, а и маленькими делами.

Теперь относительно участия наших прокуроров в кассационной работе. Я думаю, что я не ошибусь, если скажу, что вообще в кассационной работе наши прокуроры не участвуют, а если участвуют, то сугубо формально.

Между тем кассационная практика представляется чрезвычайно важным и серьезным участком нашей работы. Благодаря кассационному надзору прокуратура получает возможность ознакомиться с практикой местных прокуроров, указывать их слабые места и во-время придти к ним на помощь.

Поэтому Прокуратура Союза, напоминая о всей серьезности этой работы, требует надлежащей ее постановки, требует надлежащего и самого серьезного к ней отношения.

Выступая на вашем завказском совещании, я еще раз должен напомнить также о роли прокуратуры в стадии предания суду.

В этом отношении кое-что уже сделано. Распорядительные заседания работают в ряде мест даже не плохо. Но это далеко не то, что нам нужно.

Во многих случаях распорядительные заседания все же еще ведутся по-домашнему.

Судья не подготовлен. Если докладывает прокурор, то он делает выжимку из обвинительного заключения, и судья утверждает обвинительное заключение без всякой критики. Если дело докладывает судья, тогда прокурор безгласно при сем присутствует. Тихо, спокойно, без спора, без драки. Прокурор сам по себе, судья сам по себе, обвинительное заключение само по себе, а распорядительное заседание — простая формальность. Это никуда не годится. Мы должны здесь добиться решительного изменения положения. Мы должны категорически потребовать, чтобы судья, председательствующий на заседании, предварительно ознакомился с материалами дела, чтобы дело докладывал прокурор, потому что прокурор, предъявляя распорядительному заседанию обвинительный акт, является лицом, поддерживающим обвинение, и, следовательно, обязанным доказать обоснованность предъявления обвинения. Мы должны потребовать, чтобы судьи прекратили домашнее отношение к такой важной обязанности, как утверждение обвинительного заключения, чтобы они вооружились всей необходимой силой критики и самокритики, чтобы они умели драться с прокуро-

ром, чтобы судья не ограничивался слушанием прокурора и не утверждал механически обвинительное заключение, а чтобы критически проверял его, возвращая прокурору обвинительное заключение в случае его неудовлетворительности, отказывая в утверждении неудовлетворительных обвинительных заключений. Иначе говоря, надо закончить с таким положением, когда прокурор считает, что он хозяин процесса (dominus litis), и когда судья потакает такому взгляду. Мы должны добиваться такого положения, когда судья проявляет на этой стадии процесса больше инициативы и активности.

Но для этого судье нужно лучше знать дело, чем он, как правило, знает его сейчас, всецело полагаясь на прокурора. Для этого судья должен перестроить методы своей работы. Но это нужно, без этого мы не сможем поднять нашу работу на уровень требований нашей эпохи.

В заключение позвольте затронуть несколько частных вопросов, имеющих, одна, очень серьезное значение.

Я не согласен с товарищем, который здесь выступал и говорил о том, что основная сейчас у нас задача — это судебно-следственный надзор. Это сказал т. Калаидадзе из Аджарстана. Верно, т. Калаидадзе, судебно-следственный надзор — это одна из основных наших задач. Одна задача — судебно-следственный надзор или вернее активное, оперативное участие прокуратуры в расследовании, контроль за расследованием, которое производят другие органы, руководство расследованием, которое производят судебно-прокурорские органы. Это — одна сторона работы. Другая сторона нашей работы — это надзор за законностью наших органов власти, хозяйственных, общественных и других организаций и учреждений. Недооценка этой второй задачи не должна быть допущена. У нас так повелось, что сначала мы переоценивали этот общий надзор и вмешивались в хозяйственную деятельность выше всякой меры. Например, прокурор Узбекской республики в прошлом году издал приказ, где он определял, какой глубины нужно запахать поля под хлопок, или второй приказ, в котором он приказывал в такой-то срок ликвидировать упадок животноводства и об исполнении ему донести. Так некоторые толковали задачи общего надзора. Это, разумеется, перегиб. Потом мы это дело поправили. Кроме того мы сказали: суд — вот основной участок нашей работы. Товарищи поняли это так, что мы сдаем в архив общий надзор. Это было второй ошибкой, и партия своевременно нас поправила.

Партия нам напомнила, что общий надзор играет большую роль. В частности постановления ЦКП и ЦСК о бонах и денежных суррогатах показало, что задачей общего надзора прокуратура пренебрегать не должна и не имеет права. Вы знаете, что мой приказ об общем надзоре был утвержден СНК Союза ССР.

Если СНК Союза ССР счел необходимым утвердить этот приказ, то это потому, что ЦКП хотел подчеркнуть все то значение, которое придается этой работе прокуратуры с точки зрения общегосударственных интересов. Наша задача в том, чтобы органически сочетать задачи общего надзора с задачами су-

дебной работы в целом. Осуществляя оперативный боевой надзор за законностью действий различных хозяйственных и советских организаций, мы в то же время не должны упускать из поля своего зрения оперативного участия и в работе наших судебных инстанций.

Без активной помощи прокуратуры суды не смогут справиться со своими задачами.

Заканчивая, я должен буду обратиться ваше внимание на два обстоятельства. Это — на вопрос о подготовке наших кадров и о повышении нашей собственной квалификации, и на вопрос дисциплины в наших рядах.

Что касается подготовки наших кадров и повышения нашей квалификации, то разумеется, те мероприятия, которые проводятся по целому ряду республик, как краткосрочные и долгосрочные курсы, развертывание учебных заведений и т. п., можно только приветствовать, но как справедливо здесь уже говорилось, мы не можем ждать, пока эти курсы подготовят кадры; здесь нужны еще дополнительные мероприятия.

Я думаю, что в качестве одного из таких дополнительных мероприятий нужно всемерно рекомендовать поголовное заочное образование. У нас на это дело смотрят в высшей степени скептически, ссылаясь на недостаток времени. Но забывают, что наши товарищи, учащие, будут лучше работать.

Нам нужно добиться перелома в этом отношении. Нужно добиться, чтобы каждый судья, прокурор и следователь были заочниками, учились, читали юридические книги, учились. У нас уже есть ряд журналов: «Социалистическая законность», «Проблемы уголовной политики», «Бюллетень иностранной информации» (Института уголовной политики), журнал Института советского строительства и права Коммунистической академии и «Советское государство» и т. д.

Прокуратура Союза обещает вам в приобретении и получении книг и журналов самую широкую и активную помощь.

Мы сейчас серьезно ставим работу по методике расследования, выпуская в ближайшее время ряд пособий. Кроме того, мы сделали прошлой зимой опыт, который к сожалению, остался не подхваченным закавказскими республиками. Я говорю о выпусках «Следственных упражнений». Мы дали два выпуска, где на ряде случаев показываем, как следователь должен вести следствие. Неужели вы у себя на основании вашего материала не можете сделать то же самое? Я думаю, что вы можете и должны это сделать.

Мы намечаем выпуск методических писем по отдельным вопросам расследования.

Мы ввели в практику так называемые оперативные совещания, которые на конкретном разборе отдельных случаев практики наших уголовных и гражданских судов позволяют повышать квалификацию наших работников с точки зрения овладения техникой следственной или судебной работы. Здесь должна быть проявлена инициатива самими местами. Прокуратура Союза готова взять на себя в этом деле шефство. В частности я от имени Прокуратуры Союза взял такое обязательство на себя перед азербайджанскими товарищами, решившими вступить в соревнование за первое место в ЗСФСР. Если грузинская и армянская

прокуратуры вступят с бакинцами в соревнование, то Прокуратура Союза готова помочь и им от всей души.

Наконец, сейчас нам надо серьезно подумать о дисциплине в наших рядах. Прокуратурой разработан проект дисциплинарного устава. Мы вносим его в директивные органы. На основе этого дисциплинарного устава мы более глубоко чем сейчас, займемся вопросами дисциплины и, надеюсь, сумеем добиться в рядах прокуратуры образцовой дисциплины, ибо только при этом условии мы сможем оправдать доверие нашей партии и нашего правительства своей образцовой работой.

Партия и правительство оказывают нам величайшее доверие. Это доверие мы должны оправдать. Руководители партии в наших союзных республиках, верные и доблестные ученики и соратники великого нашего вождя т. Сталина — тт. Берия, Багиров и Ханджян оказывают нашим местным органам всяческую поддержку, стараясь поднять нашу работу на надлежащую высоту.

Мы должны добиться высокого качества нашей работы.

Мы должны доказать, что органы суда и прокуратуры умеют успешно бороться за дело укрепления нашего государства, государства пролетарской диктатуры. Некоторые товарищи говорят: у нас нет людей, у нас нет средств, нам поэтому трудно работать. Это ошибочная постановка вопроса. Нужно хорошо работать, тогда и люди будут, и деньги придут.

Товарищи, позвольте мне выразить не только величайшую радость по поводу нашей встречи, но и твердую уверенность в том, что прокуратура и суд закавказских республик сумеют поставить свою работу на должную высоту и дать образцы блестящей работы по борьбе с врагами социализма, на благо нашей великой социалистической родины и всех трудящихся... (бурные аплодисменты всего зала).

По окончании речи т. Вышинского и принятия приветственной телеграммы на имя секретаря Закавказского крайкома т. Берия с заключительным словом выступил нарком юстиции и прокурор Грузинской ССР т. Рамишвили.

Заключительная речь т. Рамишвили

Наше совещание свой порядок дня исчерпало. Сообщения с мест: из Армении, Азербайджана и Грузии, которые вы заслушали сегодня, хотя и коротко, правда, но все же показали нам массу недостатков, имеющих в нашей практике, в нашей работе, в особенности сегодня, на очень ответственном этапе развития нашего социалистического строительства.

Эти недостатки не терпимы. Так продолжать работу, не взирая на известную перестройку, на известный сдвиг, нельзя. Все же мы еще продолжаем хромать и очень серьезно хромать.

Сегодня мы заслушали здесь обстоятельный, исчерпывающий доклад нашего руководителя т. Вышинского. Я думаю, товарищи, что я вправе отметить ту помощь кадрами, живыми людьми и другими средствами, которую оказывают нам закавказские парторганизации во главе с т. Берия, и ту помощь и то конкретное руководство, которое мы чувствуем со стороны Союзной прокуратуры и лично т. Вышинского, в особенности в связи с его приездом к нам и его блестящим докладом. Позвольте мне от имени совещания заверить Союзную прокуратуру и ее руководителя т. Вышинского, что закавказские работники юстиции сумеют идти в ногу с нашей великой партией и передовыми отрядами трудящихся, сумеют выравнять фронт, сумеют так поставить работу, чтобы выйти в шеренгу передовых краев и областей. Позвольте заверить т. Вышинского в том, что обязательства, которые мы берем на себя, и социалистическое соревнование, в которое мы включились, мы сумеем выполнить, сумеем выполнить и все указания т. Вышинского и с честью справиться с теми задачами, с теми поручениями, которые возлагаются на нас нашей партией, нашим правительством, ЦК ВКП(б) т. Берия и Союзной прокуратурой.

Я полагаю, что уверенность, которую выразил т. Вышинский является очень крепкой. Под этой уверенностью есть база. Пусть этой базой будет наша ежедневная самоотверженная, добросовестная большевистская работа. И после всего этого, после всей помощи, которую мы получаем и будем получать повседневно, мы сумеем доверие ЦК республиканских ЦК наших партий, ЦК ВКП(б) и Союзного правительства полностью оправдать.

Разрешите с этой уверенностью наше первое закавказское совещание судебно-прокурорских органов объявить закрытым (аплодисменты).

По союзным республикам

Р. С. Ф. С. Р.

Социалистическая законность на Севере

Свыше миллиона квадратных километров занимает площадь земли, заключенная границами Эвенкийского округа.

Этот округ в несколько раз больше Украинской ССР. Территория его равна территории грек крупнейших государств Европы — Германии, Италии и Польши.

И наряду с этим как неизмеримо ничтожно население Эвенкийского округа в сравнении с той же Украиной, имеющей около 40 млн. жителей, против 5 тыс. жителей округа.

Совершенно очевидно, что большая территория с некомпактным, полукочевым населением чрезвычайно сильно осложняет работу

советско-партийных организаций, в том числе и органов юстиции.

В частности бесспорно, что осуществление окрсудом непосредственного руководства работами трех нарсудов, организованных в округе (Байкитского, Илимпейского и Чунского), и непосредственная оперативная деятельность, связанная с рассмотрением судебных дел, очень затруднены в связи с тем, что районные центры расположены на расстоянии свыше 500 км от округа, а некоторые отдельные точки Байкитского р-на на 1000 км от его районного центра.

Несомненно, однако, что эта территориальная разбросанность ни в какой степени не может служить для эвенкийских органов юстиции объективным заслоном их собственных недостатков, что они, к стати сказать, пытаются доказать в ряде своих писем в край.

«Прокурор,—сообщается в одном из писем,—не имеет возможности обслужить весь округ, доказательством чего является то, что в течение более годичного пребывания здесь он не имел возможности посетить Чунский и Байкитский р-ны, при наличии в этих районах производственно-охотничьих станций и большого числа русских работников».

Такой вывод требует некоторой проверки. Следует считать, что непосещение двух районов является доказательством не невозможности этого, а скорей непонимания прокурором своих задач и методов работы тем более, что по его же заявлению «поездка оленьим транспортом в условиях бездорожья в один конец Байкита или Чуны требует от 25 дней до одного месяца».

Своеобразие работы определяется не только этим.

Политико-культурная ситуация Севера и особенно Эвенкийского округа выдвигает перед органами юстиции большие задачи организационно-массовой и воспитательной работы.

Одной из наиболее значительных форм массовой работы органов юстиции на Севере являются кочевые суды. Организованные почти во всех кочевых советах округа, они превратились в авторитетные форпосты социалистического воспитания. Они активно содействуют борьбе за «мягкое серебро» — пушнину, ведут непримиримую борьбу за новый быт, за новые отношения между людьми на северных окраинах Союза.

За последний год они значительно укрепили свою работу. Однако наряду с этим последней проверкой их было обнаружено несколько серьезных недостатков.

Куюмбинский кочевой суд, прямо нарушая закон, рассмотрел дело кулака Ирана Хаданчи, обвинявшегося в невыполнении плана пушнозаготовок. Дело рассматривалось «показательно» как в государственном суде, причем защищал кулака заведующий райотделением Востсибпушнины, а интересы государственного обвинения поддерживал уполномоченный рика.

Еще более грубое нарушение законности отмечено в практике Чириндийского кочевого суда. Этим судом кулак, не выполняющий плана пушнозаготовок, подвергнут штрафу суммой в 200 руб. и конфискации 24 оленей.

Ейский кочевой суд одного кулака по аналогичному делу приговорил к году и.т. работ.

Работники юстиции, получив сигналы об отмеченных нарушениях, немедленно опротестовали незаконные постановления кочевых судов и вокруг этих ошибок развернули большую оргмассовую работу. Всем кочевым судам и советам были разосланы отпечатанные типографским способом положения о кочевых судах, и все они пронструктурированы.

Это привело к положительным результатам. Последующей проверкой было обнаружено, что все кочевые суды (кроме Чапоргинского) начали перестраивать свою работу.

Юридическую помощь населению работники юстиции оказывают исключительно посредством выезда на периферию.

Однако в этой части сделано немного. Эвенкийские товарищи пишут:

«За истекший зимний период нами посещено 9 факторий, из них 4 расположены в Илимпейском р-не и 5— в Байкитском. Посещение факторий сопровождалось посещением чумов на местах промысла. Это дало возможность получить 29 устных заявлений от эвенков и принять ряд мер к удовлетворению последних».

Так, например, по заявлению Понкагир Павла, Вивинским кочевым советом предложено Туринскому кооперативу уплатить последнему 100 руб. за охрану груза на месте стоянки катера.

По заявлению эвенка Учамского консовета Лопако Николая взыскано с отдела связи 20 руб. за провоз почты последним в 1933 г.

По заявлению эвенка Чапогирского кочевого совета фактории Канаэда-Удыгирь Филиппа приняты меры к ликвидации задолженности за пушнину, сданную им на факторию ВСП весной 1934 г. Эти примеры свидетельствуют о том, что отдельные работники и организации в отдельных случаях совершенно безосознательно не выполняют своих обязательств.

Таких фактов и примеров много, правовая помощь основным жителям почти не оказывалась, и только сейчас мы начинаем получать заявления об оказании той или иной помощи и это свидетельствует, что органы юстиции приобретают авторитет среди местного населения».

Непосредственная, чисто оперативная работа органов суда и прокуратуры в условиях округа также определяется некоторою особенностью в смысле социально-политической обстановки.

Эвенкийское кулачество сосредоточивает в своих руках огромную в условиях тундрового хозяйства экономическую силу — оленье стадо.

66 кулацких чумохозяев имеют 34 тысячи оленей, что составляет около 60% оленьего поголовья в округе. Стада наиболее состоятельных кулаков достигают тысячи оленей. Таким образом совершенно бесспорно, что тунгусский кулак-царек имеет на бедняцко-средняцкие элементы большое влияние.

Однако судебная практика показывает, что батрацкие элементы уже объявили войну кулаку и шаману. Иски о заработной плате чрезвычайно часты.

66% общего числа гражданских дел батрацкие иски. Это свидетельствует о том, что органы юстиции, заняв правильную линию по делам этой категории, завоевали авторитет и тем самым добились значительного поступления исковых претензий о заработной плате к кулачеству. Следует отметить, что наряду с

беспорными достижениями имеет и один очень существенный недостаток — это большие сроки рассмотрения дел о зарплате. (30% дел рассмотрены в сроки свыше двух месяцев).

В связи с практикой по этим делам органы юстиции поднимают вопрос о том, распространяется ли исковая давность по заработной плате на иски батраков-туземцев к кулацким хозяйствам. Они приводят конкретный факт, когда в Байkitском р-не группа батраков потребовала от суда присудить им с кулаков заработную плату за 5—10 лет работы. Бесспорно, что решение этого вопроса на основании общих норм трудового права немыслимо. Нужно иметь в виду ту атмосферу работорговли и святотатства, которая вокруг кулака сложилась истари, нужно иметь в виду огромные территории, разделяющие кулака и его работника после ухода последнего, и поэтому нужно ценить инициативу батрака «наступить кулаку на горло», нужно отвергнуть формальный закон и найти какое-то более правильное решение, чего работники нацокругов в ряде случаев сделать не могут.

Эвенкийские работники правильно уяснили себе задачи майской директивы партии и правительства и линии своей работы ведут в сторону основательного, требуемого обстоятельствами жизни, привлечения к судответственности.

Суды чрезвычайно осторожно подходят к осуждению должностных лиц, являющихся по существу в условиях севера самым дефицитнейшим материалом. Мы не могли констатировать ни одного неосновательного осуждения. Удар судебной репрессии наносится в основном быстро и правильно.

Темпы расследования дел для национального округа с кочующим, не оседлым и с оседлым, но разбросанным населением, не плохи: 50% дел расследуются в сроки ниже месячного, 32% в сроки до двух месяцев и только отдельные дела находятся в производстве свыше двух месяцев (из 22 дел, непосредственно расследованных прокурором округа, только одно дело перешагнуло двухмесячную давность, 78% расследованы в сроки ниже месячного). Следствие по делам о хищениях свидетельствуют об особо ударных темпах работы, показывающих, что острота и политическая значимость их органами милиции понята; из дел этой категории прекращено производством только одно и почти все они со сроками расследования ниже месячного.

Прокурор округа работает в тесном контакте с органами милиции. Наблюдение за ходом, а наряду с этим и за качеством следствия привело к самым положительным результатам. Несмотря на трудности производства следствия в местных условиях расследование дел органами милиции имеет два чрезвычайно ценных показателя, которыми не всегда и не везде могут похвалиться даже работники магистральных районов — это высокое качество и быстрота расследовательской работы.

Органы юстиции Эвенкийского округа основное внимание в своей оперативной работе сосредоточили по борьбе с расхищением соцсобственности. Политика мер репрессии по закону 7 августа и по пп. «г» и «д» ст. 162 УЖ выдержана.

Среди местного населения более распространены преступления бытового характера.

Характерно в части привлечения к судебной ответственности нацмен-эвенков следующее место из доклада эвенкийских органов юстиции: прокурором возбуждены два дела о хищениях оленей и стад, Туринского Интеграл Союза и колхоза «Юреден».

Наличие этих двух дел свидетельствует, что виновны в хищениях не только конкретные расхитители — пастухи-эвенки (кстати сказать мы не имеем определенной точки зрения о мерах репрессий к ним, ибо это, по сути дела, люди абсолютно темные, не имеющие никакого представления об ответственности, по социальному положению бедняки), но и руководители этих организаций.

Нарсуды Эвенкийского округа считаются национальными. Так по крайней мере их квалифицируют в магистральных районах и так эти суды расценивают себя сами.

Изучение их оперативной работы показывает обратное. Нарсуды округа ни в какой мере не могут быть названы национальными, потому что они обслуживают пришлое, не коренное, в основном русское население.

Выездов в район, как мы уже указывали, было крайне мало. Вопрос о кадрах в условиях округа стоит очень остро. Часто на север просачиваются не только авантюристические элементы, но и прямые классовые враги, например, беглое кулачество, бывшие чины белых армий и т. д.

Если в торговых организациях были обнаружены люди «из бывших», то в органах здравоохранения оказались просто беспомощные, иногда психически ненормальные работники.

Необходимость улучшения кадров работников юстиции округа видна из практики рассмотрения приговоров и решений судом второй инстанции. Годовая практика кассационной коллегии окружного суда показала, что утверждаемость приговоров составляет 40%, а решений всего — 33%. Совершенно очевидно, что отмена приговора или решения в условиях севера приносит больший социальный урон, чем в магистральных районах, ибо один факт отмены означает длительное нерассмотрение дела.

Необходимы кадры и для окружных органов юстиции. Аппарат кассационной коллегии состоит из председателя (он же председатель окрсуда) и двух членов эвенков-женщин, работающих на положении соцсовместителей.

Работу по выращиванию кадров из коренного национального населения окружные органы юстиции недооценивают, больше того, в отдельных случаях они этой работой совершенно не занимаются.

Суд и прокуратура не имеют абсолютно никаких сколько-либо реальных перспектив коренизации своего аппарата. Крошечный актив, на который они пытаются опираться, этих возможностей не обеспечивает. Окружная прокуратура имеет всего одну группу содействия в Байkitском р-не, состоящую из трех человек. Отсутствие соцсовместителей прокурор округа объясняет «невниманием руководящих организаций».

Работа по изучению кадров нарзаседателей проводится слабо. Из 82 нарзаседателей по Илпийскому и Байkitскому р-нам около 70% националы (60 эвенков и 1 якут). Кажалось бы, что это обязывало народные суды округа

развернуть с кадром нарзаседателей систематическую работу. Однако на деле получилось далеко не так. Так например, Илипийский нарсад встал на точку зрения невозможности проведения этой работы по тем соображениям, что нарзаседатели эвенки — кочевники, игнорируя тем самым то обстоятельство, что кочевые движения эвенков продолжаются не круглый год, что известное время коренное население находится в стойбищах.

В заключение несколько слов о руководстве работой органов юстиции округа со стороны края.

Очень характерно с этой точки зрения следующее место из доклада эвенкийского прокурора.

«Мы безусловно вправе поставить резко вопрос о вашем руководстве. Мы систематически получаем директивы края по хлебопоставкам, мясозаготовкам, обязательной сдаче молока и по ряду других кампаний, проводимых в магистральных районах, причем все эти директивы сопровождаются требованиями представления ряда сведений в трехдневные или декадные

сроки с угрозой предания суду, причем сама директива поступает через 3—6 месяцев. Такое руководство, как не имеющее ничего общего с проводимой нами работой, конечно, может вызывать только смех и сожаление».

Приведенное письмо — серьезное обвинение краевым органам юстиции. Руководство национальными органами продолжат оставаться крайне общим, в порядке «всеобщих указаний периферии». Директивы, адресуемые национальным округам, не только не устанавливают дифференцированных сроков исполнения, но и не разрешают и более серьезных вопросов руководства — ориентацию работников национальных округов на специфические виды их оперативной работы.

Эвенкийских товарищей мучает целая группа животрепещущих, острых политических вопросов. Обслуживая эвенкийское и якутское население с несовершенными формами полунатурального хозяйства, они справедливо требуют у края четких директив по всем вопросам.

В. Шалагинов

Прекратите волокиту — исправьте ошибку суда

В 1934 г. Пермский Свердловский уезд, желая удовлетворить спрос своего рабочего потребителя, решил заняться заготовками фруктов. Для этого в октябре трест командировал в Ташкент своего представителя зав. ком. заг. сектором Кожевникова П. Н., на имя которого был составлен аккредитив в 200 тыс. руб. в Ташкентском Госбанке.

В то же время в Ташкенте находились уполномоченный областного треста Свердловский уезд Лившиц и товаровед Голованов.

В первую очередь эти дельцы решили перевести аккредитив Кожевникова на счет Лившица. Несмотря на то, что не только отгрузки, но и никакой заготовки фруктов для Перми еще не начиналось, Лившиц выписал Кожевникову фиктивные счета на сумму свыше 200 тыс. руб., Кожевников их акцептировал и деньги перешли к Лившицу.

После этого Кожевников при «содействии» Лившица и Голованова начал заготовку фруктов и отправку их в Пермь. В Ташкенте они встретили своего земляка — такого же заготовителя — уполномоченного Молотовского уезда. У земляка оказалось уже «кое-что заготовлено» и даже погружено в вагоны и готово к отправке, но не в Ташкенте, а в окрестностях. Это «кое-что» оказалось шестью вагонами дынь, заготовленных неизвестно кем, перекупленных земляком у Узкопозови. Не долго думая, Кожевников, Лившиц и Голованов без всякого качественного и количественного осмотра, за глаза, «на совесть» купили эти шесть вагонов дынь и направили их в Пермь.

Веря на слово «земляку», Кожевников не потрудился даже заключить с поставщиком договор, и отгрузку произвел также за глаза, порекомендовав это почему-то Лившицу.

В общем, вместо ожидаемых из Ташкента яблок Пермь получила дыни. А дынями там давно уже торговали горпотребсоюз, орсы и чорсы и дынями хорошими и дешевыми. Но

что делать — обратно их не отправишь. Продукт скоропортящийся. Начали приемку и сразу же пришлось обратиться к санназору. Половину дынь пришлось выбросить на свалку, что дало около 20 тыс. руб. убытка. С трудом добились прекращения дальнейшей отгрузки дынь. Кожевников, совершив сделку по дыням и отправив несколько ящиков яблок, вернулся в Пермь, поручив остальную отправку Лившицу. Это было в конце ноября.

С яблоками волокита продолжалась до марта 1935 г. Закончилась она согласием Перми принять вместо яблок кишмиш лишь бы как-нибудь выцарапать остатки денег из Ташкента.

Обнаружив, таким образом, непригодность Кожевникова к торгово-заготовительной работе и усматривая в его действиях злоупотребление по службе и преступную халатность (акцепт фиктивных счетов, использование денег не по назначению и совершенно явно убыточной операции с дынями), Свердловский уезд снял его с работы и отдал под суд.

Одновременно были привлечены к ответственности и работники областного треста Свердловский уезд Лившиц и Голованов. 23 декабря 1934 г. при письме за № 28 все материалы по делу были направлены в Ташкентскую прокуратуру.

В то же время, не зная действительного положения вещей по операции с дынями, так как Кожевников и Лившиц об условиях покупки и ответственности за качество трест надлежащим образом не информировали, договора не представили, Пермский Свердловский уезд предъявил иск об убытках в Нарсуде г. Свердловска к Управлению железной дороги, и только в нарсуде выяснилось, что покупка дынь была произведена на колесах, без всякого осмотра, за глаза, отправка их в Пермь была произведена заготовителями за своей ответственностью, со своими проводниками; и в довершение всего в суде оказалось, что Лившиц еще в декабре 1934 г. дал поставщику подписку об отказе от

каких бы то ни было претензий по дыням. Суд в иске к жел. дор. отказал, предложил привлечь изготовителей к ответственности, так как убытки были понесены по их вине.

В апреле 1935 г., заручившись справкой Голованова о том, что, якобы, все ташкентские операции им производились с ведома треста и проектом приказа за подписью зав. торг. отдела треста Сапова о восстановлении его на работу, Кожевников подал в нарсуд о восстановлении и выплате за «вынужденный прогул».

Дело дошло до суда по трудовым делам г. Перми. Нарсудья Чепкасова в приеме заявления Кожевникову первоначально отказала, так как совершенно правильно применила к нему примечание к ст. 7 КЗоТ как ответработнику — зав. сектором.

В это время председатель горпрофсоюза т. Галкин уехал в командировку, Кожевников, пользуясь случаем, «обработал» инструктора горпрофсоюза Максимова. Максимов сфабриковал самому себе доверенность от имени горпрофсовета, дал его подписать счетоводу Русских и выступил в суде как представитель горпрофсоюза.

Нарсудья Чепкасова при этих обстоятельствах приняла дело Кожевникова к производству, и 21 апреля 1935 г. вынесла решение: восстановить его на работе с выплатой за два месяца за вынужденный прогул и тут же выдала Кожевникову исполнительный лист. В основу своего решения суд положил то обстоятельство, что возбужденное в Ташкентской прокуратуре уголовное дело против Кожевникова не было закончено в течение пяти месяцев и что из трех привлеченных «пострадал» (подлинное выражение суда) один Кожевников.

Кассационная коллегия облсуда решение нарсуда оставила в силе.

К моменту рассмотрения дела в ГЖК облсуда Лившиц уже был арестован в Ташкенте — это ГЖК было известно, однако, последняя почему-то на это весьма важное обстоятельство не обратила внимания, тогда как решение суда первой инстанции было поставлено именно в зависимости от уголовного дела.

На исход дела в суде несомненно повлияли: 1) самочинное выступление Максимова, официально в настоящее время опровергнутое горпрофсоюзом, 2) справка Голованова и 3) проект приказа Сапова, также официально опровергнутый дирекцией треста.

До решения дела нарсудом о восстановлении

Кожевникова, т. е. до 21 апреля 1935 г. трест пять раз запрашивал Ташкентскую прокуратуру о положении возбужденного против Кожевникова и др. дела, но ни на один запрос ответ не был получен. Два раза мы жаловались прокурору Узбекской республики и ответ не получили. Наконец, мы обратились в местную Пермскую прокуратуру, которая от своего имени сделала запрос в Ташкент, но и это не помогло.

Мы, конечно, не сомневаемся, что решение нарсуда г. Перми и определение ГЖК облсуда по делу о восстановлении Кожевникова будут опротестованы облпрокуратурой и ошибка суда будет исправлена.

В данном случае мы более всего недоумеваем перед следующими фактами процесса:

1. Юрправе ли был нарсуд ставить вопрос о восстановлении в прямой зависимости от исхода уголовного дела. Факт акцепта фиктивных счетов и использование денег не по назначению Кожевников не отрицает, убыточность совершенной им операции установлена соответствующими актами, т. е. факт обнаружения его непригодности к данной работе и без уголовного дела был установлен.

2. Если ставить вопрос о восстановлении в зависимости от уголовного дела, то почему суд, не ожидая окончания уголовного дела и даже не зная, в каком оно положении, решил вопрос в пользу Кожевникова.

3. Если к рассмотрению дела судом первой инстанции не было сведений об аресте Лившица, то ГЖК облсуда это было известно. Почему же ГЖК не исправила ошибку суда первой инстанции, раз вопрос был поставлен в прямую зависимость от уголовного дела.

4. Как могло получиться, что Свердловский нарсуд считал необходимым привлечь Кожевникова к ответственности, а Пермский нарсуд, имея те же материалы, восстановил его на работе.

5. Больше всего нас поражает волокита с уголовным делом в Ташкенте. Прокуратура, призванная карать и преследовать волокиту, не только не закончила в течение восьми месяцев такое в сущности несложное дело, но даже не пожелала поставить нас в известность о положении его, хотя Свердловщторг — государственное предприятие, потерпевшее от действий обвиняемого убыток в 20 тыс. руб.

Подшивалов

РСФСР

Некоторые итоги борьбы с преступностью среди несовершеннолетних

К реализации закона 7 апреля 1935 г. прокуратура Калужского р-на Московской обл. подошла со всей серьезностью. Перед тем, как выработать и наметить конкретные мероприятия, прокуратура изучила состояние детской преступности по городу и району, изучила практику работы комонес, и уже после этого была выработана сумма мероприятий по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних.

На расширенном пленуме горсовета был поставлен специальный доклад зав. районо и прокурора о борьбе с преступностью среди несовершеннолетних.

Закон 7 апреля популяризировался специальными статьями в местной газете. В клубах, школах, на рабочих собраниях были поставлены доклады.

Дела о несовершеннолетних преступниках были сосредоточены у следователя с обеспечением быстрого и всестороннего расследования.

Самым распространенным видом преступности среди несовершеннолетних являются кражи, а в качестве одной из основных причин, толкающих детей на преступность, — безнадзорность. Приведу несколько примеров:

Якунин из Новосибирска не хотел работать с отцом, а Иванов из Смоленска поругался с отцом. Побег из дома, случайная встреча в г. Алексин. Средств к существованию нет, торговля папиросами не удовлетворяла. В поисках более крупного заработка Якунин и Иванов добрались до г. Калуги и в первую же по прибытии ночь взламывают палатку рабгорпо, но задерживаются на месте.

Якунина и Иванова привлекли к ответственности, но в то же время мы сообщили соответствующим прокурорам по месту жительства их отцов об обстоятельствах дела, с просьбой произвести следствие о виновности родителей за побег детей.

Характерно дело Козлова. Родился он в рабочей семье. В раннем детстве умирает отец. Спустя некоторое время, мать выходит замуж за другого. При матери Козлову жилось неплохо. Через три года умирает и мать. Отчим меняет отношение к мальчику, начинает систематически пьянствовать. В результате мальчик на улице, а там — связь с несовершеннолетними преступниками, кражи на базаре — с воров, с лотков, а затем уже — кражи из кладовых.

Клюева — ей еще нет 13 лет. Девочка бойкая, смысленная. Отец умер, но он и при жизни хорошего девочке ничего не дал: воровство и пьянство были его занятием. Мать оказалась достойной отца и промышляла кражами. Девочку поместили в детдом, чему она была рада. Руководитель детдома нашел необходимым Клюеву из Калуги отправить в другой город. Девочка просила не переводить ее в другой детдом. Чуткости, которой должны обладать работники детучреждений, в данном случае не оказалось, Клюеву отправили из Калуги, но через пару недель она вернулась, и уже в не детдом, а на улицу и стала заниматься кражами.

При более внимательном подходе к Клюевой этого не случилось бы.

Дела о несовершеннолетних преступниках — особые дела; шаблон здесь больше всего вреден. В каждом конкретном случае особо следует разрешать вопрос о судьбе дела. Формальный подход недопустим в этих делах.

В прокуратуру с базара был доставлен подросток Лихоманов, которому только что исполнилось 12 лет, за совершение карманной кражи. Брошенный родителями, Лихоманов обитал на улице. В прокуратуре он заявил, что не раз просил дать ему какую-либо работу, но в этом ему везде отказывали. «Если — сказал он, — дадут работу, воровать не буду» Прокуратура пошла навстречу Лихоманову, связавшись с райдеткомиссией, выяснила возможность дать работу Лихоманову, и он был устроен в фужерную мастерскую.

Более чутко стали относиться к бытовым нуждам рабочих и в предприятиях. У работники базы Союзвейсбыта Казаковой двое детей оставались без надзора; занимались торговлей папиросами, нищенствовали. Администрации базы положение Казаковой было известно, но только после опубликования постановления 7 апреля Казаковой была оказана существенная помощь, а дети ее помещены на детплощадку.

Прокуратурой были вскрыты случаи использования детей для занятия нищенством и кражами.

Большая работа проведена уголовным розыском по изъятию беспризорных и помещению их в детучреждения.

Проведенная работа дала уже результаты. Преступность среди несовершеннолетних, конечно, целиком не устранена, но она значительно сократилась.

Конечно по существу это только начало работы, так как не судебная репрессия является единственным способом уничтожения преступности среди несовершеннолетних.

Надо шире и глубже вести работу по вскопанию причин, порождающих детскую преступность.

М. Виноградов

О квалификации

Наши работники часто недооценивают значения правильной квалификации преступления. Им кажется, что если назначенное наказание соответствует совершенному преступлению, то по какой статье оно квалифицировано, не имеет большого значения, более того, не редки случаи, когда судьи и прокуроры сознательно не применяют следуемой по УК статьи к тому или иному преступлению, считая, что устанавливаемое этой статьей наказание не соответствует серьезности данного преступления. Таким образом судебные работники «подправляют» устаревший, как они говорят, Уголовный кодекс.

С бесцеремонным отношением к квалификации преступлений особенно часто приходится сталкиваться при рассмотрении присылаемых с мест заключений о проверке дел в порядке надзора. Там сплошь и рядом приходится сталкиваться с такой мотивировкой отказа в принесении протеста по делу, «хотя преступление квалифицировано неправильно, но меры социальной защиты не выходят за пределы санкции по той статье, которую следовало применить. Поэтому оснований для принесения протеста по делу нет».

Причем делается это не только где-нибудь в захолустье, но и в таких местах, как Москва и Ленинград. Вот, например, дело Кокошникова, разрешенное ст. пом. леноблпрокурора т. Максимовым и пом. прокурора т. Евдокимовым.

В заключении по этому делу, направленном ими в Прокуратуру Союза, написано следующим образом: «Хотя деяния Ризо следовало бы квалифицировать не по ст. 109, а по ст. 111 УК, но это обстоятельство не должно влечь отмену приговора, так как назначение Ризо наказание (2 г. лишения свободы) не превышает санкции ст. 111 УК».

Нет т. Максимов и Евдокимов! Неправильная квалификация должна влечь отмену приговора, тем более в таких случаях, какой имелся по данному делу. Ст.ст. 111 и 109 носят совершенно различный характер, и осужденному далеко небезразлично, по какой из них он осужден. Небезразлично это, разумеется, и государству, которое установило твердый состав преступлений и не может допустить произвола в их применении. Прокуратурой СССР это дело истребовано и ошибки Ленинградской облпрокуратуры будут исправлены.

С. Березовская

Безответственное отношение к делу

В нашем журнале приводились уже случаи небрежного, безответственного отношения некоторых работников прокуратуры на местах к выполнению поручений Прокуратуры СССР.

Сообщались, например, факты присылки за подписью весьма ответственных работников явно неправильных сведений по конкретным делам, проверявшимся по поручениям Прокуратуры СССР, факты сообщения непроверенных данных и т. д. (прокуратуры Азербайджанской и Украинской ССР).

Однако такие факты продолжают встречаться и сейчас.

Вот новый пример такого прямо легкомысленного отношения к делу, осложненного при этом элементами очковтирательства:

Прокурору Восточного Казакстана Прокуратурой СССР было предложено расследовать вскрытые (не им, к сожалению) факты скупки служащими у колхозников хлебных квитанций в целях приобретения по ним дефицитных товаров и привлечь виновных к ответственности по ч. 2, ст. 169 УК РСФСР. Распоряжение заканчивалось словами: «Обращается внимание на серьезность задания».

После нескольких напоминаний зам. облпрокурора области т. Ибраев шлет, наконец, донесение о выполнении поручения Прокуратуры СССР.

В этом донесении он сообщает, что выявлен только один случай приобретения служащим хлебной квитанции в обмен на двухрядную гармонь. Далее, т. Ибраев пишет, что оба (?) преступника преданы суду и осуждены каждый по 5 лет лишения свободы (!).

Приговор этот, очевидно, не вызвал у т. Ибраева никаких сомнений в его правильности. Во всяком случае он не сообщил даже, что дело им проверено.

Между тем осуждение по этому делу колхозника к такому суровому наказанию, как 5 лет лишения свободы, при наличии указания со стороны Прокуратуры СССР о том, что к ответственности должны привлекаться лица, **скупающие** (а не продающие) хлебные квитанции, обязывало облпрокурора проверить дело (тем более, что оно, как сообщал т. Ибраев, было единственным).

Прокуратура СССР должна была сама заняться проверкой этого дела.

Что же оказалось при проверке?

1. Оказалось, что никакой хлебной квитанции по данному делу не продавалось. Продан был хлеб. Единственно верным оказалось то, что он был продан, вернее — обменян на гармонию; нарушение же заключалось в том, что на момент обмена хлеба торговля им была еще не разрешена. Данный колхозник свои обязательства по сдаче хлеба выполнил.

Таким образом это дело никак не могло быть приведено в донесении о выполнении предложения Прокуратуры СССР.

2. Оказалось, далее (к счастью), что к 5 годам лишения свободы никто по этому делу не осужден. Если облпрокурор не заинтересовался столь явно вопиющим приговором, то заинтересовался облсуд, который и прекратил дело в **уголовном порядке**. О прекращении дела т. Ибраев должен был знать и тогда, когда он писал донесение о выполнении поручения Прокуратуры СССР (поскольку сообщается об окончательном результате) и во всяком случае тогда, когда посылал дело в Прокуратуру СССР. Но, как видно, т. Ибраев не заглянул даже в дело, которое от него потребовала для проверки Прокуратура СССР.

Разве это не безответственное отношение к делу вообще и к выполнению распоряжений Прокуратуры СССР в частности?

С таким отношением к своим обязанностям нужно кончить. Поведение т. Ибраева совершенно нетерпимо и не должно оставаться безнаказанным.

Б. С. С. Р.

Улучшить работу судебных исполнителей

Проведенная бюро жалоб уполномоченного Комиссии советского контроля по БССР проверка работы судебных исполнителей г. Минска показала, что в их работе отсутствует какая-либо правильная система.

В Минске имеется четыре судебных исполнителя. Каждый из них прикреплен к определенному участку народного суда и обслуживает определенную часть территории г. Минска.

Работой судебных исполнителей г. Минска ни Верховный суд, ни народные суды почти не интересуются. Каждый судебный исполнитель предоставлен самому себе и работает как ему вздумается.

Условия, в которых приходится работать судебному исполнителю, чрезвычайно плохие. Помещение, в котором работают судебные исполнители, отвратительное. Так например, судебным исполнителям 1 и 4 участков тт. Шинкевичу и Айзиковичу приходится работать в совсем маленькой комнате, где нельзя даже повернуться.

Технического аппарата у судебных исполнителей нет. Им самим приходится выполнять всю текущую техническую работу, регистрировать поступающие исполнительные листы, заниматься отправкой почты и т. д. Все это приводит к небрежному делопроизводству.

Финансовая часть работы судебных исполнителей г. Минска находится также в беспорядке. Поступлением и расходом денежных сумм ведет каждый судебный исполнитель в отдельности. Квитанционные книжки у отдельных судебных исполнителей благодаря невнимательному отношению к этому делу со стороны народных судей не зарегистрированы и не пронумерованы (судисполнитель 4 участка Айзикович). Кассовые книги некоторые из них завели только в последнее время (Айзикович). Поступающие деньги по несколько дней находятся в карманах у судебных исполнителей и не сдаются в банк. Денежные документы, исполнительные листы и др. хранятся в обыкновенных столах. Денежных шкафов нет.

За все время Верховным Судом БССР не было произведено ни одной ревизии и проверки работы судебных исполнителей г. Минска.

Подбором и проверкой кадров судебных исполнителей чи Верховный суд, ни народные суды совершенно не интересуются.

Все это дает возможность отдельным судебным исполнителям становиться на путь злоупотреблений. Только этим и можно объяснить, что на протяжении пяти месяцев судебным исполнителем 2 участка работал Иоффе, оказавшийся жуликом и совершивший растрату 1500 руб. взысканных денег.

Плохие условия работы и отсутствие надлежащего контроля за работой судебных исполнителей со стороны народных судей и Верховного Суда БССР привели к тому, что большое количество исполнительных листов лежит у судебных исполнителей и маринуется на протяжении долгого времени. Так например, у судебного исполнителя 1 участка г. Минска т. Шинкевича из общего количества 1370 исполнительных листов не выполнено 500. У судебного исполнителя 2 участка Иоффе лежало невыполненных 900 листов. У судебного исполнителя 3 участка т. Литвинковича из общего количества 518 исполнительных листов не выполнено 105, в том числе 26 по алиментным делам. У судебного исполнителя 4 участка т. Айзиковича из общего количества 778 исполнительных

листов выполнено 360, не выполнено 418, причем 158 и них не выполнены с 1934 г.

Исполнение решений судов протекает самоотечком. Многие исполнительные листы по алиментам, по искам госучреждений к частным лицам не выполняются также на протяжении долгого времени. Со стороны нарсудов совершенно отсутствует учет и контроль за выполнением судебных решений по алиментным делам. Все это привело к волоките и затяжке исполнения судебных решений.

Такое положение работы судебных исполнителей имеется не только в г. Минске, но и в остальных районах БССР.

Необходимо сейчас же поставить вопрос об улучшении работы судебных исполнителей. Надо ликвидировать кустарщину, бессистемность и неорганизованность в работе судебных исполнителей. Необходимо объединить работу судебных исполнителей, организовав их в одну группу, отдел или бюро с техническим и финансовым работником. Это значительно улучшит работу и поможет организовать и наладить правильный контроль за работой судебных исполнителей.

Верховный суд БССР должен сейчас же взяться за улучшение работы судебных исполнителей, изменив коренным образом всю систему работы.

П. Шарафанович

Библиография

УГОЛОВНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ — ОРУДИЕ БОРЬБЫ С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ И С ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРОЙ В СССР

В борьбе с нарастающим революционным движением пролетариата в капиталистических странах и с мощно растущим социалистическим строительством в СССР буржуазные криминалисты включились в хор наиболее реакционных элементов буржуазии, пытающихся спасти гибнущий капитализм путем беспощадного разгрома революционного движения рабочего класса и разрешить противоречия в лагере капитализма за счет СССР.

Богатый материал по этому вопросу помещен в выпущенной Институтом уголовной политики работе проф. Трайнина «Уголовная интервенция»¹.

В нашей печати эта «деятельность» буржуазно-криминалистического фронта настолько мало освещалась, что читателю даже может показаться странным самое заглавие книги, говорящей об интервенции, вообще нам хорошо известной, но в данном случае трактующей об

интервенции особого рода — уголовной интервенции.

Буржуазные криминалисты за последние годы развили лихорадочную деятельность по сколачиванию буржуазных государств в единый фронт под знаком международной унификации уголовного законодательства по борьбе с революционным движением пролетариата.

Книжка проф. Трайнина разоблачает политическую сущность этого унификационного движения. Она, как указывает в предисловии т. Вышинский, «представляет собой удачную попытку такого разоблачения, являющегося делом громадного политического значения, делом подлинного служения миру и подлинной человеческой культуре». Поэтому эта работа проф. Трайнина заслуживает, чтобы основные ее положения были освещены на страницах нашего журнала, чтобы к ней привлечено было внимание и практических работников советской юстиции.

Впервые унификационное движение возникло на Брюссельском конгрессе Международной ассоциации уголовного права в 1926 г. Брюссельский конгресс по вопросу об унификации материального уголовного законодательства принял следующую резолюцию:

«Считая весьма желательной унификацию основных начал применения репрессии в проектах разных стран путем принятия общепри-

¹ Институт уголовной политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР. Проф. Трайнин «Уголовная интервенция», под ред. А. Я. Вышинского. ОГИЗ. «Сов. законод.» 1935 г., 104 стр., 1 р. 40 к.

знанных принципов современной криминологии, учитывая далее, что многие государства энергично приступили к разработке новых проектов уголовного кодекса, Конгресс постановил, чтобы комиссии по подготовке новых уголовных кодексов, организованные в отдельных странах, собирались на международную конференцию. Эта конференция должна рассмотреть и унифицировать принципы, положенные в основание разрабатываемых проектов уголовных кодексов, вводя туда по возможности общие начала применения репрессии» (стр. 9).

В связи с этим решением в 1927 г. в Варшаве была созвана первая международная конференция по унификации уголовного законодательства капиталистических стран. В какой мере проблема унификации уголовного законодательства капиталистических стран оказалась актуальной, видно из того, что в 1928 г. в Риме созывается вторая международная конференция по унификации уголовного законодательства, в 1930 г. — в Брюсселе третья конференция, в 1931 г. — в Париже четвертая конференция, в 1933 г. — в Мадриде пятая конференция и в 1935 г. в сентябре в Копенгагене — шестая конференция.

Примечательно нарастание интереса буржуазных государств к международному унификационному движению видно из того, что, если на первой конференции были представители 9 государств, то на пятой конференции представлено было уже 35 государств!

Показателем повышенного интереса к этому унификационному движению является также и то обстоятельство, что сейчас имеется три проекта международного суда по уголовным делам и три проекта международного уголовного кодекса.

Примеру унификаторов материального уголовного права быстро последовали «охваченные могучим чувством солидарности» также и полицейские организации буржуазных стран, которые созвали ряд международных полицейских конгрессов, посвященных тем же задачам.

В работах унификаторов особое значение имеет проблема **«интернационального преступления»**. Конечно буржуазные криминалисты не раскрывают политического содержания «интернационального преступления», классовой опасности этих действий для диктатуры господствующей буржуазии. Они остаются на традиционных позициях буржуазной формально-юридической методологии и дают чисто формальные определения понятию «интернационального деликта». Поэтому, например, проф. Палла дает следующую формулировку: «международный деликт есть действие или бездействие, обложенное наказанием, провозглашенным и применяемым именем союза государств» (с. 18). Столь же формальным является определение и проф. Сальдана, который особенно подчеркивает многотерриториальность как основной признак интернационального преступления. Так, он пишет, что «интернациональным считается деликт юридический, социологический или антропологический, элементы которого рассеяны среди различных государств и рас» (стр. 18).

Политическое существо проблемы «интернационального деликта» на первых этапах унификационного движения проявлялось очень слабо. Вопрос об определении интернациональ-

ного деликта передан был на рассмотрение различных комиссий, которые в течение ряда лет подавали слабые признаки жизни.

Повестки международных конференций также весьма тонко маскировали политическое острое проблемы интернационального деликта. Так, первая конференция по унификации перечисляет следующие интернациональные преступления: 1) пиратство, 2) подделка металлических денег, государственных ценных бумаг и банковых билетов, 3) торговля рабами, 4) торговля женщинами и детьми, 5) торговля наркотиками и 6) торговля порнографическими произведениями (стр. 22).

Однако практические итоги борьбы с этими преступлениями совершенно ничтожны, что обусловливается отсутствием борьбы с этими преступлениями в капиталистических государствах. Несомненно, в колониях мы имеем даже прямую поддержку при совершении этих действий со стороны колониальных эксплуататоров (как например, продажа наркотиков и пр.). К сожалению, этого вопроса, имеющего очень большое значение для разоблачения эксплуататорской сущности международных криминалистических унификаторов, проф. Трайнин не ставит.

Характерно, что унификаторы по-новому истолковывают ряд общеуголовных составов. Так например, под пиратством понимается «пиратство» особого рода, сущность которого состоит не только в вооруженных бандитских налетах на корабли, но также и в мятеже во флоте! К пиратству четвертая конференция по унификации и относит также «мятеж экипажа, когда он направлен не только против командования корабля или воздушного судна, но также и против имущества». Здесь, очевидно, широко используется колониальная «практика» японского империализма в отношении Китая, когда борьба с политическими восстаниями против японского империализма в Китае рассматривается как борьба с «бандитизмом»...

Центром работы унификационного движения являются все же необщеуголовные преступления. За «нейтральной» повесткой конференций скрываются жгучие проблемы современной классовой борьбы буржуазии с революционным пролетариатом.

В унификационном движении начинает выявляться особая категория интернациональных преступлений, которые обращены не против той или иной политической формы, а против основ всякого «культурного общежития», против основ всякого цивилизованного государства. Среди всякого рода интернациональных деликтов особое внимание обращается на **«умышленное употребление всякого рода средств, способных породить общественную опасность»** (стр. 28).

С дальнейшим нарастанием экономического кризиса и классовой борьбы унификаторы начинают все более открыто подчеркивать действительную политическую сущность своего движения. Все больше выявляется, что среди всех интернациональных деликтов центральное значение имеет такой деликт, как «терроризм».

Третья конференция по унификации о терроризме во 2 пункте принятой резолюции говорит следующее: будет наказан за «умышленное употребление средств, способных вызвать общую опасность», то, кто совершит террористический акт, сопряженный с посягатель-

ством на жизнь, свободу, телесную неприкосновенность или имущества государства или частных лиц в целях продемонстрировать или осуществить политические или социальные идеалы». В п. 3 дальше указывается, что «умышленное употребление средств, способных вызвать общую опасность», будет также там, где будет установлено, что было создано сообщество с целью посягать на личность или имущество» (стр. 32).

Как видно из приведенной резолюции, здесь дается исключительно широкое понимание так называемого «терроризма». Под него подводятся также организация взрывов, поджогов, запыление, распространение болезней, нарушение правильной работы транспорта, телефона и т. д.

Совершенно очевидно, что здесь под «терроризмом» унификаторы понимают не индивидуальный террор, который применяют анархисты и в особенности сейчас фашисты. Под это понятие терроризма унификаторы подводят массовые выступления революционного пролетариата, которые вызывают приостановку деятельности транспорта, телефона, телеграфа и др.

Что именно в этом сущность понятия терроризма в резолюциях третьей конференции, ярко подтверждает дальнейшее развитие унификационного движения.

Четвертая конференция дает более подробную формулировку понятию «терроризма». Под терроризмом понимаются взрывы бомб и аналогичных орудий, способные вызвать большие жертвы людьми и имуществом. Больше того, под терроризм подводится даже и произнесение публичных речей, призывающих к совершению этих преступлений.

Но со всей четкостью политическая сущность унификационного движения выявилась, когда был сформулирован вопрос о «терроризме»... большевиков. Так, еще в 1926 г. на Брюссельском конгрессе Международной ассоциации уголовного права Рафаэль Гарфало от имени итальянской делегации говорил следующее: «Некоторые преступные организации не знают границ. Они ведут подготовительную деятельность и совершают деяния на территории различных государств. Таковы организации фальшивомонетчиков... Здесь же необходимо сказать о преступлениях, организованных коммунистами, против которых все цивилизованные нации обязаны ныне вести беспощадную борьбу: большевистская пропаганда и террористические акты посягают на социальные устои, составляющие основу нашей цивилизации» (стр. 40).

Официальный докладчик на четвертой конференции по унификации уголовного законодательства в Париже в 1931 г. проф. Радулеску о понятии терроризма говорил следующее: «Речь идет о посягательствах, предпринятых с целью... или насильственного уничтожения всякой политической и правовой организации общества, характеризующей анархистов, или с целью насильственного ниспровержения экономической и социальной организации большинства современных государств, характеризующей революционный марксизм». «Революционный коммунизм составляет в наши дни одну из наиболее опасных угроз публичному порядку вообще. Коммунизм, несмотря на его политический характер, представляет собой бедствие, подрывающее все общество. Эта угроза,

адресованная всему человечеству»... (стр. 40).

Таким образом, действительная политическая сущность позиции унификаторов в понимании «терроризма» совершенно очевидна. Здесь речь идет о сколачивании единого фронта буржуазных государств для борьбы с внутренней коммунистической опасностью — с одной стороны, и, с другой — для подготовки интервенции против СССР.

Такое понимание унификаторами «терроризма» подвело их к вопросу о необходимости активного вмешательства международной уголовно-правовой юрисдикции в деятельность тех государств, которые совершают интернациональные деликты. Проф. Пэлла пишет: «надо снять государство с пьедестала», «государство суверенно, но не до безграничности».

Отступление от принципов суверенности проф. Пэлла предлагает в том случае, когда «государства могут использовать свои территориальные права таким образом, что они окажутся в противоречии с гуманностью и обычаями, единодушно признанными цивилизованным миром. Интернациональная репрессия в этих случаях, конечно, должна осуществляться как путь восстановления морального порядка, который должен царить во всем человечестве» (стр. 51).

Впрочем, проф. Пэлла под нарушением морального порядка понимает посягательства на религию и частную собственность! Ясно, конечно, что таким нарушителем «морального порядка» буржуазного общества является СССР, и что здесь прежде всего необходимо вмешательство международной юрисдикции путем организации уголовной интервенции против СССР.

Унификаторы разрабатывают целый ряд мер репрессии, которые должны применяться к лицам, совершающим интернациональные преступления — с одной стороны, и, с другой — против тех государств, которые совершают действия, нарушающие «моральный порядок» современной цивилизации.

Проф. Пэлла говорил, что «в определенных случаях, где эти обязанности игнорируются, репрессивная интервенция вполне оправдана» (стр. 60).

Для того, чтобы проводить в жизнь решения международной уголовной юрисдикции для этого Лига наций должна иметь собственные вооруженные силы, писал проф. Сальдана. Спрашивается, что это за уголовная интервенция, чем она отличается от интервенции военной? Совершенно очевидно, что унификаторы здесь под флагом международной-правовой интервенции готовят против стран пролетарской диктатуры настоящую войну.

Унификаторы далее предлагают ограничить право невыдачи за политические преступления, где речь идет о коммунистах.

Эти установок унификаторов о понимании терроризма, однако, в современных условиях неожиданно поворачиваются против них самих. В силу обострения противоречий в лагере капиталистических государств, в связи с угрозой опасности новой мировой войны.

Вступление СССР в Лигу наций, которая в сегодняшних условиях стала бугорком против поджигателей новой мировой войны усиливает борьбу за мир.

Это положение вещей не могло ни оказать свое влияние на унификаторов. Тов. Литвинов в Лиге наций специально осветил в своем выступлении сущность вопроса о терроризме в современных условиях. «Таким образом, го-вард т. Литвинов, террористические акты последнего времени представляют собой явление особого порядка: они, во-первых, обычно готовятся и осуществляются на чужой территории, а во-вторых, они своей задачей часто имеют воздействие на международные отношения в сторону ускорения и облегчения военных конфликтов. В этом смысле терроризм последнего времени есть одна из форм подготовки военной агрессии». Убийство Барту, целый ряд убийств, совершенных германскими фашистами на территории иностранных государств ярко иллюстрируют указания т. Литвинова. Проект Лавала международной конвенции о терроризме предусматривает конкретные меры борьбы с терроризмом.

Постановлением Лиги наций от 31 декабря 1934 г. был создан комитет юристов, в состав которого вошел и проф. Пэлла, для разработки конвенции об интернациональной борьбе с терроризмом.

Разработанный проект конвенции резко отличается от прежних конвенций унификаторов. Так, согласно пп. 1 и 2, проекта под терроризмом понимаются «умышленные действия, направленные против жизни, телесной неприкосновенности, здоровья или свободы: главы государства или лиц, пользующихся прерогативами главы государства, наследных принцев, членов правительства, дипломатических представителей, членов конституционных, законодательных и судебных учреждений» (стр. 93). Таким образом, здесь в центре внимания борьба с индивидуальным, политическим террором.

Это изменение в постановке проблемы терроризма объясняется теми глубокими изменениями в международной обстановке, которые мы имеем за последний период.

Но это все же ни в коей мере не обозначает, что буржуазные криминалисты отказались от идеи уголовной интервенции против Страны советов. Эти изменения сейчас в постановке вопроса о терроризме ни в коей мере не обозначают, что мы должны ослабить наше внимание к всестороннему изучению деятельности буржуазного криминалистического фронта. К сожалению эта сторона вопроса в книге проф. Трайнина освещена весьма недостаточно, так как ограничивается только констатацией улучшения по всей линии, с точки зрения нашей борьбы за мир, в постановке буржуазными криминалистами вопроса о терроризме.

Работа проф. Трайнина, таким образом, дает ценный материал для характеристики важнейших вопросов так называемого международного уголовного права в современных условиях. Но в ней имеется ряд недостатков, к которым относятся отсутствие постановки ряда методологических проблем, связанных с вопросами уголовной интервенции, являющихся важнейшей частью так называемого международного уголовного права. В частности, недостаточен и обзор состояния современной буржуазной уголовно-правовой теории. Тем не менее работа проф. Трайнина, несомненно, может и должна быть широко использована для разоблачения классовой физиономии установок движения по международной унификации уголовного права.

В борьбе советского государства в международном масштабе за мир должны сыграть свою роль и наши научно-исследовательские институты, и в частности, научно-исследовательские центры по изучению проблем уголовной политики. В этом отношении стоят огромной важности задачи перед нашим криминалистическим фронтом. Работа проф. Трайнина в плане разработки этих задач должна быть признана и полезной и своевременной.

Б. Маньковский

«КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО ПО ТЕХНИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ». Сборник методических писем Курской облпрокуратуры. Под ред. и с предисловием прокурора Курской обл. Г. Г. Заславского. Изд. Курской облпрокуратуры. 66 стр.

На страницах наших юридических журналов мы встречались уже с материалами, освещающими работу прокуратуры новой Курской области, ее общее состояние и в частности состояние следствия. Указывалось и на особый интерес прокуратуры к вопросам следствия. Приняв решение выпустить краткое пособие по технике расследования для следователей, курское руководство прокуратуры не просто собрало старые методические письма и расширило их. Оно поручило одному из своих наиболее квалифицированных работников т. Яхнину переработать эти письма. Приняли участие в этой работе и три члена методбюро, составившие образцы отдельных следственных актов.

Рецензируемый сборник освещает наиболее актуальные вопросы предварительного расследования. Четыре главы этой книжки посвящены возбуждению уголовного преследования, предъявлению обвинения и допросу обвиняемого, окончанию предварительного расследования и предъявлению следственных материалов обвинительному заключению и методике его составления. Особняком стоит глава о методике расследования дел, связанных с растратами и хищениями в торговых организациях. В конце сборника имеется 10 приложений — образцы отдельных следственных документов, среди которых приведено обвинительное заключение по известному делу о хищениях и злоупотреблениях на Тербунском пункте «Заготзерно», утвержденное Прокуратурой Союза ССР.

В главе «Возбуждение уголовного дела» довольно подробно освещается все основное, что связано с первой стадией уголовного процесса, и приводятся конкретные факты, примеры следственного брака. Однако на двух моментах следует все же остановиться. Там, где речь идет о примечании к ст. 6 и о ст. ст. 8, 10, 12, 14 УК, все они берутся как нечто одинаковое и о них сказано (стр. 6) так как будто все они прямо предписывают не возбуждать уголовного дела. Между тем, даже беглый анализ этих статей показывает, что все они различны и не так просты. Примечание к ст. 6 и ст. 8 УК — это нормы, которые требуют от следователя особого умения проанализировать материал и решить вопрос о целесообразности возбуждения уголовного дела, а это связано прежде всего с большой политической и правовой подготовкой следователя. На этом нельзя было не сделать ударения. Второе: ссылаться на ст. 12 УК, сдавая сборник в пе-

ать 14 сентября, и не вспомнить о законе апреля, который существенно изменил ее практическое значение, — никак нельзя. Это ошибка или оплошность довольно серьезная. Такое упущение иного следователя может дезориентировать.

К главе о предъявлении обвинения и допросе обвиняемого следует сделать два замечания. Охватив наиболее серьезные вопросы этой темы и остановившись на ст.ст. 111 и 112 УПК, нельзя было в этой части обойтись без конкретных примеров. Известно, как часто на практике мы встречаемся с делами, где ни один довод обвиняемого не учтен, где предание суду волююще не объективно. Один—два таких примера дали бы, пожалуй, не меньше чем те правильные утверждения, которые все же звучат как общие рассуждения. Упущено также в этой главе освещение одного вопроса, который имеет большое практическое значение: ничего не сказано об оговоре. Немало дел связано с оговором, немало трудностей создает при расследовании оговор. И если учесть, что оговор — одно из острых явлений в уголовных делах, то как ни мал размер книжки, остановиться на этом следовало бы и основные указания следователя надо было бы дать.

Среди многих все еще забытых норм уголовного процесса пребывают все статьи УПК, говорящие о возможности и порядке обжалования действий органов дознания и расследования. Вспомнить о них, вытащить их из-под спуда пора и периферийным работникам прокуратуры, хотя бы потому, что их можно использовать как серьезное средство борьбы за повышение качества расследования. Поэтому, нам думается, целесообразно было бы за счет сокращения полемической части главы об окончании расследования, расширить ее изложением о значении и порядке применения тех

статей УПК, которые говорят о жалобах на действия органов следствия.

Очень неплохо разработан вопрос об обвинительном заключении и методике расследования дел о хищениях в торговом аппарате. Приведенные в приложениях интересные обвинительные заключения удачно дополняют те указания, которые даются в основном тексте.

Хорошо составлены образцы отдельных протоколов и постановлений. К недостаткам их можно отнести лишь язык, которым они составлены. Курским товарищам надо было постараться их немного оживить, сделать менее казенными.

Несколько слов о внешней стороне сборника. Есть, разумеется, опечатки, есть и стилистически неудачные места. На 4-й стр. книжки, например, весь уголовный процесс изображается в виде «большой и сложной машины», а возбуждение уголовного дела как «первый оборот колеса», который делают прокурор и следователь и приводят этим в действие всю машину. Это и по существу не совсем верно, ибо и после первого оборота можно своевременно предупредить полный ход «машины», а как попытка образно представить уголовный процесс — не может быть признана удачной.

Общий итог следует подвести такой — сборник при всех некоторых его недостатках бесспорно полезный, нужный народному следователю и еще раз свидетельствующий о том, что Курская прокуратура трудится над делом улучшения следствия — этого важнейшего, решающего звена во всей работе органов юстиции. Сборник, изданный Курской прокуратурой, может служить и примером.

Однако аналогичные отмеченные выше ошибки не должны впредь повторяться. Об этом т. Заславский должен серьезно позаботиться.

Е. Львов

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР

ЗА СЕНТЯБРЬ 1935 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Просвещение

1. О сроках обучения в школах фабрично-заводского ученичества — пост. СНК СССР от 22/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 405).
2. О школьных письменных принадлежностях — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 14/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 49, ст. 411).
3. Об улучшении и упорядочении изданий географических карт — пост. СНК СССР от 15/VII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 49, ст. 416).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Промышленность

4. О заготовке и планировании заводской шерсти — пост. СНК СССР от 4/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 403).
5. О затратах по строительству, производству вне планов капитальных работ — пост. СНК СССР от 19/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 49, ст. 417).

Земля и сельское хозяйство

6. Об отрезке от совхозов Западносибирского края неиспользуемых ими земель и об увеличении за этот счет земель колхозов — пост. СНК СССР от 8/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 400).
7. Об отрезке от совхозов Сталинградского края неиспользуемых ими земель и увеличении за этот счет земель колхозов — пост. СНК СССР от 14/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 401).
8. Об учете и счетоводстве в колхозах на 1936—1937 гг. — пост. СНК СССР от 11/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 406).

9. О механизированной уборке и вывозке автомашинами сахарной свеклы и об оплате трактористов, рулевых и шоферов, работающих на уборке и вывозке свеклы в совхозах и МТС — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 49, ст. 412).

Транспорт

10. О строительстве канала Москва—Волга—пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 395).

11. О мероприятиях по подготовке эксплуатации канала Москва—Волга — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 396).

Связь

12. Об ответственности органов связи за задержку почтовых отправок с объявленной ценностью — пост. СНК СССР от 26/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 402).

III. ФИНАНСЫ

13. О ценах на гарнирный сбор — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 397).

14. О корабельном сборе при повторных заходах судов в порты Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 398).

15. О ставках налога с оборота на некоторые товары пищевой промышленности — пост. СНК СССР от 26/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 407).

16. О ставках налога с оборота на мясо и мясoproductы — пост. СНК СССР от 1/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 408).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

17. О предельных контрольных нормах естественной убыли зерна и продуктов при хранении на складах и авто-гужевых перевозках — пост. СНК СССР от 7/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 48, ст. 404).

18. О сдаче зерна государству подсобными хозяйствами, артелями промысловой кооперации — пост. СНК СССР от 28/VIII 1935 г. (СЗ 1935 г. № 49, ст. 418).

V. КООПЕРАЦИЯ

19. Об использовании промысловой кооперации заготавливаемого ею лома цветных металлов — пост. СТО от 4/IX 1935 г. (СЗ 1935 г. № 49, ст. 419).

Приветствия, поступившие на имя прокурора Союза ССР

ТИФЛИС.

Первое закавказское совещание руководящих работников прокуратур и судов Азербайджанской, Армянской и Грузинской республик шлет тебе, дорогой Андрей Януарьевич, — стойкому борцу социалистической законности, — горячий привет.

Органы юстиции, призванные партией и правительством всемерно и повседневно бороться за успешное построение социалистического бесклассового общества, под твоим личным руководством поведут неослабную, беспощадную борьбу со всеми сопротивлениями остатков классового врага, обеспечат: перевоспитание и переподготовку людей, укрепляя социалистическую дисциплину и социалистическое правосознание.

Закавказское совещание заверяет Прокуратуру Союза ССР в твоём лице, что все работники органов юстиции ЗСФСР приложат все усилия для успешной борьбы за выполнение директив партии и правительства и указаний любимого вождя — товарища Сталина об укреплении социалистической законности.

Дорогой Андрей Януарьевич!

Мы, работники органов юстиции республик ЗСФСР, исходя из твоих указаний на нашем совещании, включаясь между собой в социалистическое соревнование, выбираем тебя нашим арбитром.

Да здравствует мудрый и великий вождь нашей партии товарищ Сталин!

ТУЛА.

Шлем тебе, дорогой Андрей Януарьевич, наш горячий большевистский привет.

Тысяча активистов суда и прокуратуры гор. Тулы, собравшись для обсуждения очередных задач своей работы, заверяет тебя, что, повышая свою революционную бдительность, они приложат все силы на выполнение директив партии и великого вождя товарища Сталина о борьбе за социалистическую законность, за охрану социалистической собственности.

Да здравствует ВКП(б)!

Да здравствует великий вождь и любимый учитель товарищ Сталин!

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство Советского законодательства

Отв. редактор А. Я. Вышинский
Редколлегия: Г. М. Лаллвский, А. А. Сольц
В. В. Соркин, Л. М. Субцкий, А. С. Шляпчиков

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28.

Рукопись поступила в издательство 27 и 31/X 1935 г. Сдано в производство 28/X и 3 XI 1935 г.
Подписано к печати 25/XI 1935 г. 4 п. л. 10,27 авт. листа; в одном бум. листе 193680 печ. знаков

формат бум. 72×110. С—04 п.; № 197.

Уполном. Главлита Б—13914 Заказ № 1385. Технический редактор Х. Величко Тираж 10 000
15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», М. Дмитровка, 18

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Московским городским финансовым отделом на основании Положения и правил о государственной регистрации (СЗ и распоряжений правит. СССР 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финанс. и хозяйств. законодательств.» 1931 № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц 28 августа 1935 г. под № 509 (пятьсот девятым)

Сокольнический районный жилищный трест „РАЙЖИЛТРЕСТ“,

находящийся в ведении президиума Сокольнической районной организации.

Адрес: Москва, ул. Кирова, д. 17.

Московским городским финансовым отделом на основании Положения и правил о государственной регистрации (СЗ СССР 1931 г. ст. 99 и «Бюллет. фин и хоз. зак.» 1931 г. № 12) зарегистрировано в Государственном реестре юридических лиц 2 сентября 1935 г. под № 315 (триста пятнадцатым)

Московское отделение „РОСМЕТИЗСБЫТ“,

находящееся в ведении Росметизсбыта.

Адрес конт. рм: 2-я Тверская-Ямская, д. 50
Тел. Д 1-82-28.

Московск. гор. фин. отделом на основ. Положения и правил о госуд. регистр. (СЗ и распоряжений правит. СССР 1931 г. статья 9) и «Бюллетень фин. и хозяйств. законод.» 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц 16 сентября 1935 г. под № 514 (пятьсот четырнадцатым)

Районный трест очистки Фрунзенского района

Адрес: Москва, Ростовский пер., 16.

Народным комиссариатом финансов СССР на основ. Полож. и правил о госуд. регистр. (СЗ и распоряжений правительства СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и «Бюллетень финанс. и хозяйств. законодат.» 1931 г. № 1) зарегистрирована в реестре юридических лиц 31 июля 1935 г. под № 3115 (три тысячи сто двадцать пятым)

Государственная союзная контора по строительству и монтажу новых и реконструируемых предприятий машиностроения для легкой промышленности „ЛЕГМАШСТРОЙ“,

находящаяся в ведении Главлегмаша НКТП СССР.
Адрес: Москва, Кузнецкий Мост, 16.

Московским городским финансовым отделом на основании Положения и правил о государственной регистрации (СЗ и распоряжений правит. СССР 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финанс. и хозяйств. законод.» 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц 16 сентября 1935 г. под № 513 (пятьсот тринадцатым)

Районный дорожный трест Фрунзенского района.

Адрес: Москва, ул. Льва Толстого, 10.

НКФ СССР на основании Положения и правил о государственной регистрации (СЗ и расп. правительства СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и БФХЗ 1931 г. № 12) 8 мая 1935 г. зарегистрирован в реестре юридических лиц под № 3004 (три тысячи четвертым)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЮЗНЫЙ АСФАЛЬТО-БИТУМНЫЙ ТРЕСТ,

находящийся в ведении НКТП Союза ССР.

Адрес управления треста:
г. Москва, ул. Кирова, 11.

Московским городским финансовым отделом на основ. Полож. и правил о госуд. регистр. (СЗ и распоряжений правит. СССР 1931 г. ст. 99 и «Бюллетень финанс. и хозяйств. законод.» 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц 16 сентября 1935 г. под № 510 (пятьсот десятым)

„МОСКОВСКИЙ ВОДОПРОВОДНЫЙ ТРЕСТ“,

находящийся в ведении президиума Моссовета.
Адрес: Москва, Театральный проезд, 3.

НКФ СССР на основании Положения и правил о государственной регистрации (СЗ и распоряжений правит. на СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и «Бюллетень финансово-о и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) 7 февраля 1935 г. зарегистрирован в реестре юридических лиц под № 2118 (две тысячи семьсот двадцать восьмым)

Всесоюзный государственный трест по заготовке, переработке и снабжению леммами цветных металлов „ЦВЕТМЕЛОМ“,

находящийся в ведении НКТП Союза ССР
Адрес управления треста: Москва, Дьяков пер., 4.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО**

Открыта подписка на 1936 год на журналы:

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ Орган Прокуратуры
Союза ССР

ЖУРНАЛ освещает политику партии и правительства в деле укрепления социалистической законности и охраны общественной собственности по Союзу ССР от всяких покушений со стороны противобщественных элементов.

ЖУРНАЛ предназначается для работников органов прокуратуры, суда, милиции и уголовного розыска, исправительно-трудовых учреждений, работников исполкомов и сельсоветов, а также для учащихся правовых вузов и юридических курсов.

Подписная цена на 12 мес.—12 руб., на 6 мес.—6 руб., на 3 мес.—3 руб.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 1 руб.

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ

СОВЕТСКАЯ ЮСТИЦИЯ ОРГАН НКЮ РСФСР

освещает политику партии и правительства по укреплению социалистической законности. Помещает руководящие статьи по вопросам судебной, прокурорской и следственной работы. Печатает руководящие материалы НКЮ, Верховного суда, Прокуратуры РСФСР и дает регулярно информацию о новом в деятельности НКЮ.

ЖУРНАЛ рассчитан на работников судебно-прокурорских органов, учащихся правовых вузов и юридических курсов.

Подписная цена на 12 мес.—18 руб., на 6 мес.—9 р. на 3 мес.—4 руб. 80 к.

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО Орган Института советского строительства
и права Комнадемин

(Советское государство)

ЖУРНАЛ освещает проблемы маркс-ленинского учения о государстве и праве, его применение в революционной борьбе мирового пролетариата и прежде всего в практике нового в мире государства пролетарской диктатуры.

ЖУРНАЛ рассчитан на научных работников, преподавателей, аспирантуру, руководящих работников советов, исполкомов, суда и прокуратуры.

Подписная цена на 12 мес.—21 руб., на 6 мес.—10 р. 80 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 3 руб. 50 к.

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

АРБИТРАЖ ОРГАН ГОСАРБИТРАЖА ПРИ СОВНАРКОМЕ СССР

ЖУРНАЛ освещает деятельность государственного и ведомственных арбитражей и печатает их решения по принципиальным и характерным спорам. Уделяет большое внимание вопросам организации договорных связей, заключения и выполнения договоров, а также другим вопросам советского хозяйственного права.

ЖУРНАЛ рассчитан на работников государственного и ведомственных арбитражей, на хозяйственников и юристконсультантов предприятий и организаций.

Подписная цена на 12 мес.—16 р. 80 к., на 6 мес.—8 р. 40 к., на 3 мес.—4 р. 20 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 10 коп.

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

Подписка принимается отделениями, магистранами, истребителями, уполномоченными Когива и во всех почтовых пунктах СССР.

Подписку и деньги в издательство НЕ НАПРАВЛЯТЬ, так как издательство подписки не принимает и рассылки журналов не производит